Р. Дж. Гэдни

ГОВОРИТ АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«— Говорит Альберт Эйнштейн. — Кто? — переспрашивает девичий голосок… <…> — Простите, — отзывается девушка. — Я ошиблась номером. <…> — Вы не ошиблись, — возражает Альберт». Вот так, со случайного звонка 17-летней Мими Бофорт Альберту Эйнштейну в его 75-й день рождения, начинается «поистине чудесный роман, виртуозно балансирующий на грани между фактом и вымыслом, литературный бриллиант чистой воды» (Иэн Макьюэн). Школьница из Нью-Джерси возрождает в почтенном корифее тягу к жизни — а он, в свою очередь, раскрывает перед ней свой мир. В его биографии, как в зеркале, отразилась вся история XX века: вот скромный патентный поверенный из Швейцарии в 26 лет публикует несколько работ, перевернувших всю мировую науку; вот он читает нобелевскую лекцию; вот едва успевает бежать из Германии, захлестываемой коричневой чумой; вот пишет президенту Рузвельту письмо с призывом начать широкомасштабные атомные исследования… «Говорит Альберт Эйнштейн» — это история удивительной дружбы и невероятной жизни. Впервые на русском.

- Р. Дж. Гэдни
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Фотографии
  - ○ Примечания
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10

Р. Дж. Гэдни
Говорит Альберт Эйнштейн

© Е. С. Петрова, З. А. Смоленская, перевод, примечания, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Нелл, Джейго, Тоби, Эллиоту и Тому

Если бы все жили, как я, не было бы приключенческих романов.

Двадцатилетний Альберт Эйнштейн в письме к сестре Майе, 1899

Глава 1

Принстон, штат Нью-Джерси, 14 марта 1954 г.

— Говорит Альберт Эйнштейн.

— Кто? — переспрашивает девичий голосок на другом конце провода.

Утро; Альберту сегодня исполняется семьдесят пять. Он сидит у себя в кабинете на втором этаже небольшого дома на Мерсер-стрит в Принстоне, листая памятный альбом с серебряным тиснением:

АЛЬБОМ АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА

Вслушиваясь, он сильнее прижимает к уху трубку черного телефона марки «Вестерн электрик».

— Простите, — отзывается девушка. — Я ошиблась номером.

У нее характерный акцент бостонских браминов.

— Вы не ошиблись, — возражает Альберт.

— Да? Скажите, пожалуйста, сэр… какой у вас номер телефона?

— Точно не знаю.

— Не знаете свой номер телефона? Вы же Альберт Эйнштейн. Разве может самый известный в мире ученый не знать свой номер телефона?

— Никогда не запоминайте то, что можете найти в справочнике, — говорит Альберт. — А еще лучше — поручайте находить нужные вам сведения кому-нибудь другому.

Во время разговора из его вересковой курительной трубки сыплются искры тлеющего табака — прямо на письмо немецкого физика Макса Борна. Альберт тут же гасит их шлепком ладони.

— Буду знать, сэр, — говорит девушка. — Простите за беспокойство.

— Никакого беспокойства. Скажите, сколько вам лет?

— Семнадцать.

— А мне сегодня семьдесят пять.

— Правда? Семьдесят пять — это дата. С днем рождения.

— Благодарю. Вы сделали мне отличный подарок.

— Я? Каким образом?

— Подняв интересную философскую проблему. Вы набрали неверный номер. Неверный для вас. Но верный для меня. И это любопытнейший парадокс. Как вас зовут?

— Мими Бофорт.

— Откуда вы звоните?

— Из своей комнаты, это не в Принстоне.

— Из комнаты, говорите… а родной дом ваш где?

— В Гринвиче, округ Фэрфилд, штат Коннектикут.

— Приятное место. Вы мне еще позвоните?

— Позвоню, только если вы действительно Альберт Эйнштейн. Тогда конечно.

Он теребит свои густые белые усы.

— А вы загляните в телефонную книгу.

Его правая голень ходит из стороны в сторону. Стопа подпрыгивает вверх-вниз. Он разминает икроножные мышцы. Но даже не догадывается, что его нога совершает столь быстрые движения.

Попыхивая трубкой с табачной смесью «Ревелейшн» в версии «Хаус оф Виндзор» от «Филип Моррис», Альберт уставился на поздравительные открытки и телеграммы, заполонившие не только его письменный стол и другие поверхности, но даже деревянный пюпитр. От кого они — можно только гадать.

Есть, конечно, телеграммы от известных ему лиц, таких как Джавахарлал Неру, Томас Манн, Бертран Рассел и Лайнус Полинг.

Он неловко ерзает в кресле из-за разыгравшейся боли в печени.

Развернув свежий номер «Нью-Йорк таймс», Альберт видит на редакционной полосе слова Джорджа Бернарда Шоу о том, что имя Эйнштейна навсегда останется в истории наряду с именами Пифагора, Аристотеля, Галилея и Ньютона.

На стульях, комодах красного дерева и журнальных столиках лежат отпечатанные на мимеографе оттиски научных работ из Института перспективных исследований Принстонского университета, присланные математиками, физиками, археологами, астрономами и экономистами для его личного ознакомления. Рядом с карандашницами, перед граммофоном и коллекцией виниловых пластинок — в основном с записями скрипичных и фортепианных произведений Баха и Моцарта — красуется стойка его вересковых трубок.

На стене, в ряд — четыре портрета. С одного смотрит Исаак Ньютон. С другого — Джеймс Максвелл, чьи наблюдения Альберт охарактеризовал как самые глубокие и плодотворные из тех, какие обогатили физику после Ньютона. На третьем портрете изображен Майкл Фарадей. На четвертом — Махатма Ганди. Под этими портретами — заключенная в рамку эмблема джайнизма,

символ учения о ненасилии. Эйнштейн берет со стола письмо от Борна.

«Я считаю, — провозглашает Борн, — что такие понятия, как абсолютная определенность, абсолютная точность, окончательная истина и т. д., суть плоды воображения, которым нет места ни в одной области науки».

— Согласен, — говорит про себя Альберт.

«С другой стороны, — продолжает Борн, — любое утверждение о вероятности явления допустимо или недопустимо лишь в рамках той теории, на основании которой оно выстраивается. В таком послаблении мышлению [*Lockerung des Denkens*] мне видится великое благо, данное нам современной наукой».

— Отлично, — бормочет себе под нос Альберт.

«Ибо вера в одну-единственную истину и в обладание ею есть первопричина всякого мирского зла».

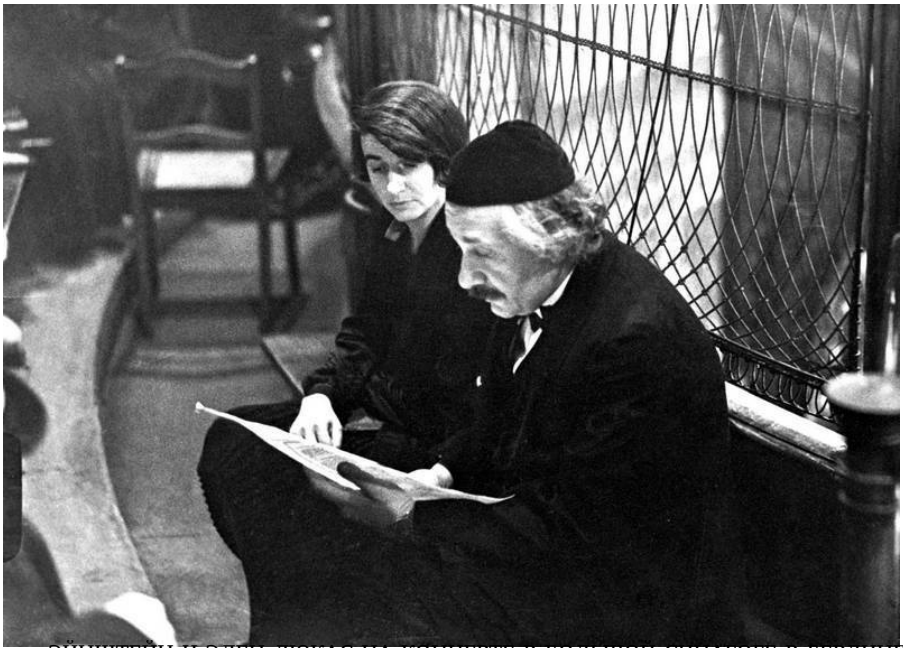
— Так говорит Борн, — произносит Альберт. — И это совершенно верно.

Любимые часы Альберта — высокие напольные, в деревянном футляре, выполненные в стиле бидермейер, — пробили десять. С окончанием перезвона Альберт улыбается сам себе. *F = L + S. Frieden entspricht Liebe und Stille.* (М = Л + С. Мир равняется Любовь плюс Спокойствие.)

Под дверью кабинета Альберта стоит, не смея нарушить бой часов, живущая в доме экономка и секретарь, фрау Элен Дюкас. Она явно не в восторге от услышанного: «Вы мне еще позвоните?»

«Вы» = очередная назойливая поклонница.

Фрау Дюкас отворяет дверь, сопровождаемая удушливым запахом камфоры. Альберт давно хочет сказать ей: «Органическое соединение $C_{10}H_{16}O$ обладает неприятным запахом». Но как-то не решается.



ЭЙНШТЕЙН И ЭЛЕН ДЮКАС НА КОНЦЕРТЕ В БОЛЬШОЙ СИНАГОГЕ В БЕРЛИНЕ, 1930 г.

Грохот, с которым фрау Дюкас распахивает зеленые ставни большого окна, возвещает о степени ее неодобрения. Окно выходит на зеленую пригородную улочку, где раскинули свои ветви плакучие ивы, клены и вязы.

От солнечного света у Альберта еще больше слезятся глаза. Вытирая скопившуюся влагу тыльной стороной ладони, он несколько раз моргает.

Фрау Дюкас, чопорная, рослая, худощавая, приехала из Юго-Западной Германии; она дочь купца немецко-еврейского происхождения. Ее мать — уроженка Хехингена, как и вторая жена Альберта. Вот уже четверть века помощница и привратница Альберта самозабвенно оберегает его покой.

Ее спальня в этом доме по Мерсер-стрит отделена от спальни Альберта только ванной комнатой. Есть в доме также небольшая художественная мастерская со спальным местом, где наездами останавливается падчерица Альберта, Марго. Другая комната некогда была отведена Майе, сестре Альберта. Четыре года назад Майя скончалась.

— С кем вы разговаривали? — интересуется фрау Дюкас.

— Звонила юная особа по имени Мими Бофорт. Приятный голосок. Родина —

«Ах, милый наш старый Бостон,
Что славен треской и бобами.

Там Лоуэлл дружит лишь с Кэботом,
А Кэбот — лишь с небесами».

Не могла бы ты навести о ней справки?

— Она просто ошиблась номером, а я должна наводить о ней справки?

— Да, сделай одолжение. Человек, не совершающий ошибок, никогда не пробовал ничего нового.

— Не обижайтесь, но вы не должны так растрачивать свое время.

— Элен. *Kreativitat ist das Resultat Verschwendeter Zeit*. Творчество есть результат растраченного времени. Будь добра, выясни, кто такая эта Мими Бофорт. Фамилию найдешь в телефонной книге Гринвича, штат Коннектикут. А сейчас принеси мне, пожалуйста, чашечку горячего шоколада.

По обыкновению, Альберт обут в потертые кожаные шлепанцы на босу ногу. Из-под застиранного ворота рубашки видна поношенная синяя фуфайка.

Фрау Дюкас укутывает ему ноги шерстяным пледом.

— Никогда не видела такого количества поздравительных открыток, — изумляется она.

— Было бы что праздновать. День рождения наступает автоматически. И вообще, это детский праздник. — Он снова вытирает глаза. Их блеск только подчеркивает морщины и складки. — Мне семьдесят пять. Мы не молодеем.

Альберт снова набивает трубку любимой смесью «Ревелейшн» из жестяной банки и закуривает. Вверх улетает облачко дыма.

— Элен, пожалуйста, принеси мне горячего шоколада.

— Всему свое время.

— Да что там у тебя в руках, Элен?

Фрау Дюкас протягивает ему газету с фотографией грибовидного облака, выросшего на месте ядерной бомбардировки Хиросимы 6 августа 1945 года.

— Школьники из Линкольна, штат Небраска, просят вас расписаться под этим снимком. Вы готовы дать им автограф?

Окутанный облаком табачного дыма, Альберт беспомощно разглядывает изображение.

— Если без этого никак….

— Тогда я пошла за горячим шоколадом, — говорит фрау Дюкас, будто суля ему поощрение.

Она оставляет Альберта в одиночестве, чтобы он спокойно расписался под газетной фотографией. «*А. Эйнштейн, 14 марта 1954 г.*»

Затем он берет лист бумаги и делает следующую запись:

> В Хиросиме загублено 140 000 невинных душ. Еще 100 000 получили тягчайшие увечья. В Нагасаки погибло 74 000. В результате ожогов, травм и поражений гамма-радиацией 75 000 человек получили не совместимые с жизнью телесные повреждения. При нападении на Пёрл-Харбор погибло… сколько? Я слышал, 2500. Британский поэт Джон Донн писал: «…смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит по тебе». Западный мир доволен, весьма доволен. Я — нет. Удивительные достижения, о которых вам рассказывают в школе, — продукт самоотверженных усилий и бесконечного труда многих поколений во всем мире. Теперь это наследие передано в ваши руки, с тем чтобы вы чтили его, приумножали и в свой черед вручили, как положено, своим детям. Создавая общими усилиями нечто вечное, мы, смертные, обретаем бессмертие.

Фрау Дюкас возвращается с чашкой горячего шоколада. Альберт тем временем повторно набивает трубку, жестом приглашая фрау Дюкас присесть:

— Записывай, пожалуйста, Элен… письмо к Бертрану Расселу.

И начинает диктовать:

— Я всецело разделяю высказанные вами предостережения о том, что перспективы развития человечества беспредельно мрачны. Человечество столкнулось с необходимостью выбора: либо мы все погибнем, либо должны будем проявить немного здравого смысла.

Старинные часы отбивают четверть часа.

— Поэтому вот вопрос, — продолжает Альберт, — который мы ставим перед вами, — вопрос суровый, ужасный и неизбежный: должны мы уничтожить человеческий род или человечество откажется от войн? Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну… С сердечным приветом, Альберт Эйнштейн.

Сбросив стоптанный шлепанец, он достает гранитный голыш, зажатый между пальцами, и придавливает им письмо Борна.

— Меня подкупил голосок этой юной особы. Кстати, об относительности. Если человек сидит рядом с милой девушкой, то вечность пролетает, как одна минута. Но посади его на раскаленную плиту — и минута покажется вечностью. Это и есть

относительность. Мими Бофорт. Бофорт — примечательная фамилия.

— Чем же? — Тон фрау Дюкас предполагает, что в этой фамилии нет ровным счетом ничего примечательного.

Поворачиваясь к окну, за которым солнечные лучи пляшут в кронах деревьев, Альберт разъясняет:

— Она означает «прекрасная крепость».

На его лице вспыхнула улыбка при виде чернокожих ребятишек, играющих на улице под аккомпанемент собственной песенки.

Запевала начинает:

— А мамочка моя…

Остальные подхватывают:

— Где мамочка твоя?

Покачивая бедрами, они поют хором:

Моя мама в Теннесси.
В Тенна-Тенна-Теннесси.
Я не учился в школе,
Но это не помеха.
Когда я слышу буги,
Мой танец — всем утеха.
Делай раз, делай два,
Кругом ходит голова.
Делай раз, делай два,
Кругом ходит голова.

Альберт с трудом поднимается и отплясывает буги-вуги собственного изобретения. Не оборачиваясь к фрау Дюкас, он говорит:

— Будь добра, запиши еще вот что: «Никуда не делись предрассудки, которые я, как еврей, воспринимаю особенно остро; но они не идут ни в какое сравнение с тем, как белые относятся к своим соотечественникам с более темным цветом кожи. Чем больше я чувствую себя американцем, тем больше меня мучает эта ситуация. Только высказавшись, я смогу избавиться от ощущения соучастия».

— Кому это адресовано? — спрашивает фрау Дюкас.

— Мне. Это для меня, Элен. Напоминание самому себе. И еще… то, что я сейчас скажу, должно остаться строго между нами. — Он тяжело вздыхает. — Моя личная жизнь потерпела крах. Нормальный мужчина не бросит даже падчерицу, когда та умирает от рака. А я бросил свою первую жену, и она умерла в Цюрихе. Моя дочь исчезла. Я понятия не имею, где она может

быть. Мне даже не известно, жива она или нет.

— Прошу вас… нельзя допускать, чтобы прошлое подтачивало вас изнутри.

— Мой сын, мой сын… Ты же знаешь, Элен, мой младший сын Эдуард почти четверть века находится в психиатрической лечебнице. Психоанализ, лечение электрошоком — все это напрочь разрушило его память и мыслительные способности.

— Но не ваше к нему любовное отношение.

— Любовное отношение сохраняется у меня только к еврейскому народу. Ни с кем я не чувствовал такой прочной человеческой связи. Как-то я написал Елизавете, королеве Бельгии: «У меня очень скверно на душе от излишнего пиетета, который окружает всю мою деятельность. Я поневоле ощущаю себя самозванцем. *Ich bin ein Betrüger*». Что-то печень разболелась, мне нужен свежий воздух.

Фрау Дюкас распахивает все окна.

Слышно, как из видавшего виды четырехдверного «бьюика» доносится «Тайная любовь» в исполнении Дорис Дэй.

Альберт жестом просит фрау Дюкас поторопиться:

— Проверь по телефонной книге, Элен.

Фрау Дюкас повинуется — и выясняет, что семейство Бофорт проживает в своем родовом поместье Бофорт-Парк, расположенном в округе Фэрфилд, Гринвич, штат Коннектикут. Альберт гадает, как выглядит Мими Бофорт. В ее голосе бесспорно звучит извечное обаяние молодости. Станет ли она ему новой знакомой? А может, наперсницей. Тайной любовью, способной утешить его душу, раздираемую возрастом, болячками и недугами, мрачными предчувствиями. Солнечные лучи падают на его рабочий стол. С чувством полного умиротворения Альберт восторгается этими узорами. И начинает листать потрепанные страницы Сонаты Моцарта для фортепиано и скрипки ми минор, К. 304.

Не каждому дано найти такую нежность, такую чистую красоту и истину. Эти качества неподвластны времени. Подобно Моцарту, он считает, что разгадал все тайны Вселенной. Для нее понятие вечного на порядок выше представлений о руке судьбы и заблуждениях рода людского. С возрастом понимаешь это все отчетливее.

Взглядом он ловит мелькающие на полу тени. В их сплетениях ему видятся лица родных, друзей, близких и любимых. Создается впечатление, что все потаенные и драгоценные узы повторялись по кругу. А почти все другие просто развеялись. Так повелось с самых ранних пор. Еще давным-давно. Декабрьским утром 1944 года, в одиннадцать тридцать, когда в

результате одного из самых мощных авианалетов антигитлеровской коалиции был разрушен дом Б135 по Банхофштрассе в его родном Ульме. Как-то раз он написал корреспонденту, чье имя уже не мог вспомнить: «Время обошлось с ним еще более сурово, нежели со мной».

«Есть ли там, — задумывается Альберт, — хоть что-нибудь от старого Ульма? Что с моими друзьями и любимыми, с теми, кто, оставив след в моей жизни, сформировал меня? Меня — самое известное в мире лицо.

Я был тронут до глубины души, когда жители Ульма предложили переименовать улицу, где я жил, в мою честь. Вместо этого нацисты назвали ее Фихтештрассе в честь Иоганна Фихте, чьими трудами зачитывался Гитлер наряду с другими нацистами, от Дитриха Эккарта до Арнольда Фанка».

После войны улицу все же переименовали в Эйнштейнштрассе. Альберт всегда улыбается, вспоминая свой ответ бургомистру, который сообщил ему эту весть. «Моим именем названа улица. Хорошо, что я не имею отношения ни к чему, что бы там ни произошло. Памятуя о судьбе еврейского народа в нацистской Германии, я нисколько не жалею, что в свое время отказался от немецкого гражданства именно в Ульме».

Он берет ручку и записывает:

> Как и вы, я не в силах подправить свое место рождения. Но могу подправить историю своих любовных похождений юности. Религиозный рай молодости представлял первую попытку освободиться от пут «только личного», от существования, в котором господствовали желания, надежды и примитивные чувства. Там, вовне, был этот большой мир, существующий независимо от нас, людей, и стоящий перед нами как огромная вечная загадка, доступная, однако, по крайней мере отчасти, нашему восприятию и нашему разуму. Изучение этого мира манило как освобождение, и я скоро убедился, что многие из тех, кого я научился ценить и уважать, нашли свою внутреннюю свободу и уверенность, отдавшись целиком этому занятию. Мысленный охват в рамках доступных нам возможностей этого внеличного мира представлялся мне, наполовину сознательно, наполовину бессознательно, как высшая цель. Те, кто так думал, будь то мои современники или люди прошлого, вместе с выработанными ими взглядами были моими единственными и неизменными друзьями. Дорога к

этому раю была не так удобна и завлекательна, как дорога к религиозному раю, но она оказалась надежной, и я никогда не жалел, что по ней пошел. За исключением, пожалуй, того факта, что на земле вряд ли осталось хоть одно разумное существо, которое не знает моей физиономии.

Глава 2

Ульм, Вюртембергское королевство, Германия

— Голова, что за голова такая! — надрывается двадцатиоднолетняя Паулина Эйнштейн. — Какой кошмар!

— Прекрасная головка, — успокаивает ее Герман Эйнштейн, щурясь сквозь пенсне, опасно балансирующее на носу чуть выше его моржовых усов. — У нашего маленького Авраама чудная головка.

— Она вся перекошена.

— Никто тут не перекошен, Паулина.

— Ты только посмотри на этот череп, Герман.

— Все нормально.

— Нет, не нормально. Смотри, какой угловатый затылок.

Пара умолкает. Комнату заполняют звуки города.

Ульм — оживленный швабский город на юго-западе Германии — расположился вдоль левого берега Дуная и славится готическим собором со 162-метровым шпилем, прозванным *der Fingerzeig Gottes*, Перст Господень, — самым высоким в мире. В 1763 году на здешнем органе играл сам Моцарт.

На узких, извилистых, мощенных булыжником улочках, по обеим сторонам которых тянутся фахверковые постройки, царит оживленное движение: лошади, телеги с углем и небольшие свистящие паровые машины. Все это пронизывает тяжелый дух теплого конского навоза.

Квартира Эйнштейнов на Банхофштрассе находится в двух шагах от железнодорожного вокзала. Даже Восточный экспресс по маршруту Париж — Константинополь, *Der Blitzzug,* стал делать в Ульме плановые остановки.

Герман Эйнштейн покручивает усы. Затем подходит к зеркалу и аккуратно приглаживает волосы.

— Я долго думал, как назвать ребенка. Все же наша семья — часть еврейской диаспоры. Поэтому я выбрал имя, которое означает «благородный и умный».

— И какое же?

— Альберт. Альберт Эйнштейн.

Туманным утром 15 марта 1879 года, на следующий день после рождения Альберта, в нанятой пролетке мать, отец и их новорожденный сын приезжают в бюро регистрации рождений города Ульма. Герман, нарядившийся по такому поводу в тонкий

черный костюм индивидуального пошива с узким галстуком, завязанным на бант, как подобает бывшему совладельцу компании по производству перьевой набивки для перин «Израэль и Леви», и Паулина с крошкой Альбертом на руках торжественно предстают перед регистратором. Праздничный наряд Паулины включает украшенный лентами капор, корсет на косточках и пышную юбку со складками и драпировкой.

Родители производят впечатление преуспевающей четы.

Впрочем, два года назад перинное производство приказало долго жить, и сейчас Герман всерьез задумался о новом деле со своим младшим братом, Якобом.

ЭТО МОИ РОДИТЕЛИ: ГЕРМАН И ПАУЛИНА

Якоб — дипломированный инженер — делает ставку на электротехническую область, видя за ней будущее. Без коммерческой хватки Германа тут не обойтись. К тому же отец Паулины — богатый хлеботорговец — обеспечит это предприятие связями по всему Вюртембергу. Если все пойдет как по маслу, Герман, заручившись финансовой поддержкой родни, сможет открыть в Мюнхене *Elektrotechnische Fabrik J. Einstein & Cie*[1] — мастерскую по производству электрооборудования.

Регистратор, выписав свидетельство о рождении, зачитывает его вслух:

— Номер двести двадцать четыре. Город Ульм, пятнадцатого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года. Сегодня торговец Герман Эйнштейн, проживающий в Ульме, Банхофштрассе, сто тридцать пять, иудейского вероисповедания, лично известный, предстал перед нижеподписавшимся регистратором и заявил о рождении ребенка мужского пола, нареченного Альбертом, в Ульме, по его месту жительства, от жены Паулины Эйнштейн, урожденной Кох, иудейского вероисповедания, марта четырнадцатого числа тысяча восемьсот семьдесят девятого года, в одиннадцать часов тридцать минут утра. Прочел, подтвердил и подписал: Герман Эйнштейн. Регистратор: Хартман.

Теперь все официально.

В конце церемонии регистратор, взглянув на ребенка, изображает дежурную улыбку. Но Паулина спешно прикрывает несуразную детскую головку. Молодая мать терзается угрызениями совести из-за того, что произвела на свет такое нелепое существо.

В ВОЗРАСТЕ ОКОЛО ДВУХ ЛЕТ

В тот же день новорожденного осматривает патронажный врач.

Паулина разговаривает с ним шепотом:

— Головка, головка очень большая. У Альберта аномалия.

— Ну что вы, не стоит делать поспешных выводов, — отвечает доктор. — Крупный череп может быть унаследован от матери или от отца. Уверяю, размер и форма черепа никак не влияют на интеллектуальные способности человека. Тем не менее

большая голова может быть признаком внутричерепных заболеваний. Мы измерим окружность головки Альберта и будем регулярно отслеживать ее изменения. Но должен вас заверить, пока я не вижу поводов для беспокойства. Интеллектуальные способности Альберта будут в пределах нормы.

— В пределах нормы?

— Да. В пределах нормы.

Паулина в оба глаза следит за развитием Альберта, но свои опасения по поводу его здоровья доверяет только Герману, а сама уповает на Господа Всемогущего, чтобы ее ребенок не оказался *eine Laune der Natur* — ошибкой природы.

— Моя новая игрушка, моя новая игрушка, — радуется Альберт, увидев 18 ноября 1881 года новорожденную сестренку Марию, которую в семье стали звать Майей. — Но где же у нее колесики?

В Мюнхене семья Эйнштейн вкусила все прелести буржуазной жизни, сперва поселившись в арендованном доме на Мюллерштрассе, 3, а затем переехав в дом с просторным садом по Ренгервег, 14.

— Альберт говорит не так бойко, как другие дети, — жалуется Паулина приехавшей погостить старшей сестре Фанни. — Почему он все повторяет дважды?

Паулина вышивает на скатерти слова «Sich regen bringt Segen» — «Где труд, там и счастье».

— Моя новая игрушка, — медленно произносит Альберт. — Но где же колесики?

— Вот, теперь видишь, Фанни?

— Может, он просто пытливый.

— Пытливый. Пытливый. Мне не нужен пытливый ребенок. Мне нужен нормальный.

— Будет хуже, если он не услышит от тебя ни одного доброго слова. Замкнется в себе. А ты так и не узнаешь, какой он на самом деле.

— Все я знаю. Если так пойдет и дальше, никакого проку из него не выйдет.

— А еще кто-нибудь так думает?

— Конечно. Даже экономка говорит, что Альберт *Schwachkopf* [дурачок]. Постоянно что-то бормочет себе под нос.

Альберт смотрит на мать, потом на тетку и улыбается. Шевелит губами. Мычит. Пускает слюни. Произносит что-то невразумительное.

— Что ты хочешь сказать, Альберт? — спрашивает его мать.

По подбородку стекает слюна. Ребенок топает левой ногой.

— Не пускай слюни! — сердится мать. — Видишь, Фанни. Он совсем не такой, как другие дети. Права экономка.

Он неловко встает на ножки. Сосредоточенно делает каждый шаг, балансируя пухлыми ручонками.

— Земля дрожит у меня под ногами. *Ein Erdbeben*. Землетрясение. *Wunderschön!*[2]

— Сыграй что-нибудь на пианино, — просит Фанни сестру. — Ты писала, что ему нравится, когда ты музицируешь.

Молодая мать направляется к инструменту, Альберт ковыляет за ней по ковру.

Паулина выбирает Моцарта.

Как зачарованный, Альберт смотрит на мать, играющую Сонату для фортепиано до минор, К. 457.

— Не останавливайся, мамочка. Давай, давай, давай.

— Не могу же я до конца своих дней для него играть, — причитает Паулина.

— А может, из него выйдет пианист, — возражает Фанни.

Вечером того же дня отец декламирует Шиллера.

Альберт вжимается в колени отца, завороженный его голосом.

«Нет случайностей. Что в мире / мы все считаем случаем слепым, / то рождено источником глубоким…»

«Только тот, кому хватает терпения довести до совершенства самое простое, сможет овладеть мастерством исполнения сложного»…

«Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет».

Или из Гейне: «Там, где книги жгут, / Там и людей потом в огонь бросают».

И: «Каждый отрезок времени — это сфинкс, который кидается в пропасть, как только разгадана его загадка».

И еще: «У римлян, наверное, не осталось бы времени для завоевания мира, если бы им сначала пришлось изучать латынь».

Альберт смотрит на отца с восхищенной улыбкой.

В доме по Ренгервег, 14, частенько собираются родственники Эйнштейнов и Кохов не только со всех концов Германии, но даже из Северной Италии.

На заднем дворе без умолку галдят дети, в том числе двоюродные сестры Альберта — Эльза, Паула и Гермина, дочери

Фанни. Тетя Фанни замужем за Рудольфом Эйнштейном, текстильщиком из Хехингена. А Рудольф — сын Рафаэля, дядюшки Германа Эйнштейна. И тот и другой род очень гордятся этим запутанным клубком родственных связей. Юный Альберт без труда запоминает имена многочисленной родни.

Однако приятнее всего ему проводить время наедине с самим собой. Порой кажется, что его тело и разум существуют отдельно друг от друга. Одна гостья замечает, что для мальчика он слишком замкнут. Альберт широко раскрывает карие глаза. Сторонние наблюдатели отмечают, что такие темные, тусклые глаза бывают только у слепых.

Безучастный к происходящему, он то наблюдает за голубями, то копошится со своим игрушечным парусником у ведра с водой. Его не привлекают командные игры, как, впрочем, и любые другие игры с детьми; он просто слоняется неприкаянный, иногда злится или уединяется со своей моделькой фабричной паровой машины — подарком Цезаря Коха из Брюсселя, дяди по материнской линии, — или паровым двигателем, таким же, как тот, что используется в паровозах и пароходах, только миниатюрным. Он оборудован предохранительными клапанами на пружинах и свистками. Звуки работающего двигателя — пыхтение паровой трубы, постукивание коленвала и бесконечные свистки — распространяются по всему дому.

Всеобщее раздражение только раззадоривает Альберта.

— Ту-ту-у! — выкрикивает он. — Тудум-тудум. Чух-чух-чух, *die Eisenbahn*![3] — А сам краем глаза поглядывает на гостей.

В свой пятый день рождения Альберт не встает с постели из-за гриппа — вот досада.

— Смотри-ка, что у меня есть, — произносит отец. — Держи.

И вручает Альберту небольшой сверток.

— Можно, я открою, папа?

— Конечно.

— А что там?

— Сейчас сам все узнаешь.

Альберт разворачивает оберточную бумагу, открывает маленькую коробочку и достает компас.

— Папа. Как здорово. Спасибо тебе от всего сердца. Спасибо.

— Надеюсь, тебе понравится.

— Мне уже нравится, папа, и даже очень.

Альберт постукивает по стеклянному окошку компаса.

— Вот и славно. Зайду к тебе попозже.

— Я люблю тебя, папа.

— И я тебя люблю, Альберт.

Оставшись один, Альберт и так и этак вертит и трясет корпус прибора в надежде обмануть стрелку, направив ее туда, куда ему хочется. Но как бы он ни исхитрялся, магнитная игла снова и снова находит путь на север.

Взбудораженный, Альберт весь трепещет от этого чуда, руки дрожат, к телу подбирается озноб. Невидимая сила: выходит, мир таит в себе неизведанные свойства. За вещами должно быть что-то еще, глубоко скрытое.

Майя с восторгом наблюдает, как ее семилетний брат возводит карточный домик высотой в четырнадцать этажей.

— Чудо какое-то, — изумляется она. — Как ты это делаешь?

— Научная инженерия, только и всего, — объясняет Альберт. В минуты увлеченности он говорит без запинок. — Смотри, Майя. Карты беру старые. Видишь? Сначала строим основание. Для этого я прислоняю друг к другу две карты в форме треугольника. Выстраиваю из них ряд. Теперь надо его перекрыть. Выбираю подходящую карту и кладу ее на вершины двух соседних треугольников. Все надо делать очень аккуратно. Когда первый этаж готов, я осторожно начинаю следующий. Повторяю все то же самое и делаю третий этаж, потом четвертый, сейчас мы уже на пятом, и так далее.

— Альберт, это просто чудо. Ты, наверное, будешь жить, как библейский Иисус, и творить чудеса?

— Майя. Мы же не только Библию читаем, но и Талмуд. Мы евреи. Мы — евреи.

— А ты расскажешь мне про Иисуса? Ты столько всего знаешь.

— Ничего я не знаю.

— Ты знаешь все на свете.

— Нет, Майя. Чем больше я узнаю, тем больше убеждаюсь, что ничего не знаю.

Любопытство порой завладевает им полностью.

Альберт часами бродит по окрестностям, рыночным площадям и крытым пассажам, стараясь избегать нагруженных пивом телег, от которых только тряска да грохот. К счастью, Паулина никак ему не препятствует. Наоборот, она дает ему все больше свободы. Для размышлений, для обдумывания своих идей в одиночестве.

Гуляя под моросящим дождем, он наблюдает, как старшие школьники играют в кегли.

— Пожалуйста, разрешите мне бросить разок, — обращается к ним Альберт.

— Ну, попробуй, малой, — смеется школьник. — Держи. — И

подкатывает к Альберту шар.

Но шар оказался таким тяжеленным, что Альберт даже не задевает им кегли. Да к тому же сам падает в грязь.

Школьники заливаются хохотом. Альберт с трудом сдерживает обиду.

Домой он возвращается в слезах.

Чтобы как-то приободрить сына, отец садится с ним в *Droschke* — пролетку последней модели, новинку мюнхенского транспорта. С грохотом проезжая сквозь Изарские ворота, с востока отделяющие Старый город от районов Изарфорштадт и Лехель, отец показывает Альберту фреску победного шествия императора Людвига Баварского.

На дому с Альбертом занимается учительница, хотя мальчик убежден, что она только отвлекает его от действительно важных размышлений.

Однажды он швыряет в нее стульчик. В испуге та убегает и больше не возвращается. Альберт мечтает только об одном: чтобы его оставили в покое, наедине с книгами. Жажда знаний поистине неутолима. Одинокими дорогами разума она ведет его в такие дали, куда никто за ним не поспевает. Вот где счастье. А он тем временем продолжает открывать для себя Мюнхен.

Во время одной из прогулок, когда его застигла непогода, пожилой итальянец приглашает продрогшего до костей Альберта отогреться в своем особняке.

В доме Альберт рассматривает застекленные шкафы, сверху донизу забитые безделушками из стекла и фарфора и разными миниатюрными моделями. На столе атласного дерева стоит копия Миланского собора, выполненная из картона кремовой расцветки. Ажурные окна, барельефы, колонны, перила и статуи — все сделано из хлеба. Старик вовсе не архитектор. По его словам, все чертежи ему подсказывает воображение.

— Я живу в своей голове, — признается итальянец.

— Я тоже, — говорит Альберт. — Что это за памятник?

— Макет надгробия моей супруги. Два года назад она скончалась в своей постели. Прямо здесь. Я и установил макет на месте ее смерти.

Дома Альберт рассказывает отцу о дружелюбном итальянце. Герман объясняет:

— Синьор приобрел свои знания самообразованием. Когда ему было слегка за двадцать, он уже сколотил небольшое состояние, а поскольку теперь заняться ему, в общем-то, нечем, он и живет в своем воображении вместе с этими модельками.

В качестве особого подарка Герман ранним утром берет с собой Альберта на озеро Штарнберг, где во время *Frühlingsfestival*, Праздника весны, они становятся свидетелями спуска на воду небольшого парохода. В те годы пароход можно было увидеть разве что на Дунае, Эльбе или Рейне.

Стоит прекрасная погода. Альберт в восторге от аромата цветущей калины и нарциссов. А на полянах он находит распустившиеся сиреневые крокусы.

Похоже, на берегу озера средь буковых лесов собрался весь Мюнхен. Побеленные дома Штарнберга, церковь Святого Иосифа и отель в стиле швейцарского шале поражают воображение Альберта.

Вдали на горизонте виднеются Альпы. Синие. Серебряные. Розовато-голубые. Их зазубренные вершины. Бледно-рыжие.

Фасады домов украшены флагами, венками и драпировками. Альберт смотрит, как на пароходе развешивают гирлянды. На опушке у края леса он собирает букеты из горечавки и весенней примулы для матери и сестры Майи. Незаметно для себя он проглатывает обед — резиновый кусок отварной говядины и сухой картофельный салат. После спуска судна Альберт вместе с отцом вливаются в праздничную толпу.

Вечерами ему трудно уснуть. Во многом из-за боязни темноты. Он не смыкает глаз до тех пор, пока не поймет, что отец с матерью легли спать и можно без опасений выйти на цыпочках из своей комнаты, чтобы зажечь *Stubenlampe*[4].

Во мраке широкий плоский фитиль разгорается круглым пятном уютного желтоватого света.

Лежа в кровати, он не спускает глаз с яркой полоски между дверью и полом. Одним своим свечением она отгоняет образ снующего по коридорам чудовища, какое приходит после самоубийства, а иногда и после смерти от несчастного случая. Его появление предвещает болезни, хвори, страдание и забытье. А кончается все тем, что оно пожирает родню покойника, потом свою плоть и даже погребальный саван.

На рассвете Альберт просыпается сам не свой. Свет под дверью уже только мешает. Правда, сейчас самое время прикрутить фитиль, чтобы родители ни о чем не прознали. Альберт опять выползает из своей комнаты и гасит свет.

Вернувшись в постель, он снова ворочается с боку на бок — теперь ему не дает уснуть дневной свет, сочащийся в его комнату через щель в деревянных ставнях. Он зарывается головой под подушку. Но свет, конечно, никуда не делся. Чтобы оказаться в комнате, он пролетел сто пятьдесят миллионов километров. От

солнышка, спасибо ему.

Стремительный полет. Полет со скоростью трехсот тысяч километров в секунду. Этот луч, пробравшийся сквозь ставни, оторвался от солнца каких-то восемь минут назад. *Я знаю, как его замедлить.* Он поднимает стакан с водой, преграждая путь лучам. Попадая в него, световой поток преломляется. Альберт прищуривает глаза. Но свет проникает под ресницы и растекается в узкую полоску. Все сильнее и сильнее Альберт стискивает веки. Линия света простирается вширь. И исчезает, когда он зажмуривается.

Каждый ноябрь после нескольких дней обильного снегопада начинается сезон саней, чему несказанно радуется Альберт.

Теперь, гуляя в Английском саду, можно любоваться пушистыми шапками снега, причудливо лежащими на черных пихтовых ветвях. Чистоту и безмолвие всего вокруг нарушает лишь перезвон колокольчиков на ярко-зеленых с позолотой санях, запряженных вороным жеребцом. Возница в меховой шапке, надвинутой на лоб, укутан шерстяной полостью.

На улицах колесный транспорт уступил место санному. Все грузы — кадки и ведра с водой, стянутые латунным обручем деревянные бадьи с молоком — перевозят на санях. Пересев на сани, все радуются, словно дети. Палитра ранней зимы завораживает Альберта. Багряные, розово-зеленые и серебряные листья, сказочные гирлянды клематисов на длинных побегах и сугробы чистого белого снега. Свет ослепляет. Блестит, и преломляется, и преломляется.

— Сейчас пойдем в «Аумайстер», — торжественно сообщает отец.

— Куда-куда?

— В «Аумайстер» — там лучший кофе в городе, прелестные дамы, пирожные. Много пирожных. Но еще больше милых дам.

— Милых дам, милых дам, — напевает Альберт.

Он обожает веселый нрав отца.

В возрасте двенадцати лет он любит пофилософствовать о религии и культуре на семейных обедах.

Отец с помпой представляет Альберта:

— Имею честь пригласить профессора Эйнштейна изложить нам свои соображения на выбранную им самим тему.

— Благодарю. Сегодня тема моей лекции — «Евреи-ашкеназы в свете некоторых скромных идей».

Семья приветствует его аплодисментами.

— Как всем нам хорошо известно, мы — евреи-ашкеназы.

Ашкеназы сформировались как отдельная еврейская община в Священной Римской империи к концу первого тысячелетия. Согласно галахе, Шаббат наступает за несколько минут до захода солнца в пятницу вечером и продолжается до появления на небе трех звезд в субботу. Наступление Шаббата знаменует зажигание свечей и чтение благословения. Вечерняя трапеза обычно начинается с благословения, кидуша, произносимого на две халы. А завершается Шаббат на следующий вечер с благословением во время авдалы. В Шаббат нам запрещена любая работа. Мы созерцаем духовное начало жизни. Проводим время с семьей… Теперь пара слов о приеме пищи. Я предлагаю отказаться от свинины. Ее прекрасно заменит рубленое мясо в макаронах или в супе с клецками из мацы, а еще солонина с жареными картофельными латкес и сладким кугелем с сухофруктами, маслом и сахаром.

Вдруг он замолкает.

— И что? — спрашивает мать.

— Как всем нам хорошо известно, мы — евреи-ашкеназы. Ашкеназы сформировались как отдельная еврейская община в Священной Римской империи к концу первого тысячелетия.

— Альберт! — прерывает его мать.

— Пожалуйста, мама, не перебивай меня.

— Но ты повторяешься.

— Что есть, то есть.

— Я не могу воспринимать это всерьез, — говорит она.

— Того, кто несерьезно относится к мелочам, нельзя посвящать в серьезные дела.

— Думаю, мы уже наслушались, — не выдерживает мать.

Никто и никогда меня не поймет, говорит он про себя.

— Алгебра, — объясняет дядя Якоб, — это математика для ленивых. Если тебе неизвестна какая-либо величина, ты называешь ее иксом и делаешь все вычисления так, будто она тебе известна, потом записываешь полученное соотношение и в конце концов находишь икс.

Когда дядя Якоб подбросил ему теорему Пифагора, Альберт потерял покой. Он бьется над задачей двадцать один день, но все-таки доказывает теорему, не используя ничего, кроме своего собственного интеллекта.

Опуская перпендикуляр из вершины прямоугольного треугольника на гипотенузу, он обнаруживает подобие треугольников и приходит наконец к доказательству, которое так отчаянно ищет.

— В Мюнхене нет еврейской школы, — сообщает сыну Герман. — Поэтому ты пойдешь в Петерсшуле, народную школу на Блюменштрассе.

— Это ближайшая католическая начальная школа, — объясняет Паулина.

— Не еврейская? — уточняет Альберт.

— Католическая, — повторяет Паулина.

— Это хорошо или плохо? — допытывается Альберт.

— Не плохо, — отвечает Паулина.

Герман держит свое мнение при себе.

Альберт утыкается в книжку про Степку-растрепку. И запоминает стишок.

Ай да диво, что за грива!
Ай да ногти, точно когти!
Отчего ж он так оброс?
Он чесать себе волос
И ногтей стричь целый год
Не давал — и стал урод.
Чуть покажется на свет,
Все кричат ему вослед:
Ай да Степка!
Ай растрепка!

Для начала о хорошем.

В письме к своей матери Паулина сообщает: «Вчера Альберт получил табель, он снова закончил первым, отметки у него превосходные». И это притом что шульмейстер в своих методах не пренебрегает телесными наказаниями: он лупит детей, когда они ошибаются, отвечая таблицу умножения. А юный Альберт на дух не переносит строгого повиновения и дисциплины.

И за словом он в карман не полезет, если надо поставить на место высокомерных учеников и властных наставников.

Найти общий язык Альберту удается только с учителем Закона Божьего. Тот благодушно относится к Альберту. На его занятиях все идет хорошо до тех пор, пока учитель не приносит на урок здоровенный гвоздь. С гордостью он сообщает классу:

— Гвозди, которыми Иисуса прибивали к кресту, выглядели так же.

Эта наглядная демонстрация лишь подогревает антисемитские настроения среди школьников, которые без колебаний выплескивают на Альберта всю свою злобу.

За веру в правду и справедливость они дразнят его Честным Джоном. Но в ответ на издевки Альберт может только скривиться,

смерить обидчиков саркастическим взглядом или выпятить дрожащую нижнюю губу. Он учится в такой же обстановке, как и многие забитые дети в то время, да и сейчас: атмосфера школы, как и всего общества, отравлена властью, дутыми авторитетами и страхом, более всего страхом. Противоядие одно — сидеть тихо.

Как и его отец, он старается держать язык за зубами.

В конце концов доходит до того, что главный задира-антисемит плюет в Альберта.

— С этого момента ты изгой. Никто больше с тобой не разговаривает. Тебя не существует. Никто, ничто и звать никак. Ты почитай, что пишет Генрих фон Трейчке: «*Die Juden sind unser Unglück!* Евреи — это наше несчастье! Евреи больше не нужны. Международное еврейство, скрываясь под личиной других национальностей, оказывает разрушительное влияние; мир в нем более не нуждается». И в тебе тоже. *Schmutzige Internationale Jude*. Паршивый международный еврей.

Альберт побелел от злости. Руки трясутся. Сердце сжалось в груди. Глядя на своих одноклассников, он видит, что все от него отвернулись.

У него вырывается:

— Едва ли в мире найдется страна без еврейской прослойки населения. Но где бы ни проживали евреи, они всегда составляют меньшинство, причем ничтожное, неспособное защитить себя от внешних нападок. Правительства с легкостью прикрывают собственные ошибки, упрекая евреев в поддержке той или иной политической доктрины, будь то коммунизм или социализм. На протяжении всей истории в каких только преступлениях не обвиняли евреев — и в отравлении колодцев, и в ритуальных убийствах детей. Но многие претензии — не более чем зависть, ведь еврейский народ, даром что национальное меньшинство, всегда выделялся непропорционально большим количеством выдающихся общественных деятелей на душу населения.

Весь класс скандирует:

— Жид, жид, по веревочке бежит! Жид, жид, по веревочке бежит!

Некоторые отбивают ритм по партам.

— Жид, жид, по веревочке бежит!

Отворяется дверь в класс.

— *Was ist hier los?* — перекрикивает этот гам учитель. [Что здесь происходит?]

Оттолкнув его в сторону, Альберт сбегает из Петерсшуле.

Он клянется, что впредь сумеет за себя постоять. А поможет ему в этом семья. В темной фетровой шляпе поверх черных волос, стреляя по сторонам сверкающими карими глазами, он мчится

домой, да так быстро, что чуть не отрывается от земли. И напевает «Степку-растрепку» на мотив собственного сочинения.

В 1888 году в Соединенных Штатах основали Национальное географическое общество, а в Соединенном Королевстве опубликовали повесть Конан Дойла «Долина Страха». Тогда же в Браунау, в ста двадцати четырех километрах от Мюнхена, Клара Гитлер забеременела своим пресловутым сыном. Так же как и Ханна Чаплин своим Чарли на Ист-стрит в районе Уолворт на юге Лондона. Альберт Эйнштейн тем временем переходит в межконфессиональную мюнхенскую гимназию Луитпольда.

Ему, как и его одноклассникам-евреям, нравятся уроки Генриха Фридмана. Фридман рассказывает о десяти заповедях и иудейских праздничных традициях. При этом Альберт открыто идет на конфликт с учителями латыни и греческого, чья методика обучения больше походит на муштру. Смириться с этим просто невозможно.

— Учебники! — командует шульмейстер. — Открыть учебники. «Степка-растрепка». Страница первая.

Альберт роняет свой учебник на пол.

— Сиди тихо, Эйнштейн!

— А то что?

— Получишь по рукам.

— И от кого же?

— От меня.

— Не нужен мне ваш учебник.

— Еще как нужен.

— А если я уже знаю первую страницу наизусть?

— Ничего ты не знаешь.

— Знаю.

— Лжешь.

— Вы уверены?

— Ничего ты не знаешь.

Учитель на глазах теряет самообладание.

В классе раздаются сдержанные смешки.

— Молчать! — взрывается учитель. — Ну, Эйнштейн, давай!

Альберт испускает театральный вздох.

— Как вам угодно.

И декламирует «Степку-растрепку» на латыни.

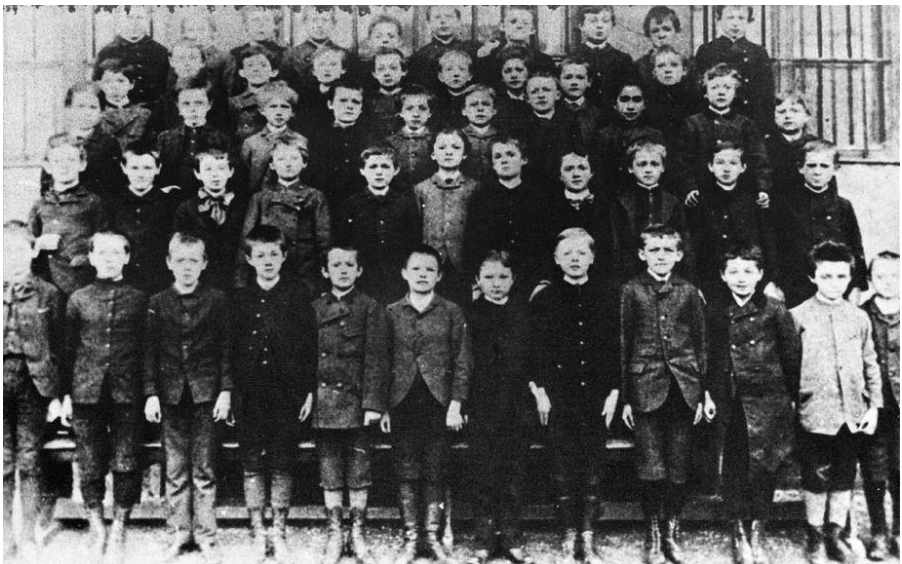
Учитель твердит ему:

— Жирный недомерок. Беспрока. Жалкий неудачник.

— А может, в жизни я добьюсь не меньше вашего, с той лишь разницей, что поле деятельности выберу сам, — ухмыляется

Альберт.

— Вон! Марш домой. *Raus! Raus!*[5]



ЭТО МОИ ОДНОКЛАССНИКИ В ГИМНАЗИИ ЛУИТПОЛЬДА. Я В НИЖНЕМ РЯДУ, ТРЕТИЙ СПРАВА

Вскоре после этого случая Альберт с головой погружается в доказательство теорем, решая задачи дома — просто для себя.

Постоянным гостем на семейных ужинах Эйнштейнов по четвергам становится Макс Талмуд, бедный польский студент-медик из Мюнхенского университета. Макс заинтригован общением с Альбертом. Студент приносит ему научные издания. Одну за другой Альберт проглатывает книги Аарона Бернштейна *Naturwissenschaftlichen Volksbücher* (из серии «Популярные книги по естественной истории») и Людвига Бюхнера *Kraft und Stoff* («Сила и материя»). И Бернштейн, и Бюхнер поражают воображение мальчика, но именно благодаря работам Бернштейна Альберт еще сильнее увлекается физикой.

Жизнь Эйнштейнов в Мюнхене резко меняется, когда предприятие отца терпит очередную неудачу.

В 1894 году, когда Альберту исполнилось пятнадцать лет, семейство вынуждено переехать в Милан, где Кохи намерены взять под контроль деловую активность Германа. Герман и Паулина берут с собой только Майю, на время устраивая Альберта в пансион.

— Мы хотим, — объясняет Герман, — чтобы ты закончил здесь школу, поступил в университет, а после работал по специальности «инженер-электрик». — Так, по крайней мере,

видится будущее Альберта его отцу.

У Альберта на этот счет есть собственные планы.

Он пишет статью и отправляет ее дяде Цезарю в Штутгарт.

«Я затрагиваю весьма спорную научную тему, — говорится в письме. — О связи между электричеством, магнетизмом и эфиром, причем последний рассматривается как гипотетическая сущность, которая не имеет материального воплощения, заполняет, как принято считать, все пространство и передает электромагнитные волны».

Свои мысли он излагает изящным готическим шрифтом на пяти листах бумаги. Под заголовком «Über die Untersuchung des Ätherzustandes im magnetischen Felde»: «Об исследовании состояния эфира в магнитном поле».

«В настоящее время о связи магнитного поля и эфира известно недостаточно, — указывает пятнадцатилетний юнец. — Однако тщательное экспериментальное исследование потенциальных состояний эфира в магнитном поле прольет свет на абсолютную величину эфира, его силы упругости и плотности».

Молодой Эйнштейн натолкнулся на интересный парадокс:

«Что произойдет, если вы будете двигаться вслед за лучом света с его же скоростью? Вы увидите такой луч света как покоящееся, переменное в пространстве электромагнитное поле».

И добавляет, что «все изложенное пока довольно наивно и несовершенно, что, впрочем, абсолютно нормально для человека моего возраста. Не имею ничего против, если Вы проигнорируете эту работу; однако, согласитесь, по крайней мере, это была скромная попытка в письменной форме преодолеть леность, которую я унаследовал от моих дорогих родителей».

Перед поступлением в университет у Альберта есть еще три года, чтобы закончить обучение в гимназии.

Когда его передали на попечение родственников, он захандрил. Обратившись к семейному доктору, Альберт уверяет его, что страдает от сильного нервного истощения.

Однако дело принимает неожиданный оборот. Учитель греческого языка, Дегенхарт, советует Альберту уйти из гимназии. Без сантиментов.

— Что я такого сделал? — возмущается Альберт.

— Ты подрываешь основы.

— Конечно подрываю. Мне не нравятся ваши методы.

— Не нравится — уходи.

— Вы не хотите услышать мои доводы?

— Нет.

— Одно ваше нежелание говорит само за себя.

Собрав свои пожитки, Альберт отправляется к родителям в Милан.

Отсутствие свидетельства о завершении формального образования Альберту даже на руку. Теперь он предоставлен самому себе, своим мыслям. В отличие от других у него есть цель. В своем эссе «Mes Projets D'Avenir» («Мои планы на будущее») он признается, что теория ему ближе, чем практика. А еще: «меня привлекает независимость, которую дают занятия наукой».

Особенно ему претит немецкий дух, который, похоже, олицетворяют такие, как Дегенхарт. *Конечно, я подрываю основы.*

А самое неприятное — в Германии все юноши обязаны пройти военную службу.

Выход только один. *Пока мне не исполнилось семнадцать, я должен уехать из страны и отказаться от ее гражданства. Иначе меня арестуют за уклонение.*

Он садится в поезд до Павии, расположенной в тридцати пяти километрах к югу от Милана, где родителям не остается ничего другого, кроме как принять его.

Ему нравятся разъезды на экспрессе *Schnellzug*. Он слушает, как хлопают двери, предвещая отправление. Смакует запах угольного дыма, гул пыхтящего двигателя, выкрики свистка. Стук колес по кованым рельсам: тук-тук, тудум-тудум. Пляшущие искры раскаленного гравия. Струйки проливного дождя на стекле. А за окном — крупные сортировочные станции Мюнхена и локомотивы марки *Hagans Bn2t*. Горы шлака. Зимой видно только почерневший снег, амбары и старые липы. Весной — цветущие сады. А в разгар лета — кукурузные поля, отливающие серебром, альпийские пастбища, сосны, стога золотистого сена. Но это отходит на второй план. Только во время переездов никто не мешает ему размышлять о своем. Не обращая внимания на болтовню попутчиков, он плутает среди идей, вальсирующих в его голове под стук колес. *Meine Gedankenexperimente*. Мои мысленные эксперименты.

По дороге в Павию он читает письмо Моцарта к отцу:

«Человек посредственного таланта всегда остается посредственным, любит он путешествовать или нет, — но человеку исключительного таланта (в чем я себе, господи, прости за дерзость, не могу отказать) — невыносимо, если он безвыездно остается на одном и том же месте».

Я не имею права оставаться на одном и том же месте.

На первой Международной электротехнической выставке во

Франкфурте Эйнштейны демонстрируют динамо-машины, различные лампы и даже телефонный коммутатор. Предприятию Эйнштейнов выдано несколько патентов.

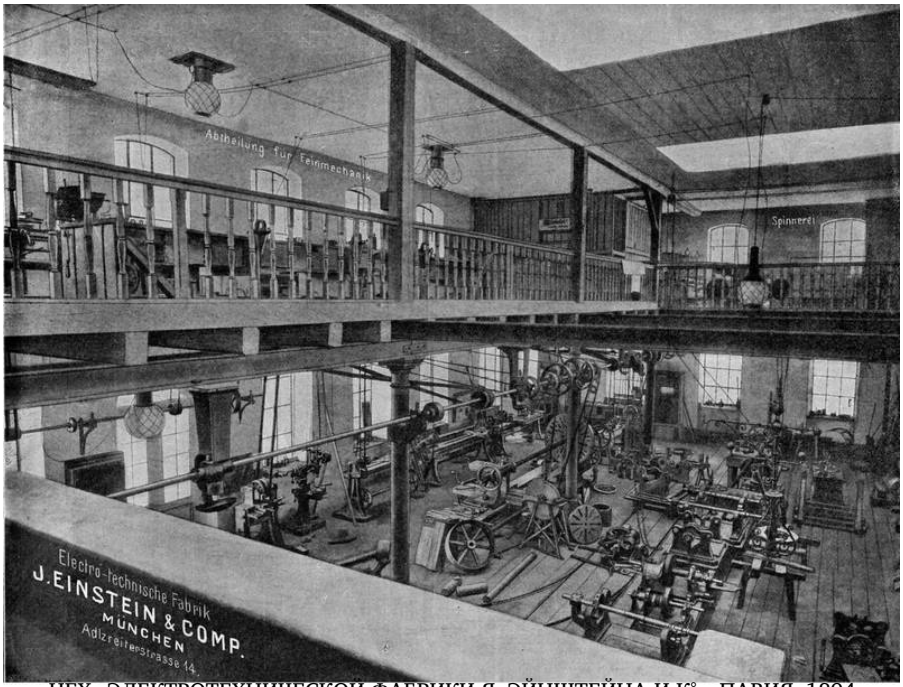
Под официальным названием «Elektro-technische Fabrik J. Einstein & Comp.» фирма расширяет свой штат до 200 человек, занимаясь установкой уличного освещения и прокладыванием электросетей, а однажды получает контракт на иллюминацию города в период «Октоберфеста». Спустя некоторое время предприятие электрифицирует Швабинг — северный пригород Мюнхена. Динамо-машины Якоба, представленные на Международной электротехнической выставке во Франкфурте, способны генерировать до 100 лошадиных сил, или 75 000 Вт. Миллионы людей, в том числе сам кайзер, в восторге от разнообразия электрических диковинок. Фирма Эйнштейнов заключает контракт на проведение электричества в городах Варезе и Суза на севере Италии.

Как ни крути, для успешной конкуренции на оживленном рынке электроустановок требуются крупные капиталовложения — не меньше миллиона марок. А противостоят фирме Эйнштейнов такие гиганты индустрии, как «Дойче Эдисон-гезельшафт» и «Сименс».

В отчаянии семья закладывает свой дом в Мюнхене. Однако средств оказывается недостаточно. И контракт перехватывает Иоганн Шуккерт из Нюрнберга. В течение следующего года дела «Электротехнической фабрики Я. Эйнштейна и К°» сходят на нет.

«Бедствия моих несчастных родителей, — признается Альберт сестре Майе, — которые долгие годы не могут вздохнуть спокойно, сильно угнетают меня. В свои шестнадцать мне больно смотреть на них со стороны, но помочь им я не в силах. Для них я обуза. Лучше бы я вовсе не родился. Одна только мысль, что все эти годы я не позволял себе ни удовольствий, ни развлечений, утешает меня и помогает в минуту отчаяния».

Братья Эйнштейн перебираются на север Италии. Они продают дом в Мюнхене и планируют строительство гидроэлектростанции в Павии.



ЦЕХ «ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ ФАБРИКИ Я. ЭЙНШТЕЙНА И К°», ПАВИЯ, 1894 г.

На новом месте они обустраиваются в большом доме, где некогда жил поэт Уго Фосколо.

Альберт моментально влюбляется в Италию. Он всячески поддерживает отца и дядю в их начинаниях, много читает, размышляет, а однажды отправляется в одиночный пеший поход через Лигурийские Альпы в Геную к своему дяде Якобу Коху.

Лето 1895 года Альберт проводит в Айроло за написанием статей и философских заметок, находясь под впечатлением от афоризма Лейбница: «Нельзя судить о несовершенстве материй хотя бы из-за несовершенства нашего разума».

— Тебе придется как-то зарабатывать на жизнь, — говорит ему отец. — Подумай о профессии инженера, чтобы продолжить семейное дело.

— Нет, отец. Я буду поступать в Швейцарский политехнический институт.

— Это обычный педагогический техникум. Не чета университетам Гейдельберга, Берлина, Геттингена.

— Но это именно то, что мне нужно.

По просьбе Альберта Герман подает за него официальное прошение о выходе из вюртембергского подданства; ходатайство удовлетворили всего за три марки. Теперь ему не надо проходить службу в армии. Не являясь более гражданином Германии, он вот-вот станет студентом-апатридом Швейцарского политехнического

института в Цюрихе.

Впрочем, не все так просто. Директор скептически отнесся к поступлению Альберта. Ведь он не соответствует некоторым предъявляемым требованиям, да и вообще не имеет «матуры» — выпускного гимназического аттестата. Вот что сказал директор: «Знаю из опыта, что крайне нежелательно забирать ребенка, даже так называемого вундеркинда, из школы, в которой он начал обучение». Альберту необходимо заполнить пробелы в общем образовании. И все же, если Эйнштейны настаивают, директор готов пойти им навстречу и допустить Альберта к вступительным испытаниям, закрыв глаза на возрастные ограничения, — так и происходит.

Но, увы, срезавшись на языках и истории, следующий год Альберт вынужден провести в кантональной средней школе в Арау, в тридцати минутах от Цюриха. Здесь чтят либеральные ценности и делают упор на естественно-научные дисциплины.

К началу осеннего семестра Альберт прибывает в Арау, кантон Аргау, в сорока пяти километрах от Цюриха, и поселяется в доме семьи Винтелер. Йост Винтелер преподает в его школе историю и филологию.

Шестнадцатилетний Альберт, освоившись на новом месте, глубоко привязался к этому семейству. Уроженец швейцарского округа Тоггенбург, Йост Винтелер раньше занимался журналистикой и орнитологией. Эффектный, свободомыслящий либерал, он презирает силовую политику и разделяет отвращение Альберта к немецкому милитаризму. У Винтелеров четыре сына и три дочери. В доме царит особая атмосфера, создаваемая книгами, музыкой, шумными вечерами и оживленными беседами. Иногда отец семейства устраивает вылазки на природу с обязательным запуском воздушного змея. По привычке он болтает со своими птицами. Во время пеших прогулок Альберт всегда натягивает серую фетровую шляпу.

Улыбчивого юного философа в доме приняли как родного. Альберт стал называть Йоста Винтелера «папа» и его жену, Паулину, «мамерль» или «мамуля № 2». Ей можно доверить все свои переживания.

Он часами не вылезает из своей синей ночной рубашки, беседуя за чашечкой кофе с одним из сыновей Винтелеров — Паулем, ставшим ему близким другом. Альберт нежится в лучах славы «подрывателя основ». Все женщины в доме очарованы его горящими глазами, взъерошенной шевелюрой и острым языком. Для них он на скрипке играет Баха и Моцарта. Его мощное

исполнение не лишено изящества.

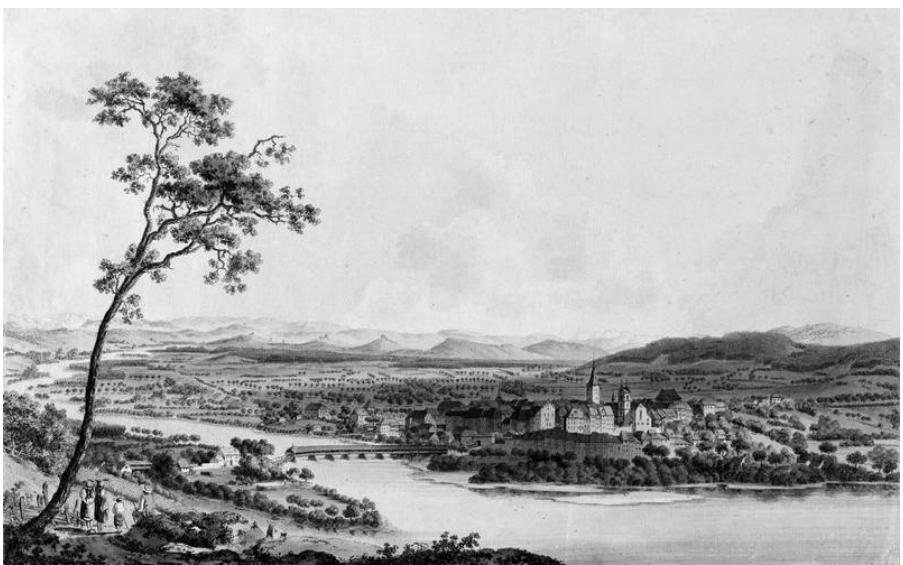
На фортепиано ему аккомпанирует восемнадцатилетняя Мари — студентка педагогического колледжа в кантоне Аргау. Из трех дочерей она самая красивая, особенно сейчас, в пышной юбке до пола и блузке с расклешенными рукавами. Альберта тянет к ней, как магнитом. Флиртуя с ней, он цитирует «Крысолова» Гёте: «По струнам проведу рукой, и все они бегут за мной».

Мари, конечно, не столь эрудирована, как Альберт, но это не мешает их взаимной влюбленности. Они постоянно хихикают между собой и везде оказываются вместе. Часто захаживают с друзьями в какой-нибудь *Kaffeehaus*.

Родители им не препятствуют, скорее даже поддерживают эту неофициальную помолвку. По возвращении в Павию на весенние каникулы Альберт признается матери, что с каждым письмом от Мари все больше тоскует по тому дому. Сам он пишет: «Дорогое мое солнышко, ты значишь для моей души больше, чем прежде — весь мир».

Мари называет его *Geliebter Schatz* — любимым сокровищем.

В письмах Альберта из Павии заметен его трезвый взгляд на их отношения. И Мари понимает: глубина его мыслей останется для нее непостижимой. Альберт одержим природой электромагнетизма. Мысленно он представляет, что произойдет, если ему удастся оседлать световую волну. Но Мари не хватает романтики.



АРАУ

Интересы Альберта переносятся в Берлин, где Вильгельм Рентген провел передовые исследования в области катодного излучения. Это излучение возникает при подаче электрического заряда на две металлические пластины внутри стеклянной трубки, заполненной газом низкой плотности. Рентген замечает слабое свечение на светочувствительных экранах, а причина тому — ранее неизвестное излучение с проникающей способностью, рентгеновское излучение.

Альберт бы с радостью поехал в Берлин, если бы не его неприязнь к Германии и немецкой культуре. В этой стране антисемитизмом дует из всех щелей. И все потому, что немцы не находят себе места, глядя на преуспевающих евреев. Их не покидает страх, что евреи могут заполучить еще больше власти. При этом у Альберта в голове не укладывается, как немецкое гостеприимство уживается с такой враждебностью.

К тому же он не желает иметь ничего общего с проявлениями национализма. Он хочет стать гражданином Швейцарии.

Альберт пытается как-то успокоить Мари: «Окажись ты сейчас рядом, я бы, отбросив все приличия, наказал тебя поцелуем да хорошенько посмеялся над тобой, как ты того заслуживаешь, мой сладкий ангелок! Сколько можно терпеть, в конце концов? Но куда ж деваться, если меня ждет мой любимый, непослушный ангелочек?»

ЛЮБИМАЯ ФОТОГРАФИЯ МАРИ

Пока Альберт находится в Арау, запутанные семейные отношения приобретают неожиданный оборот. У Майи завязываются романтические отношения с Паулем, братом Мари. Анна Винтелер льнет к лучшему другу Альберта — инженеру Мишелю Анжело Бессо.

Шестью годами старше Альберта, Бессо родился в Рисбахе, на окраине Цюриха, в сефардо-итальянской семье, кочевавшей с

места на место; между юношами мгновенно возникла взаимная симпатия. Впервые они встречаются на музыкальном вечере в доме Селины Капротти. Выпускник Политехнической школы, с черными кудрями и нервным пристальным взглядом, Бессо, как и Альберт, глубоко интересуется философскими вопросами физики. К тому же в его послужном списке тоже имеется отчисление из средней школы — за жалобы на некомпетентность учителя математики.

Альберт буквально очарован Бессо, который только что навлек на себя гнев начальства, поручившего ему проинспектировать работу электростанции: Бессо опоздал на поезд, а добравшись наконец до места, никак не мог вспомнить, зачем приехал. Когда же в головную контору приходит телеграмма от Бессо с просьбой уточнить инструкции, его начальник заключает, что парень «совершенно бесполезен и довольно неуравновешен».

— Мишель, — говорит Альберт, — ужасный шлемиль.

Они с Бессо на одной волне, и Альберт к нему сильно привязан: «Никого у меня нет ближе тебя, никто не знает меня так хорошо, как ты, никто так не расположен ко мне, как ты».

В гостях у Селины Капротти Альберт знакомит Бессо с Анной Винтелер, и между ними сразу вспыхивает любовь.

АННА И МИШЕЛЬ

Поток невидимого света, воображаемого, как будто приобретает очертания.

Теперь не Берлин манит Альберта, а Цюрих.

Но сначала в июне Альберт с друзьями совершит трехдневное восхождение на Зентис, самую высокую — более 2500 метров — гору в регионе Альпштайн на северо-востоке Швейцарии. Хребтовая часть маршрута довольно обрывиста. К тому же Альберт катастрофически плохо экипирован. Свое пальто он подпоясывает шарфом. Ботинки промокают — отстала подошва.

Щурясь под моросящим дождем, он всем телом опирается на свои альпенштоки.

Небольшая группа одноклассников карабкается к вершине Фэльальп, затем пробирается по заснеженному участку к следующему, еще более крутому, каменистому склону одинокого пика Россмад.

Они двигаются на запад в сторону голого скалистого хребта над ледником. Альберт завороженно смотрит на близлежащие вершины хребта Курфирстен, расположенного к западу от Цюрихского озера, к востоку от горного массива Форарльберг и к северу от Бодензее, близ Констанца. Двухчасовой спуск до перевала Швегальп в некоторых местах невероятно крут и требует максимальной концентрации. Альберт с трудом удерживает равновесие на горном карнизе, и нога соскальзывает вниз. Срываясь, он вот-вот скатится в пропасть.

Раздается крик.

Адольф Фриш, ближайший школьный товарищ Альберта, протягивает ему свой альпеншток.

Альберт хватается за него что есть силы, и Фриш втаскивает приятеля наверх, в безопасное место.

Фриш крепко обнимает Альберта. Того трясет, по лицу стекают капли пота.

— Опусти голову на колени, — советует Фриш. — Так и сиди. Медленный выдох. Теперь вдох.

— Спасибо тебе, Адольф.

— Пустяки.

— Пустяки? Ты мне жизнь спас, вообще говоря.

— Так бы сделал любой из нас.

— Прости, от меня столько хлопот.

— Никаких хлопот. Но, если честно, альпинист из тебя никудышный.

В сентябре 1896 года, в возрасте семнадцати лет, он получает аттестат о среднем образовании с высшими баллами по физике и математике. Наконец-то можно поступать в Политехническую школу. Цюрих становится все ближе.

Его целеустремленность и глубина мыслительных поисков приведут к тому, что он, пожалуй, станет величайшим ученым, чей интеллект выходит далеко за пределы нормального.

В расставании с Мари есть грустная неизбежность.

Она перебралась за 570 километров от него — в Ольсберг, отдаленный городок в районе Хохзауэрланд в Вестфалии, где получила место преподавателя.

Предвкушая начало новой жизни, семнадцатилетний Альберт пружинистой походкой шагает по перрону Центрального вокзала

в Цюрихе. Держа в одной руке потрепанный скрипичный футляр, а в другой — чемодан, он выходит на Банхофштрассе.

На другом берегу реки Лиммат виднеются здания в стиле неоклассицизма — Политехникум и Цюрихский университет. В объятиях гор лежит старый город с его церквями, отелями, банками и ресторанами, с его римскими развалинами и Цюрихским озером на юго-востоке. Откуда-то сверху доносится лязг и дребезжанье трамвайчиков, ползущих по склонам Цюрихберга и Утлиберга. В Цюрихе с гордостью хранят наследие кальвинизма.

Месячного содержания в 100 франков, высылаемого тетушкой Юлией Кох, Альберту хватает на то, чтобы в студенческом квартале снимать жилье у фрау Кэги на Юнионштрассе, 4, вблизи Башлигплац.

Альберт с увлечением наблюдает за охватившим Европу в период *fin de siècle*[6] брожением в науке и искусстве. Фрейд исследует природу снов и сексуальной истерии; в Вене публикуется его «Толкование сновидений». В Париже под сенью Эйфелевой башни — новой городской доминанты — Стефан Малларме экспериментирует со звуковым обликом стихотворного текста и случайным выбором. Всю Францию потрясает дело Дрейфуса. 13 января 1898 года в газете «Аврора» появляется открытое письмо Эмиля Золя президенту Феликсу Фору, в котором писатель обвиняет правительство в антисемитизме и незаконном заключении под стражу Альфреда Дрейфуса, приговоренного к пожизненной каторге за шпионаж. Золя указывает на судебные ошибки и отсутствие доказательной базы, после чего сам предстает перед судом по обвинению в клевете и 23 февраля 1898 года признается виновным. Золя бежит в Англию, но уже через год возвращается. В 1900 году Всемирную выставку в Париже посещает 51 миллион человек. В 1901 году в Швеции присуждаются первые Нобелевские премии. В том же году в Мюнхене Кандинский создает художественное объединение «Фаланга».

ЦЮРИХ

Стабильность и свобода — вот главные достопримечательности Цюриха. Юнг, приехавший сюда из Базеля в 1900 году, считает, что «связи Цюриха с миром строились не на культуре, а на торговле», но здесь он «дышал воздухом свободы и очень этим дорожил. Здесь люди не ощущали духоты тяжелого коричневого тумана многовековой традиции, хотя культурной памяти Цюриху, безусловно, недоставало». Роза Люксембург, известная марксистка и в будущем основательница Коммунистической партии Германии, и ее соратники уже проживают в городе, затесавшись среди студентов, вольнодумцев и прочих отщепенцев. В 1901 году Томас Манн публикует свой первый роман «Будденброки». Вся Европа сходит с ума по ар-нуво. В 1905 году Анри Матисс выставляет свою «Радость жизни». Двумя годами позже Пикассо переосмысливает живопись картиной «Авиньонские девицы».

Рядом с Цюрихским университетом, на Рэмиштрассе, находится Швейцарский федеральный технологический институт. В глубине здания затаился небольшой внутренний дворик. За распахнутыми дубовыми дверьми института — арки и антресоли, на которые падает тусклый свет из высоких окон и световых фонарей.

Теоретическая физика только-только вступает в свои права как учебно-научная дисциплина. Ее пионеры — Макс Планк в

Берлине, Хендрик Лоренц в Голландии и Людвиг Больцман в Вене — объединяют физику с математикой, обозначая те области, которые еще предстоит исследовать.

Именно с математикой связано большинство дисциплин основной учебной программы Альберта в Политехникуме.

Ну а Мари… Их отношения слишком утомили Альберта.

Когда Альберт полунамеком сообщает, что собирается к ней в Арау, Мари готова прыгать до потолка. В ответном письме она клянется ему в вечной любви. Этот пафос только усугубляет положение. Она посылает ему подарок: заварочный чайник.

Альберту ясно: эти односторонние отношения надо разорвать. Он пишет ей открытым текстом, что переписку следует прекратить.

Мари отвечает: не может быть, что он хотел сказать именно это.

Альберт еще больше раздражается. Брюзжит по поводу чайника. Не нужен ему чайник.

Она в ответ: «Дело в том, что моя посылка с этим глупым маленьким чайником не должна была доставить тебе удовольствие, пока ты не соберешься заварить в нем хороший чай. И прекрати делать это сердитое лицо, которое смотрит на меня со всех страниц и из всех уголков твоего письма».

Больше он ей не пишет.

Мари обращается за советом к его матери.

«Негодник стал ужасно ленивым, — сообщает Паулина Эйнштейн, — я напрасно ждала новостей от него три последних дня; я должна буду устроить ему хорошенькую взбучку, когда он приедет домой».

В конце концов Альберт ставит в известность мать Мари о разрыве отношений с ее дочерью. И о том, что на весенние каникулы он не приедет в Арау.

> Это было бы более чем недостойно, если бы несколько дней блаженства были оплачены новой болью, которой и так по моей вине на долю бедного ребенка выпало слишком много. Я испытываю странное чувство удовлетворения оттого, что теперь я сам должен испытать часть той боли, которую я причинил бедной девочке по своему легкомыслию и непониманию ее тонкой душевной конституции. Напряженная интеллектуальная работа и наблюдения за божественной природой — вот те утешающие и укрепляющие меня, но безжалостно строгие ангелы, которые ведут меня через

все жизненные трудности. Если бы только я мог передать часть этого ощущения бедному ребенку. И все же что это за странный способ пережить жизненные бури; часто в моменты осознания я чувствую себя страусом, прячущим голову в песок, чтобы избежать опасности.

Пока Мари страдает острой депрессией, в поле зрения Альберта попадает другая особа.

На курс математики и физики записываются пятеро юношей и одна девушка — Милева Марич, двадцатилетняя стройная венгерка сербского происхождения. Альберту нравится ее серьезность. Она будто не от мира сего, почти как он сам. Первое, что бросается в глаза, — ее ортопедические ботинки. Она прихрамывает на одну ногу. Его восхищает, что она без лишней суеты справляется со своей инвалидностью.

В институте Милева сдружилась с Хеленой Славич из Вены. Хелена учится на историческом. Они проживают с двумя студентками из Сербии и двумя — из Хорватии в пансионе фройляйн Энгельбрехт на Платтенштрассе, 50, недалеко от Альберта.

В одном из многочисленных кафе на Башлигплац в Цюрихе Альберт философствует в компании своего друга Марселя Гроссмана, выходца из старинной аристократической семьи в Тальвиле.

ЭТО МИЛЕВА

Альберт набивает свою длинную трубку:

— Говорю тебе. Атомы и механика — это те понятия, которые сведут явления природы к основополагающим принципам, так же как геометрия сводится к нескольким аксиомам и доказательствам.

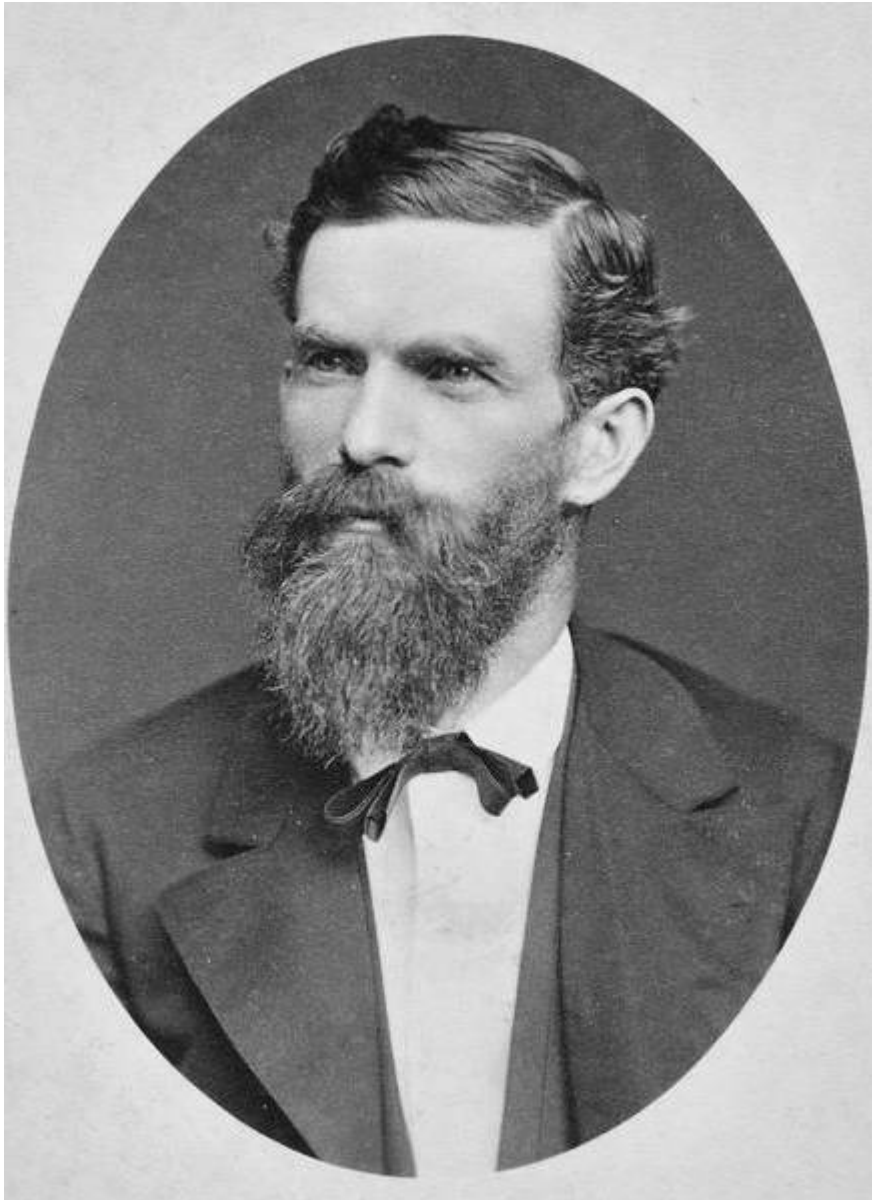
Оба они возмущены праздным образом жизни буржуазии, обещая друг другу никогда не увязнуть в трясине быта и провинциальности.

Студенты в неумеренных количествах потребляют кофе, колбасу и табак; у Альберта на зубах появляется бурый налет. По вечерам в кругу друзей он музицирует. Играет Моцарта: Сонату для скрипки ми минор и Сонату № 6, К. 301. Затем компания пробирается в построенную Готфридом Земпером институтскую

обсерваторию, где можно понаблюдать в телескоп за ночным небом. Милевы пока не видно даже на горизонте.

Альберт ораторствует в физических лабораториях, надеясь привлечь внимание Милевы. Та ненадолго поднимает голову, но почти всегда возвращается к своим конспектам. Учеба на первом месте. Альберт следует за ней по пятам. Тайком разглядывает Милеву в библиотеке, любуясь ее сочными, зазывными губами. Как-то он приметил ее с друзьями на концерте Теодора Бильрота, исполняющего Брамса. Один лишь ее взгляд, как может показаться, излучает мощную чувственность. Возможно, из-за страха быть отвергнутым Альберт держится в стороне, ожидая, когда Милева сделает первый шаг, но та не спешит.

Тогда же Альберт наживает себе первых врагов. Он дерзит декану физического факультета, профессору Генриху Фридриху Веберу, чрезвычайно гордому новым корпусом, на строительство которого он сумел подвигнуть компанию «Сименс». Интересы Вебера ограничиваются историей физики. Альберт, наоборот, страстно увлечен физикой настоящего и будущего. За рамками лекций Вебера оказывается даже кумир Альберта — математик, физик-теоретик Джеймс Клерк Максвелл, чьи новаторские уравнения точно описали теорию электромагнитного поля.



ГЕНРИХ ФРИДРИХ ВЕБЕР

В отношении Вебера Альберт нахально игнорирует нормы этикета, обращаясь к нему не «профессор», а «герр Вебер». За дерзкие выходки Альберта Вебер затаил к нему тлеющую неприязнь.

Но Альберт знает, чего хочет. Он записался и на другие курсы Вебера, такие как физика, электроколебания, электромеханика, теория переменного тока и абсолютные электрические измерения.

Многое Альберт изучает самостоятельно. Он потрясен серией

блестящих экспериментов Генриха Герца, который открыл радиоволны и доказал верность теории электромагнитного поля Джеймса Клерка Максвелла. Другая заслуга Герца — обнаружение фотоэффекта, ставшего одним из первых ключиков к разгадке существования квантового мира.

Однажды Вебер, отведя Альберта в сторону, говорит:

— У вас неплохие задатки, Эйнштейн.

— Благодарю, герр Вебер.

— Профессор Вебер. Но есть у вас и большой недостаток. Вы никогда не прислушиваетесь к чужому мнению.

Альберт расценивает эти слова как похвалу.

Причиной конфликта с другим профессором Политехникума — Жаном Перне — стали систематические пропуски Альбертом лекций по началам физических экспериментов. Пухлый коротышка Перне настаивает, чтобы Альберту объявили *Verweis*: официальный директорский выговор.

Как-то раз Перне вызывает Альберта к себе в кабинет:

— В вашей работе заметно определенное рвение. Вы не лишены честолюбия. Но способностей не хватает. Почему бы вам не сменить физику на что-нибудь другое? Почему бы не выбрать, к примеру, медицину, филологию или юриспруденцию?

Альберт молчит.

— Так почему же? — не отстает Перне.

— Да потому, что я чувствую в себе способности к физике, — отвечает Альберт. — С какой стати я должен от нее отказываться?

— Как знаете, Эйнштейн. Как знаете. Но я вас предупреждаю. В ваших же интересах.

На следующей лекции он получает от Перне инструкцию по выполнению лабораторных работ, которую тут же с почестями отправляет в мусорную корзину.

Доходит до того, что в лаборатории Перне Альберт оказывается в центре скандала. Одна студентка изо всех сил пытается заткнуть пробкой лабораторный сосуд. Перне указывает ей, что пробирка разлетится вдребезги.

— Он же сумасшедший, — нашептывает ей Альберт. — На днях от злости грохнулся в обморок. Свалился замертво прямо в аудитории.

Пробирка взрывается. Осколки впились Альберту в правую руку. Из-за травмы он почти месяц не может играть на скрипке.

Зато преподаватель математики Герман Минковский, тридцатилетний еврей из России, никаких нареканий у Альберта не вызывает; впрочем, и его лекции Альберт прогуливает почем зря. Минковский называет его лентяем.

Ближайший друг Альберта, Марсель Гроссман, потомок старинной швейцарской династии, родился в Цюрихе. Альберт восхищается Гроссманом. И старается ему подражать. Оба — завсегдатаи кафе «Метрополь» на набережной реки Лиммат. Своих родителей Марсель уверяет: «Настанет день — и этот Эйнштейн покорит мир».

Спасение от всех издержек учебного процесса — музыка. Бах. Шуберт. Моцарт. А также одинокие прогулки под парусом по Цюрихскому озеру.

Альберт пристрастился к музыкальным вечерам в пансионе фройляйн Энгельбрехт на Платтенштрассе, 50, куда он приходит со своей скрипкой, прихватив и учебник физики. Милева играет на тамбурице и на фортепиано.

Вдобавок Альберт посещает заседания швейцарского отделения Общества этической культуры.

Роль политического наставника Альберта берет на себя Густав Майер, директор универмага «Бранн», известный в научных и художественных кругах.

Теперь Альберт собирается с духом, чтобы назначить свидание Милеве. Он приглашает ее на пешую прогулку в горы. *Eine Wanderung*. Посмотреть на мир с вершины цюрихского Утлиберга.

Они совершают однодневную вылазку: сев в поезд на Центральном вокзале Цюриха, доезжают до Утли и гуляют по склону, пестреющему цветочным ковром.

— Смотри-ка, — произносит Альберт. — *Allium ursinum*.

— Что-что?

МАРСЕЛЬ ГРОССМАН

— Черемша.

Утлиберг — высота 870 метров — вознесся над крышами Цюриха и живописными голубыми озерами.

Альберт обнимает Милеву за плечи.

— Это долина Реппиш, — рассказывает он. — Вот там Бернские Альпы, Эйгер, Менх и Юнгфрау.

Он берет ее за руку. Они смотрят друг другу в глаза.

Наклонившись, Альберт срывает цветок и протягивает его Милеве:

— Это тебе.

— Мне?

— Да, тебе.
— А это что?
— *Myosotis alpestris*. Незабудка. Даешь обещание?
— Какое угодно.
— Не забудь-ка.

Она притягивает его лицо к своим губам. Губы у нее мягкие, сочные. Игривый язычок. Альберт гладит ее по щекам. Вдыхает легкий аромат ее одеколона. Медленно проводит рукой по ее спине. Милева чувственно вздыхает. Они стоят молча и улыбаются.

Когда Альберт приезжает на каникулы в Милан, мать замечает, как он преобразился. Дом полнится шутками и смехом, звуками скрипки и фортепиано.

Альберт всерьез увлекается историей еврейской общины Милана, возникшей сравнительно недавно, в начале девятнадцатого века. До этого, во времена правления Сфорца и Висконти, евреям было дозволено задерживаться в городе не долее чем на несколько дней. Затем, в начале 1800-х годов, эти ограничения были сняты. В 1892 году в Милане открыли синагогу.

Альберту приятно думать, что нигде в мире больше нет такого города, в самом центре которого зеленел бы виноградник. Находится он во дворе дома Ателлани на Корсо Маджента. Самое примечательное — владельцем виноградника в свое время был не кто иной, как Леонардо да Винчи. Альберт мысленно переносится в 1490 год, когда Леонардо начал сажать виноградные лозы.

Он погружается в чтение сочинений да Винчи, выписывая те наблюдения и мысли Леонардо, которые, очевидно, служат подтверждением его собственных. Подборку цитат из Леонардо он озаглавил так: «Я знаю, что это верно».

> Испытай один раз полет, и твои глаза навечно будут устремлены в небо. Однажды там побывав, на всю жизнь обречен тосковать о нем.
>
> Тот, кто отдается практике без знания теории, похож на моряка, который отправляется в рейс без руля и компаса, не зная, куда его занесет.
>
> Жалок тот ученик, который не превзошел своего учителя.
>
> Перспектива света есть моя собственная перспектива.
>
> Если Господь — свет всего сущего — удостоит меня просветлением, я осмелюсь трактовать свет; и потому

разделю нынешнюю работу на три части… Линейная Перспектива, Перспектива цвета, Перспектива исчезновения.

Кто предложит мне жалованье, на которое можно было бы существовать? Крайне досадно, что необходимость думать о заработках вынуждает меня прерывать исследования и отвлекаться на всякие мелочи.

Он думает о Милеве. «Я люблю тебя. Я люблю тебя, Милева Марич».

— Нельзя обвинять гравитацию в том, что у влюбленных земля уходит из-под ног, — бормочет он себе под нос.

По словам Леонардо, «процесс деторождения и все, что этому сопутствует, настолько омерзительны, что люди рано или поздно вымрут, если не будет красивых лиц и чувственных декораций».

Ich liebe dich, Mileva. Ich liebe und verehre dich.

Я люблю тебя, Милева. Люблю тебя, обожаю.

В приподнятом настроении вернувшись в Цюрих, он мчится прямиком на Платтенштрассе, но там его ждет удар. Дверь открывает хозяйка пансиона, Йоханна Бахтельд.

— Вы к Милеве? — спрашивает она.

— Да.

— Она уехала, — сообщает фройляйн Бахтельд.

— Что-что?

— Бросила учебу и уехала.

— Куда?

— К себе в Венгрию, — говорит фройляйн Бахтельд.

— Надолго?

— Не знаю. Думаю, навсегда.

В течение месяца Милева хранит непонятное молчание.

Альберт догадывается, что она, скорее всего, вернулась в Кац — туда, где родилась, в семейный особняк «Кула» — это где-то в Венгрии, почти в тысяче километров к востоку от Цюриха.

С детства эта неугомонная, смышленая девочка придумывала себе увлечения, на фоне которых ее врожденный вывих бедра не слишком бросался в глаза. Она училась игре на фортепиано и пыталась заниматься танцами.

Отец говорил: она двигается в танце, как подраненная птичка.

Путь к знаниям у Милевы не менее извилист, чем у Альберта. Из-за переездов, связанных с государственной службой отца, она сменила несколько школ: народная школа в Руме, Сербская

женская гимназия в городе Нови-Сад; реальное училище в Сремска-Митровице и другие учебные заведения в Сабаче и Загребе. В конце концов глубокое увлечение математикой привело ее в цюрихский Политехникум, а там и к Альберту. И что теперь? Она уехала.

Что подтолкнуло ее к возвращению домой — загадка; возможно, даже для нее самой. Альберту она не дает о себе знать. А тот при всем желании не может с нею связаться.

Тем временем Милева вновь срывается с места, едет на запад, в Гейдельберг, и останавливается в отеле «Риттер».

Она сводит знакомство с Филиппом Ленардом, новоиспеченным профессором теоретической физики в Гейдельбергском университете и зачинателем создания электронно-лучевой трубки, в которой катодные лучи дают светящееся изображение на люминесцентном экране.

Проведя настоящее расследование среди знакомых Милевы, Альберт наконец выясняет ее местонахождение.

Он отправляет ей письмо с просьбой выйти на связь. Томится в ожидании ответа. Когда приходит долгожданная весточка, его лихорадит от волнения. Любимая пишет:

> Мне бы стоило сразу ответить и отблагодарить Вас за жертвоприношение в виде Вашего письма, возвратив тем самым частицу того удовольствия, что Вы доставили мне во время нашего совместного похода; но Вы утверждали, что писать нужно лишь тогда, когда соскучишься, — а я очень покладиста (спросите фройляйн Бахтельд). Я все ждала и ждала, когда же скука замаячит на горизонте, но до сегодняшнего дня ожидание было тщетным, поэтому я в точности не знаю, как на это реагировать. С одной стороны, ждать можно было и до скончания века, но тогда Вы бы сочли меня невежей, с другой — мне по-прежнему трудно писать Вам начистоту.
>
> Вам уже известно, что некоторое время я провела в дубравах живописной долины Неккара, чье былое очарование, к сожалению, теперь окутано густым туманом. Как бы сильно я ни всматривалась, передо мной маячило только одно — серая и пустынная бесконечность.
>
> Отец дал мне упаковку табака, которую я должна вручить Вам при личной встрече.
>
> Он жаждет подогреть Ваш интерес к нашей маленькой стране разбойников. Я рассказала ему о Вас

— Вам обязательно нужно будет когда-нибудь побывать здесь вместе со мной: Вам с ним будет о чем потолковать! Хотя мне придется выступить в роли переводчицы. Выслать табак по почте я не могу, иначе с Вас возьмут за него пошлину и Вы проклянете и меня, и мой подарок.

Кстати, вчера на лекции профессора Ленарда было очень интересно; сейчас он читает нам кинетическую теорию газов. Оказывается, молекулы кислорода движутся со скоростью более 400 метров в секунду, и любезный профессор, исписав доску всевозможными вычислениями, подстановками, дифференциальными и интегральными уравнениями, наконец показал, что эти молекулы, двигающиеся с такой скоростью, проходят лишь расстояние, равное 1/100 толщины человеческого волоса.

С наилучшими пожеланиями,

Ваша Милева

Милева подумывает о возвращении в Цюрих.

У ее отца по поводу восемнадцатилетнего Альберта есть только одно опасение.

«Тебя, конечно, забавляет, что он одевается как попало и не придает значения своему внешнему виду. Что он вечно теряет ключи и забывает багаж в поезде. Но ведь ты старше его на четыре года. У вас большая разница в возрасте».

— Может, и так, — возражает она. — Но у нас много общего. С ним я могу поговорить о чем угодно. И это взаимно.

— Какие у него карьерные перспективы?

— Устроится где-нибудь учителем, папа. И родня у него при деньгах.

— Ты любишь его, Милева?

— Да, папа. Люблю.

— Это заметно, это заметно.

Сначала Альберт обращается к ней чопорно: «Дорогая фройляйн». Затем переходит на игривое «Liebes Doxerl» — «Любимая Собачка». Милева в переписке называет его *Johanzel*, то есть Джонни.

«Без тебя мне недостает уверенности, — пишет Альберт, — желания работать и наслаждаться жизнью, короче говоря, без тебя моя жизнь — не жизнь. Если бы ты могла хоть ненадолго приехать и побыть со мной! Только ты понимаешь мою смятенную душу, а я — твою».

В следующем письме Милева сообщает, что у нее зоб —

увеличение щитовидной железы, которое приводит к образованию заметного комка на шее.

Эта весть шокирует родителей Альберта. В Милеве им видится отталкивающее уродство. Их комментарии оскорбительны.

Милева проводит время в уединении, прогуливаясь по лесу или по берегу реки. Ее развеселила присланная Альбертом книжка Марка Твена «Пешком по Европе». Рукой Альберта подчеркнуто:

> В немецком языке девушка лишена пола, хотя у репы, скажем, он есть. Какое чрезмерное уважение к репе и какое возмутительное пренебрежение к девушке! Полюбуйся, как это выглядит черным по белому, — я заимствую этот диалог из отлично зарекомендованной хрестоматии для немецких воскресных школ:
>
> Гретхен: Вильгельм, где репа?
>
> Вильгельм: Она пошла на кухню.
>
> Гретхен: А где прекрасная и образованная английская дева?
>
> Вильгельм: Оно пошло в театр.

В одиночку Милева посещает лекции, сидит в библиотеке, ходит в Курпфальский музей искусства и археологии во дворце Морас.

Одиночество дается ей тяжело, до Альберта слишком далеко. Она тоскует. И возвращается в Цюрих.

Для своих выпускных диссертаций и Альберт, и Милева выбирают темы, связанные с теплопроводностью. Альберт получает 4,5 балла из 6; Милева — 4. Альберт успешно сдает итоговый экзамен, входя четвертым в пятерку выпускников. Милева, не набрав достаточного количества баллов, планирует пересдать экзамен на следующий год. Получив диплом, Альберт мог бы при желании преподавать математику и естественные науки в средней школе, но такого желания у него нет. Он нацелился остаться при Политехникуме. Вебер отклонил его кандидатуру, окончательно разорвав их отношения. В отношениях Альберта с матерью тоже не все гладко. Паулина пишет ему: «Ты должен найти девушку и взять ее в жены. К тому времени, как тебе исполнится тридцать, эта уже превратится в старую грымзу. А если она забеременеет, вот уж ты хлебнешь горя». Альберт отвечает, что они не «живут во грехе».

Средств не хватает. Молодая пара кое-как перебивается

частными уроками. Альберт претендует на преподавательские должности в Лейдене, Вене и Берлине. Но его запросы в большинстве своем остаются без ответа.

По его убеждению, все это козни Вебера.

— Больше нет смысла рассылать письма профессуре, — говорит он Милеве.

— Останавливаться нельзя.

— Вебер наверняка будет и дальше меня очернять. В скором времени от Северного моря до южных берегов Италии не останется ни одного профессора-физика, к которому я бы не попросился на кафедру.

Милева все более замыкается в себе, ее нервозность и депрессия становятся предметом беспокойства их общих друзей, но в первую очередь — самого Альберта. Он расхваливает ее наряды, прически. Играет для нее Моцарта. Все напрасно. Она целиком поглощена работой, поисками научной истины.

Он считает, что ей нужно сменить обстановку. И предлагает втайне от всех организовать для них двоих романтическое путешествие.

— Не лучшая идея, — со значением отвечает она, глядя на него в упор. — Мне нужно поработать. Тебе, кстати, тоже. И потом — Комо… все эти дамочки, затянутые в корсеты из китового уса, в сопровождении камеристок…

— Мы будем обходить их стороной. Тебе понравится местная кухня.

— Откуда ты знаешь?

— Ты сама говорила, что любишь рыбу.

— Разве?

— И даже называла окуня.

Милева улыбается.

— Отведаем традиционное итальянское блюдо. *Risotto al Pesce* с окунем: туда входит рис, приготовленный на белом вине, с луком и маслом. Устроим себе шикарный ужин с видом на снежные вершины.

— Ты настаиваешь?

— Да.

— Ну ладно.

Ранним воскресным утром 5 мая 1901 года, дрожа от нетерпения, он ждет ее в Комо на вокзале Сан-Джованни.

Во время прогулки по берегу озера Белладжо Альберт спрашивает:

— У тебя есть любимая книга?

— Есть. «Новая сербская арифметика» Василия Дамиановича.

— А кумир?

— Александр Македонский.

— Александр Македонский?

— Он покровительствовал наукам и медицине. А какое твое любимое место? — спрашивает Милева.

— Млечный Путь. Небесное пространство. Мое пространство. Здесь он может избавиться от страха.

Они посещают Кафедральный собор Комо, последний готический собор Италии. Гуляют, восторженные, рука об руку по садам виллы Карлотта, среди рододендронов, азалий и тропической растительности, под сенью кедров, секвой и огромных платанов.

КОМО

У копии со скульптуры Антонио Кановы «Амур и Психея», выполненной Тадолини, они сжимают друг друга в объятиях, проводят ночь в маленьком отеле, а на другой день нанимают санную повозку и, кутаясь в пальто и шали, отправляются в горы.

Альберт находит место домашнего учителя в Шаффхаузене, на севере Швейцарии.

Милева живет отдельно в городке Штайн-на-Рейне, в девятнадцати километрах от Альберта. Он приезжает к ней каждую неделю. И всякий раз видит, как угнетает ее и эта разлука, и осуждение их союза со стороны родителей Альберта. Его упрямая мать в открытую заявляет, что не будет иметь ничего

общего с Милевой.

В дождливый летний день они снова встречаются в кафе с видом на Рейн. Альберт замечает, что у нее непривычно довольный вид, и рассыпается в комплиментах.

— Ты просто светишься от счастья.

— Так и есть.

— Как же мне повезло, что я встретил тебя, человека, с которым я во всех смыслах на одной волне.

Она тянется к его руке:

— Альберт. Потрогай мой живот. Нас будет трое.

Альберт сидит не шелохнувшись, но расплывается в улыбке. Слова застревают в горле.

Потом он встает, хотя у него подкашиваются ноги, обнимает Милеву и плачет:

— У нас будет девочка.

— Этого ты знать не можешь.

— Нет, я точно знаю. Мы назовем ее Лизерль. Но до поры до времени будем хранить тайну.

— Ты читаешь мои мысли. Я буду рожать дома, в Нови-Саде.

Взявшись за руки, они улыбаются сквозь слезы счастья.

С получением швейцарского гражданства Альберт сразу находит вакансию учителя на подмену в *Technikum Winterthur* — Винтертурской технической гимназии, что в шестнадцати километрах от центра города. Его нагрузка составляет шесть утренних часов. В свободное время он работает дома, но вскоре увольняется, откликнувшись на частное объявление в педагогическом журнале, и становится репетитором у Якоба Нюэша, студента реального училища в Шаффхаузене. К этому времени он уже свыкся с мыслью, что нормальную работу ему никто не предложит.

— Как знать, — сетует он, — быть может, меня ждет доля уличного скрипача — стоять с протянутой рукой.

В 1902 году наконец приходит добрая весть от Марселя Гроссмана. Тот уговаривает Альберта, которому уже стукнуло двадцать три года, занять должность технического эксперта третьего разряда в Швейцарском национальном патентном бюро в Берне. Годовое жалованье приемлемое: 3500 франков. Работа шесть дней в неделю, с 8 до 16 часов, в здании бернского почтамта и телеграфа.

«Сомнений больше нет, — пишет Альберт Милеве. — Вот увидишь, скоро ты станешь моей счастливой женушкой. Наши

трудности позади. Только теперь, скинув этот тяжкий груз со своих плеч, я понимаю, как сильно люблю тебя. Вскоре я смогу обнять Любимую Собачку и назвать ее своей перед всем миром. Вместе мы будем заниматься наукой, чтобы не превратиться в обрюзгших мещан».

Не успел он обустроиться, как получил тревожные известия из Милана. Здоровье его отца ухудшается.

Больное сердце сильно подорвало здоровье 55-летнего Германа, и Альберт застает его уже при смерти.

Он просит у отца благословения на брак с Милевой. Впрочем, нельзя быть уверенным, что Герман согласится. Ведь никогда прежде Эйнштейны не сочетались браком с иноверцами. Тем не менее за три дня до смерти Герман дает свое согласие. Он просит родных покинуть его комнату, чтобы он мог уйти из жизни в одиночестве.

Альберт терзается чувством вины из-за невозможности быть рядом с умирающим отцом.

Милош Марич, отец Милевы — офицер сербской армии, судья, — относится к положению дочери, мягко говоря, без восторга. Ребенка можно отправить с глаз долой к родне, можно отдать на усыновление. На рубеже веков в Швейцарии не приветствовались внебрачные связи. Альберт, как, впрочем, и Милева, понимает, что ситуация складывается не в их пользу. В Политехникуме он заслужил репутацию высокомерного, самоуверенного наглеца. От него отвернулись все, кто мог бы подставить плечо. Милева — славянка. Он — еврей. Но последней каплей на весах его будущего грозит стать перспектива появления на свет незаконнорожденного ребенка. Отвергнутые обеими семьями, Альберт и Милева оказываются в изоляции.

Некоторое утешение дает Альберту разве что жизнь в Берне. Город стоит в излучине реки Аре. Здесь сохранился дух пятнадцатого века: сводчатые галереи, мощеные улицы, фонтаны. По словам Альберта, это «древний, изящный и уютный городок, в котором можно жить так же, как в Цюрихе».

БЕРН

Он снимает комнату на Герехтигкейтгассе, в Старом городе. За бульваром Правосудия, перетекающим в Крамгассе, присматривает скульптура богини правосудия, венчающая фонтан «Юстиция» Ганса Гинга. На фоне статуи с завязанными глазами Альберт при своем росте в 175 сантиметров выглядит коротышкой.

В правой руке богиня сжимает меч.

— Тебе нравится эта богиня? — спрашивает Милева.

— Да, при условии, что она любит правосудие так же сильно, как мы с тобой любим друг друга.

Отец Милевы сообщает Альберту последние новости: Милева родила девочку, назвали Лизерль.

«Здоровенькую? — спрашивает Альберт Милоша в ответном письме. — Какие у нее глазки? На кого из нас она похожа? Кто ее кормит молоком? Она не голодает? У нее совершенно не должно быть волос. Я ее уже так люблю, но даже не знаю ее совсем!»

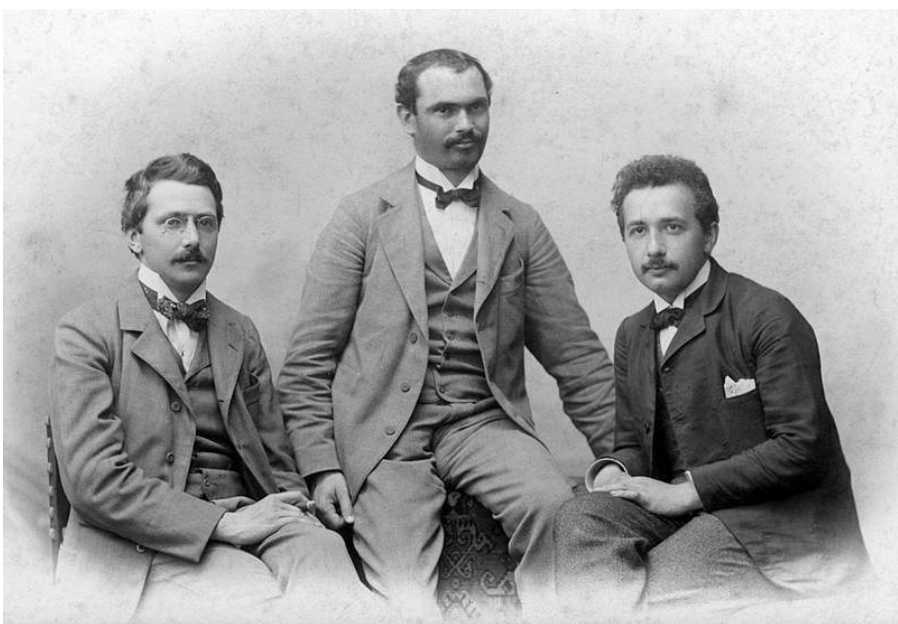
При этом Альберт остается в Берне. И никому не рассказывает о Лизерль, хотя сам сказал, что ее любит.

Милева выражается намеками: «Думаю, пока стоит воздержаться от упоминаний о Лизерль».

Альберт не спорит — голова у него занята другим.

В компании студента философского факультета Мориса Соловина и банкирского сына Конрада Габихта он предается рассуждениям о философии науки. Их троица провозглашает себя «Академией „Олимпия“».

Вместе они читают «Дон Кихота» Сервантеса, «Антигону» Софокла, «Трактат о человеческой природе» Юма, «Механику» и «Анализ ощущений» Эрнста Маха, «Этику» Спинозы, «Науку и гипотезу» Пуанкаре. Эти труды повлияли на формирование собственной научной философии Альберта.



СОЛОВИН, ГАБИХТ И АЛЬБЕРТ

Трое становятся закадычными друзьями. Как-то раз Соловин, решив пойти на концерт, пропустил заседание, которое должно было состояться у него дома, но оставил для Альберта и Габихта немного съестного и записку: «Любезные друзья, вам приветствия и крутые яйца». В отместку Альберт с Габихтом переворачивают

гостеприимную квартиру вверх дном: сдвигают мебель, переставляют книги, убирают куда-то посуду и столовые приборы. В комнатах висит табачный дым. Напоследок они тоже оставляют ему записку: «Милейший друг, тебе приветствия и густой дым». Всех троих этот случай чрезвычайно повеселил.

Соловин и Габихт строят догадки насчет ребенка Милевы. Вывод напрашивается сам собой. Она точно родила — только слепой этого не заметит. Но тогда почему Альберт не поехал в Сербию повидать новорожденное дитя? Неужели младенца отдали на усыновление? Может, он стал жертвой эпидемии скарлатины? Если верно последнее, то, скорее всего, Альберт или Милева хоть что-нибудь да рассказали бы.

Ни Соловин, ни Габихт не допускают даже мысли о том, чтобы расспросить Альберта и Милеву. Да и как к ним подступиться, чтобы услышать ответ?

Они вспоминают слова Пифагора: «Молчи или говори что-нибудь получше молчания».

В общем, эту тему решили не поднимать.

Через шесть лет со дня знакомства и через год после рождения Лизерль, во вторник, 6 января 1903 года, Соловин и Габихт созывают специальную сессию «Академии „Олимпия“», чтобы засвидетельствовать бракосочетание Альберта и Милевы в бюро регистрации Берна. Паулина отсутствует.

Альберт — первый среди Эйнштейнов, взявший в жены не еврейку. Церемония не затянулась.

Остаток дня Альберт, Милева, Соловин и Габихт проводят в барах и кафе, пьют вино, едят сосиски, грюйер и мороженое.

Альберт играет на скрипке.

Герр и фрау Эйнштейн возвращаются в свою мансарду на тихой улочке Тилльерштрассе, дом 18, на правом берегу Аре, и обнаруживают, что Альберт потерял ключи; приходится беспокоить соседей.

Весь следующий месяц супруги прикованы к постели: их настигла эпидемия гриппа, охватившая Швейцарию. В Берне эпидемия унесла жизни 18 000 человек.

Альберт откровенничает с Бессо: «Ну вот, теперь я женатый человек, и жизнь наша с женой очень приятна и уютна. Она прекрасно заботится обо всем, хорошо готовит и всегда жизнерадостна».

Милева пишет подруге: «Я сейчас даже ближе к своему любимому, если это вообще возможно, чем это было в пору нашей жизни в Цюрихе. Он мой единственный спутник и моя компания,

и я счастлива, когда он рядом».

Альберт делает попытки свыкнуться с укладом буржуазной жизни, но тщетно.

Отдушиной для него становятся заседания Бернского общества естествоиспытателей в отеле «Шторхен» на Шпитальгассе, 21, куда он попал по приглашению доктора Йозефа Заутера, коллеги по патентному бюро. Альберт наслаждается собравшейся компанией, беседами, дебатами. В протоколе общества секретарь делает запись от 2 мая: «Членство г-на Альб. Эйнштейна, математика в патентном бюро, одобрено».

5 декабря 1903 года на заседании общества Альберт читает свою первую лекцию по теории электромагнитных волн.

14 мая 1904 года в доме 49 по Крамгассе после тяжелой беременности Милева рожает сына, Ганса Альберта. Альберт и Милева души в нем не чают. Альберт смеется вместе с сыном и играет с ним во время купания. Милева приспосабливается к домашнему быту.

В патентном бюро Альберта полюбили и оценили; его должность объявлена постоянной. Он близко сходится с Мишелем Бессо. Друг в друге они, как и все адепты физики, ценят общее понимание того, что различие между прошлым, настоящим и будущим не более чем иллюзия. Активность и уверенность Альберта — на подъеме.

АЛЬБЕРТ, МИЛЕВА И ГАНС АЛЬБЕРТ, 1904 г.

У Милевы как раз наоборот. Она все больше капризничает и ревнует его к работе. В квартире, где зимой холодно, а летом жарко и плохо проветривается, висит зловоние пеленок, смешанное с табачным дымом. Из шпагата и спичечных коробков Альберт мастерит для Альбертля игрушечные машинки. Занимает его сказками, играет на скрипке колыбельные. Одной рукой он придерживает Альбертля на колене, а другой что-то записывает. Для Альберта *она* перестала быть близким научным соратником. Нянька и стряпуха — это теперь ее главные обязанности. Она боится одиночества, отсутствия общения, изоляции. Ее тянет хоть с кем-нибудь перемолвиться словом.

Сидя у окна мансарды, Милева разглядывает прохожих и

довольных посетителей ресторанчика «Цум унтерн юнкер» на первом этаже их дома по Крамгассе. Время тянется медленно; его отсчитывают куранты на часовой башне, что в двухстах метрах от дома.

Глава 3

1905

Год чудес

> Глядя на меня озорными водянистыми глазами, Альберт рассказал, что, переехав с Милевой в тесную мансарду на Крамгассе, 49, в Старом городе Берна, он и помыслить не мог, что 1905 год станет самым невероятным годом в его жизни. И уж тем более этого не могли предвидеть его скромные сослуживцы.
>
> *Мими Бофорт, Принстон, 1955*

В тишине опустевшего патентного бюро двадцатишестилетний Альберт поудобнее устраивается на высоком табурете; крупная голова заросла копной волос. Потертый твидовый пиджак и брюки давно стали ему тесны. Он без носков. В воздухе висит облако дыма от его дешевой сигары «виллигер». Он убивает время написанием обзоров и статей для самого авторитетного немецкого журнала, посвященного проблемам физики, — «Annalen der Physik».

В марте 1905 года он выдвигает положение о том, что свет состоит из мельчайших частиц (в терминологии Альберта — фотонов), а Вселенная — из дискретных частиц материи и энергии.

В апрельском и майском номерах журнала публикуются две его статьи.

Гипотеза о движении атомов и молекул вызывает жаркие научные споры. Среди тех, кто пренебрежительно отзывается о концепции Альберта, — профессор Эрнст Мах и профессор Вильгельм Оствальд. Оствальд, в частности, отстаивает идею о связи термодинамики исключительно с энергией и способами ее преобразования в окружающем мире. Наряду с Махом он утверждает, что законы термодинамики вовсе не обязательно сводить к механике, которая с необходимостью предполагает существование невидимых атомов, находящихся в движении.

Ничто из этого Альберта не останавливает. Далее он описывает новый метод подсчета и определения размера атомов и молекул в заданном пространстве. В следующей научной работе

он применяет к жидкостям молекулярную теорию тепла, чтобы объяснить так называемую загадку броуновского движения. В 1827 году шотландский ботаник Роберт Броун поместил в воду пыльцу растений и заметил, что частички находятся в хаотическом движении.

По утверждению Альберта, если крошечные, но видимые частицы, помещенные в жидкость, находятся в подвешенном состоянии, то их движение обусловлено воздействием невидимых бомбардирующих атомов. Он очень подробно объясняет это явление и предсказывает, что под микроскопом можно будет различить хаотичное, беспорядочное движение этих частиц.

В мае он пишет письмо Конраду Габихту, получившему должность преподавателя математики и физики в Протестантском педагогическом институте в швейцарской коммуне Ширс, обещая прислать ему четыре сенсационные работы.

> Первая посвящена излучению и энергии света и очень революционна. Вторая работа содержит определение истинной величины атомов. Третья доказывает, что согласно молекулярной теории тепла тела величиной порядка 1/1000 мм, взвешенные в жидкости, испытывают видимое беспорядочное движение, обязанное тепловому движению молекул. Такое движение взвешенных тел уже наблюдали физиологи — они назвали его броуновским молекулярным движением. Четвертая работа пока еще находится в стадии черновика, она представляет собой электродинамику движущихся тел и меняет представление о пространстве и времени.

Пояснением к его доводам служит та самая «сенсационная» июньская работа. Из чего состоит Вселенная: из атомов, из электронов? Пространство и время весьма загадочны и, более того, неосязаемы.

«Согласно предположению, которое будет здесь рассмотрено, если луч света идет от точечного источника, энергия не распределяется в расширяющемся объеме непрерывно, а состоит из конечного числа энергетических квантов, локализованных в точках пространства, причем излучаться и поглощаться они могут только неделимыми порциями».

Он не ожидал, что к его аргументам будет приковано такое внимание.

«Я хочу понять, как Бог создал этот мир… все остальное — мелочи. По-настоящему меня интересует, мог ли бы Бог

сотворить мир иным, то есть оставляет ли вообще какую-либо свободу требование логической простоты».

Его работа вызывает бурю протестов. Теперь он применяет относительность для создания своего уравнения, определяющего соотношение между массой и энергией: m и E. Проще говоря, он делает вывод, что при достижении движущимся телом скорости, стремящейся к скорости света, c, масса данного тела увеличивается. Чем быстрее движется тело, тем оно тяжелее. Если допустить невозможное — что тело движется со скоростью света, — то его масса и энергия будут бесконечны.

Наконец появляется его пятая работа, докторская диссертация, озаглавленная «Новое определение размеров молекул».

Уравнением $E = mc^2$ Альберт первым предположил, что эквивалентность массы и энергии является общим принципом, обусловленным симметрией пространства и времени.

Милева, как и многие другие, задается вопросом:

— А что, если твоя теория относительности будет опровергнута?

— Тогда мне будет жаль Бога, потому что эта теория верна.

Альберт, Милева и Ганс Альберт переезжают в большую квартиру в Берне по адресу: улица Безеншойервег, 28, недалеко от горы Гуртен.

Более месяца Альберт исступленно трудится в патентном бюро, а после работы — дома, при свете керосиновой лампы. Ему некогда записывать ход своих мыслей, за исключением, разумеется, тех, что относятся к научным изысканиям.

Увлеченный исследованием природы материи, энергии, движения, времени и пространства, он, похоже, не замечает ни времени суток, ни дней недели, ни дат:

— Занимаясь чем-нибудь в свое удовольствие, я будто выпадаю из времени.

— Поэтому ты всегда так поздно возвращаешься домой? — спрашивает Милева.

— Не всегда.

— Всегда.

Он решает отправить свою докторскую диссертацию на рецензию Альфреду Кляйнеру, профессору экспериментальной физики Цюрихского университета. На Кляйнера она производит большое впечатление: «Приведенные рассуждения и расчеты принадлежат к самым трудным в гидродинамике».

Не остался равнодушным и профессор математики Генрих Буркхард: «Подход к задаче показывает, что автор в совершенстве

владеет необходимыми для решения вопроса математическими методами. Все без исключения данные, что я проверил, оказались верными».

Кляйнер, однако, говорит, что исследованию не хватает объема. Добавив лишь одно предложение, Альберт снова подает диссертацию — и в этот раз ее утверждают. Теперь Альберт может называть себя «доктор Эйнштейн».

Летом доктор и фрау Эйнштейн вместе с Гансом Альбертом отправляются в Нови-Сад. Альберт посещает «Матицу сербскую» — сербское литературное, культурное и научное общество, основанное в городе Пешт в 1826 году и переехавшее в Нови-Сад в 1864-м. Библиотека «Матицы сербской» насчитывает около трех миллионов единиц хранения, а художественная галерея является крупнейшей и наиболее уважаемой в Нови-Саде. Альберт очарован.

К его удивлению и радости, родные Милевы оказывают им теплый прием. Их растрогало, что Альберт относится к жене как к равной себе по интеллекту.

Альберт носит на плечах смеющегося сына по городским улицам, как ценный трофей. Тревоги о судьбе своей пропавшей дочери, Лизерль, он загоняет внутрь. Умерла ли она от скарлатины, была ли кремирована, как и другие жертвы эпидемии? Или она жива, но осталась калекой? Альберт ни о чем не спрашивает. Судьба девочки остается тайной.

Вернувшись в Берн, Альберт получает повышение по службе в своем патентном бюро и становится техническим экспертом второго разряда. Ему увеличивают оклад до 4500 франков в год. Семья снова переезжает, на этот раз в фахверковый дом, выходящий окнами на реку Аре и зеленую, тенистую Агертенштрассе.

Альберт очень скучает по своему другу Соловину и пишет ему в Париж: «Я занимаюсь бумагомаранием на государственной службе, играю на скрипке и седлаю своего физико-математического конька».

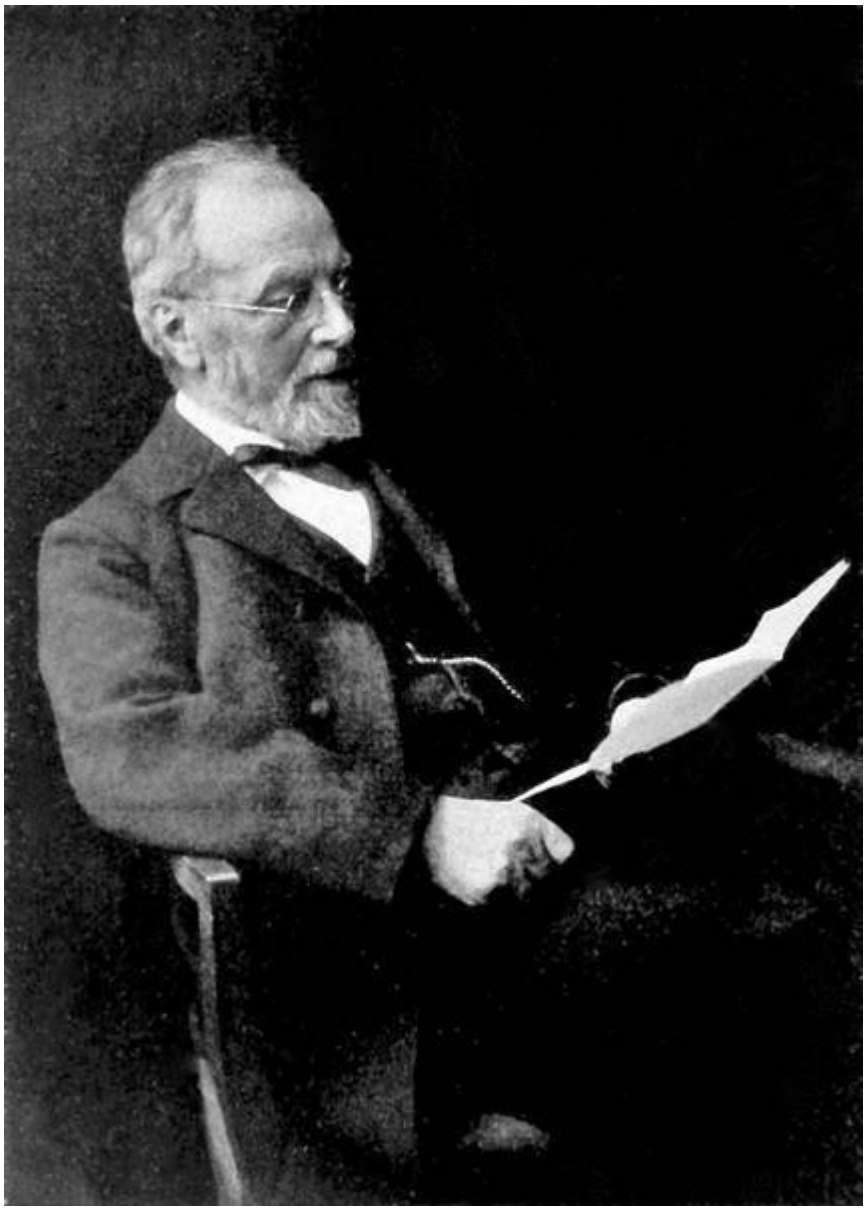
По воскресеньям Альберт и Милева организуют дружеские встречи у себя дома, куда приходят Мишель Бессо со своей женой Анной, теперь живущие в Берне, и Майя, которая в этот период работает над своей диссертацией.

Альберт по-прежнему вспоминает годы в Арау и в то же время терзается чувством вины перед Мари, которая проявляла к нему такую доброту, а в ответ получила только боль и обиду.

Его устремления и мысли, направленные на возлюбленных и

учителей, которых уже нет рядом, теперь привлекают его больше, чем Милева; нынче она выказывает ему и любовь, и привязанность, но он держит ее на расстоянии. Демонстративные проявления любви ему претят. Они сковывают его больше, чем презираемый им буржуазный уклад жизни. В глубине души у него роится страх скатиться в безумие.

Весть о том, что брат Пауля Винтелера, Юлиус, вернулся из Америки с психическим расстройством, застрелил мать и брата, а потом застрелился сам, только усугубляет страхи Альберта.



Вспоминается ему и Мишель Бессо, чей брат Марко совершил самоубийство в восемнадцать лет.

По мысли Альберта, если человек хочет прожить счастливую жизнь, необходимо привязать ее к цели, а не к людям или вещам.

Однако это не примиряет его с последними новостями о Мари. Из-за их расставания она страдает острой депрессией и нарушением психики. Врачи определили ее в клинику «Вальдау» в Берне.

Наведя справки об этой клинике, Альберт выясняет, что некий доктор Готлиб Буркхардт практикует в «Вальдау» экспериментальные операции лоботомии, психохирургического способа лечения шизофрении. Буркхардт сделал лоботомию шести пациентам и в половине случаев добился успеха. Альберт молится, чтобы этот Буркхардт не добрался до Мари.

Целиком погрузившись в работу, он пишет все больше научных статей и обзоров. Дома с одержимостью занимается маленьким Альбертлем: крутит юлу, устраивает танцы плюшевых медвежат.

Игры захватывают Альберта не меньше, чем малыша. Отец с сыном осваивают волшебный фонарь. Альберт купил проектор «Глория», созданный Эрнстом Планком в Нюрнберге, и учится профессионально им управлять; маленький Альбертль в восторге — от быстрой смены слайдов изображения на экране будто оживают.

Альфред Кляйнер, профессор экспериментальной физики в Университете Цюриха, составляет официальную рекомендацию, чтобы Альберта взяли на кафедру.

В способностях Альберта он нисколько не сомневается: «Эйнштейн стоит в одном ряду с крупнейшими физиками-теоретиками, что стало понятно после опубликования его работы, посвященной принципу относительности».

АЛЬФРЕД КЛЯЙНЕР

Кляйнер подозревает, что назначению Альберта могут помешать антисемитские настроения.

Конкурсная комиссия заявляет следующее:

> Впечатления нашего коллеги Кляйнера, основанные на личном знакомстве, крайне важны как для комиссии, так и для факультета в целом, поскольку доктор Эйнштейн является иудеем, и именно лицам этой национальности приписывают (во многих случаях не без основания) неприятные особенности характера, такие как назойливость, наглость и торгашеские наклонности,

проявляющиеся в их понимании своего положения в науке. Следует, однако, отметить, что среди иудеев есть и другие люди, которые не обладают, даже в малой степени, этими неприятными чертами, и посему было бы неправильно отказывать кому-либо на том основании, что он является евреем. В действительности встречаются и среди людей, не принадлежащих к этой национальности, ученые, у которых развиваются черты, обычно приписываемые евреям, в частности — меркантильное отношение к положению в университете и использование его в корыстных целях. Исходя из этого, и комитет, и факультет в целом считают несовместимым со своим достоинством принять антисемитизм в качестве руководства к действию.

Альберт может только гадать, каково же будет решение. Вскоре выясняется, что десять членов комиссии проголосовали в его пользу и один воздержался.

Он чувствует: за фасадом академической и общественной жизни бурлит антисемитизм. Узнав, что в университете ему собираются платить меньше, чем в патентном бюро, он отклоняет предложение.

Университет Цюриха выступает с новым, более выгодным предложением. На этот раз Альберт его принимает.

«Итак, — сообщает он в письме польскому физику Якобу Лаубу, — теперь я официально вступил в гильдию продажных тварей».

В Цюрихе семейный бюджет едва позволяет им сводить концы с концами. Поэтому Милева начинает сдавать комнаты.

Но главное — Альберт приобщился к миру академической науки. На горизонте замаячила стабильность.

Известность его ширится. Кто бы мог подумать, что принесет с собой ближайшее будущее: в течение следующих пяти лет Альберт получит предложения от трех зарубежных университетов — и от швейцарского Политехникума в Цюрихе.

«Не могу выразить, — пишет Милева подруге, — как мы рады этим переменам, ведь теперь Альберт, свободный от ежедневной восьмичасовой конторской рутины, сможет посвятить себя любимой науке и *только* науке». И далее: «Теперь он признан лучшим немецкоязычным физиком и осыпан почестями. Я очень рада его успехам, вполне заслуженным, и лишь с надеждой рассчитываю, что слава не окажет пагубного влияния на его человеческие качества».

Ему поступает все больше писем. Физики со всех концов Европы хотят установить с ним контакт.

Лекции его пользуются популярностью. Остроумный, непринужденный, экстравагантный, он никогда не читает по бумажке. Своим немногочисленным слушателям он всегда разрешает прерывать лекцию вопросами, если им что-либо непонятно. Да и сам он себя прерывает.

Ему нравится быть гражданином Швейцарии. Нравится ему и Швейцария. Все, что ему нужно, — это тишина и покой для размышлений. Карандаш и бумага. Прогулки под парусом на ближайшем озере. Жизнь его вертится стремительно, как юла малыша Альбертля.

Цюрихское общество естествоиспытателей, *Naturforschende Gesellschaft*, принимает его в свои ряды. Помимо физики, оно занимается естественной историей и математикой.

Затем он получает приглашение на должность в немецком подразделении Пражского университета. Там есть вакансия заведующего кафедрой теоретической физики. Это значит, что теперь он будет полноправным университетским профессором с достойной заработной платой.

Милева беременна в третий раз.

28 июля 1910 года появляется на свет Эдуард Эйнштейн. Роды были трудными. У Милевы скверное самочувствие и слабость. Ее лечащий врач советует Альберту изыскать средства для найма прислуги. В ходе жаркой дискуссии Милева принимает сторону Альберта:

— Вы же видите: мой муж и так работает на износ.

— Вам требуется помощь по дому, — настаивает доктор.

Они приходят к компромиссу. Из Нови-Сада приезжает мать Милевы, чтобы вести хозяйство.

Милева становится все мрачнее.

Она открывается Альберту:

— Пойми, я хочу любви и почти верю, что ее заслоняет лишь твоя проклятая наука, а потому была бы рада услышать от тебя утвердительный ответ, но с радостью приму и улыбку.

Милева остро переживает свои потери. Ее карьера физика кончена, Лизерль больше нет. Отдана ли малышка приемным родителям? Ее местонахождение неизвестно, как и сам факт ее жизни или смерти. Альберт внешне и внутренне восстает против обсуждения этого вопроса. Судьба дочери — непереносимый кошмар. Одно утешение — у него есть малыш Альбертль. А недавно появился еще Тэтэ.

Альберт пишет своей матери в Берлин: «Если зацикливаться на том, что угнетает или злит, это не поможет решению проблем. Их нужно преодолевать самому. Вероятно, мне будет предложена должность профессора в крупном университете, с окладом значительно выше нынешнего».

У него появляется страсть к частым и длительным разъездам. В угоду ей он решает наведаться к двум своим кумирам, Хендрику Лоренцу и Эрнсту Маху. Со своим соотечественником, голландцем Питером Зееманом, в честь которого назван эффект Зеемана, Лоренц разделил Нобелевскую премию 1902 года «за выдающиеся заслуги в исследованиях влияния магнетизма на радиационные явления». Эрнст Мах первым из физиков обратился к изучению сверхзвукового движения, а его критика и неприятие представлений Ньютона о времени и пространстве подтолкнули Альберта к созданию теории относительности.

В 1911 году он навещает Маха в Вене. Мах на тот момент живет, по сути, затворником; в свои семьдесят с лишним он частично парализован и почти глух. Альберту приходится кричать:

— Предположим, допущение о существовании атомов в газе позволяет нам предсказать наблюдаемое свойство этого газа, которое не может быть предсказано на основе неатомистической теории. Могли бы вы тогда принять такую гипотезу?

— Эта гипотеза была бы экономной.

Альберт расценивает это как согласие.

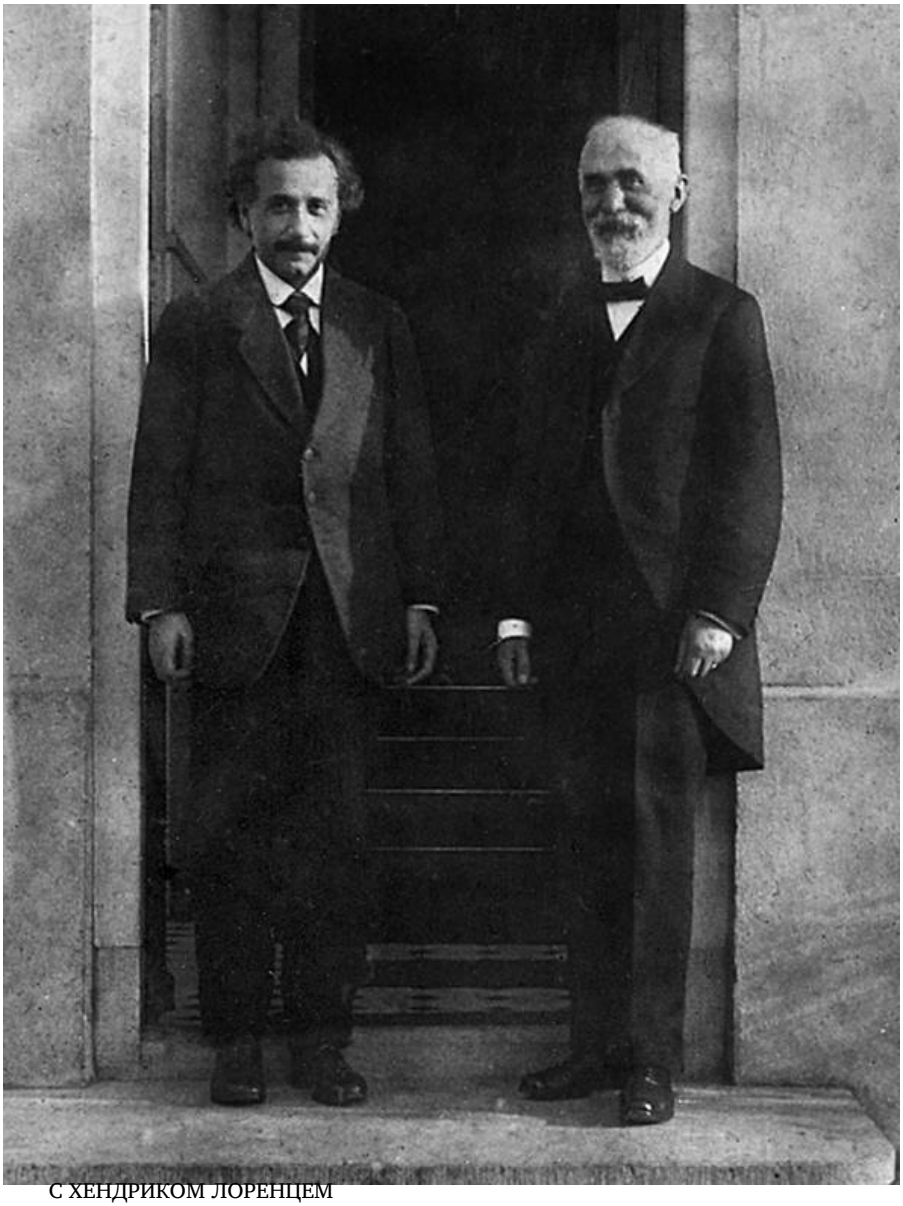
Он уже давно восхищается Хендриком Лоренцем. Физики-теоретики всего мира считают голландского свободомыслящего ученого воплощением самого духа физики. Именно Лоренц подготавливает почву для положительной реакции на квантовую теорию. В своей теории относительности Альберт использовал многие математические инструменты, концепции и результаты исследований Лоренца.

— Я восхищаюсь этим человеком, как никем другим, — говорит он Лаубу. — Я бы даже сказал, что люблю его.

Альберт и Милева навещают Лоренца в Лейдене, где останавливаются в доме у него и его жены Алетты.

Лоренц покоряет Альберта своим обаянием, гостеприимством и отеческим отношением; светлый, великодушный человек, он с готовностью делится с Альбертом своими соображениями, вносит незначительные поправки. Альберт считает ум Лоренца прекрасным, как произведение искусства.

Перед ним открываются головокружительные возможности.



С ХЕНДРИКОМ ЛОРЕНЦЕМ

Решив принять должность в Университете Карла-Фердинанда в Праге, он узнает, что университет в Цюрихе хочет его удержать. Запущена петиция:

> Профессор Эйнштейн имеет удивительный талант представления наиболее сложных проблем теоретической физики в таком ясном и понятном виде, что для нас большая радость следить за его рассуждениями на лекциях. Кроме того, он легко

находит общий язык с аудиторией.

Ему обещают повысить зарплату на 1000 франков, однако он отклоняет это заманчивое предложение и с семьей переезжает в Прагу.

Они снимают новую квартиру в районе Смихов по адресу Тржебизского, 1215, на левом берегу реки Влтавы. До работы — двадцать минут пешком.

«Тут прекрасный институт, в котором приятно работать, — пишет он Бессо. — Только люди здесь совсем чужие».

Бессо ненавидит типичных немецких бюрократов. Сотрудники кланяются ему и расшаркиваются перед ним. Его кабинет выходит окнами на королевскую больницу для душевнобольных. Своим посетителям он говорит:

— Это безумцы, которые не забивают голову квантовой теорией.

Оказавшись в изоляции, Альберт пишет статьи.

В смиховской квартире есть электричество и приятное добавление в виде горничной, проживающей там же.

Альберт становится завсегдатаем кафе «Лувр», построенного в стиле модерн на проспекте Народни Тршида, и знакомится там с Максом Бродом и Кафкой или посещает салон Берты Фанты в доме на Староместской площади, где играет на скрипке для интеллектуальной элиты, включая философов Рудольфа Штейнера и Хуго Бергмана.

Он легко заводит новых друзей среди единомышленников и ученых. Одним из них становится молодой физик еврейского происхождения из Вены, Пауль Эренфест. Альберт и Милева часто принимают его у себя.

ПРАГА

Пауль Эренфест аккомпанирует, когда Альберт играет на скрипке Брамса, а Ганс Альберт поет.

Эренфест рассказывает о своем детстве:

— Мой отец, Зигмунд, вкалывал на суконной фабрике в Лошвице в Моравии. После того как он женился на матушке, они переехали в Вену и открыли бакалейную лавку. Соседи были антисемитами. Я — младший из пяти мальчиков. В детстве много болел.

— Интересно, — говорит Альберт, — у многих ли ученых были проблемы со здоровьем в детстве?

— Вопрос ставится иначе, — возражает Милева. — Это дети, которые часто болеют, с большей вероятностью становятся учеными.

— Любопытная теория, — говорит Альберт. — Пауль, в каком возрасте вы научились читать, писать и считать?

— В шесть лет.

— Я раньше.

— Не хвастайся, — одергивает Милева.

— Моя мать умерла от рака груди двадцать лет назад, — говорит Эренфест. — А ваша в добром здравии?

— Да. Ей сорок восемь лет. Живет в Вюртемберге.

— Ей уже пятьдесят, Альберт.

— Правда? Пятьдесят. В вопросах математики я полагаюсь на тебя, дорогая. А что ваш отец?

— Женился на ровеснице моего старшего брата.

— А вы? С головой ушли в учебу?

— Без особых успехов. Я смог поступить в Технический институт в Вене в октябре девяносто девятого и в первый же год прослушал курс лекций Больцмана по механической теории тепла. Через два года я переехал в Геттинген, где встретил молодую русскую студентку-математика, Татьяну Алексеевну Афанасьеву из Киева. Почему, как по-вашему, ее не было на заседаниях математического клуба?

ПАУЛЬ ЭРЕНФЕСТ, АЛЬБЕРТ И ГАНС АЛЬБЕРТ

— Потому что ей не позволили, — говорит Милева.

— Именно. Я выразил протест. Добился изменения правил. И женился на Татьяне. Е равно эм цэ квадрат.

Альберт смеется.

— В Вене я сидел без работы. Вернулся в Геттинген в сентябре тысяча девятьсот шестого, надеялся получить должность, но вакансий не было. Потом пришла кошмарная весть: шестого сентября Больцман покончил жизнь самоубийством. Я написал некролог. Больцман повесился.

— Как же это произошло? — спрашивает Альберт.

— Он отдыхал с женой и младшей дочерью Эльзой на Адриатике, в отеле «Плес» близ Триеста, в деревушке Дуино. Все произошло накануне отъезда: ему предстояло вернуться в Вену и читать новый курс лекций по теоретической физике. Это приводило его в ужас. Фрау Больцман с Эльзой ушли купаться. Он где-то взял шнур от занавесок и повесился у себя в номере. Тело

нашла дочь Эльза. Кажется, он страдал от неврастении. Но самоубийство… Эльза не может об этом говорить.

По щекам Альберта катятся слезы.

Милева меняет тему:

— Вы ездили в Санкт-Петербург?

— В седьмом году, — говорит Эренфест. — Там у меня возникли подозрения насчет антисемитизма. Мы с Татьяной написали статью по статистической механике. Долго над ней работали. Я объездил много университетов в немецкоязычных странах в надежде получить должность.

— Я тоже, — говорит Альберт.

— Встречался с Планком в Берлине, с Герглоцем в Лейпциге, с Зоммерфельдом в Мюнхене. Ездил в Цюрих. В Вену, где, как я слышал, Пуанкаре написал работу по квантовой теории для журнала «Annalen der Physik» и получил результаты, схожие с моими. Затем Зоммерфельд порекомендовал меня в Лейден, на место Лоренца.

Эренфест достает клочок бумаги и передает его Альберту.

Альберт читает вслух: «Он прекрасный лектор. Мне еще не доводилось слышать, чтобы человек говорил с таким увлечением и блеском. В его распоряжении весомые фразы, остроумные тезисы и диалектика — все это он использует весьма необычно. Он знает, как подать сложнейшие темы и сделать их интуитивно понятными. Он выражает математические обоснования доступным образом».

— Будто обо мне писали, — говорит Альберт.

Милева с трудом встает:

— Не переводи разговор на себя, Альберт.

Она оставляет их наедине, и Альберт подробно рассказывает Эренфесту о своих усилиях по обобщению теории относительности. Эренфест, оказывается, идеальный слушатель.

После разговора с Эренфестом все мысли и амбиции Альберта сосредоточены на Берлине. Но его не покидают сомнения по поводу этого города. Хотя будущее физики, пожалуй, определяется именно в Берлине. Тем не менее у него есть дела понасущнее: первый Сольвеевский конгресс в Брюсселе.

Первая международная конференция в истории науки проходила с 30 октября по 3 ноября 1911 года под патронажем промышленника Эрнеста Сольве. Конгресс объединил ведущих физиков Европы ради дискуссии на тему излучения и квантов. Каждому из участников положена премия в размере тысячи франков. Альберт польщен таким приглашением. В Брюссель ученые съезжаются в вагонах первого класса, обитых роскошной

тканью, из Берлина, Лейдена, Геттингена, Цюриха, Парижа, Вены.

Доклад на Сольвеевском конгрессе становится для Альберта дебютом на сцене международной науки. Под председательством Хендрика Лоренца, говорящего на голландском, немецком и французском языках, делегаты собираются вместе, чтобы обсудить противоречия двух подходов: классической физики и квантовой теории. В свои тридцать два года Альберт — один из самых молодых физиков; моложе его только Фредерик Линдеманн, тому двадцать пять. Среди присутствующих — Мария Склодовская-Кюри и Анри Пуанкаре.

Альберт не робеет в компании этих светил. Позднее он окрестит это собрание «шабашем ведьм в Брюсселе». В целом физики признают, что на их профессиональном небосклоне восходит новая звезда. Мадам Кюри высоко оценивает ясность ума Альберта, масштаб проделанной работы и глубину его знаний. Пуанкаре заявляет, что Альберт — «один из самых оригинальных мыслителей, которых я знал. Особое восхищение вызывает та легкость, с которой он воспринимает новые концепции и делает из них все возможные выводы». Фредерик Линдеманн и Луи де Бройль разделяют мнение, что «из всех присутствующих только Эйнштейн и Пуанкаре образовали свой кружок из двух человек».

После официальной части разгорелась дискуссия по поводу теории относительности. Пуанкаре, как считает Альберт, не проникся его теорией. Молодые же французы — наоборот. Их троица — Поль Ланжевен, Жан Перрен и Мария Склодовская-Кюри — самые доброжелательные из всех делегатов.

ПЕРВЫЙ СОЛЬВЕЕВСКИЙ КОНГРЕСС

Альберт пишет Бессо: «Мне не удалось хоть сколько сдвинуть с места электронную теорию». Конгресс, по его словам, «напоминал плач на развалинах Иерусалима». Ничего полезного из этой затеи не вышло. «Моя трактовка флюктуаций спровоцировала бурный интерес, но стоящих возражений не прозвучало. Дискуссия не принесла мне особой пользы, так как я не услышал ничего, кроме уже известного».

Впрочем, в благодарственном письме к Эрнесту Сольве Альберт сообщает: «Я искренне признателен Вам за ту прекрасную неделю, которую мы провели в Брюсселе, и не меньше — за Ваше гостеприимство. Сольвеевский конгресс навсегда останется одним из самых замечательных воспоминаний в моей жизни».

И не только из-за официальных и неофициальных прений о физике, но и по причине скандала, разгоревшегося вокруг его новых французских друзей.

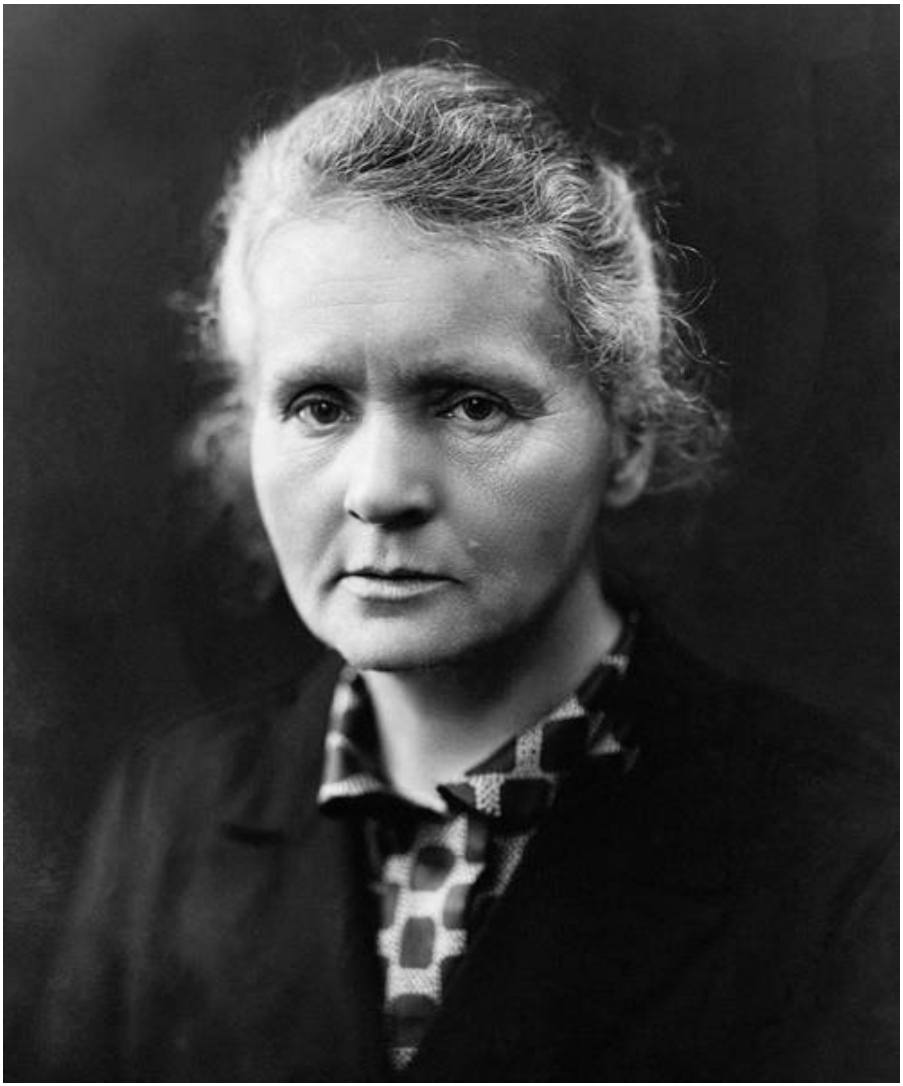
Мария Склодовская познакомилась с Пьером Кюри в Париже в 1894 году, а через год вышла за него замуж, взяв двойную фамилию.

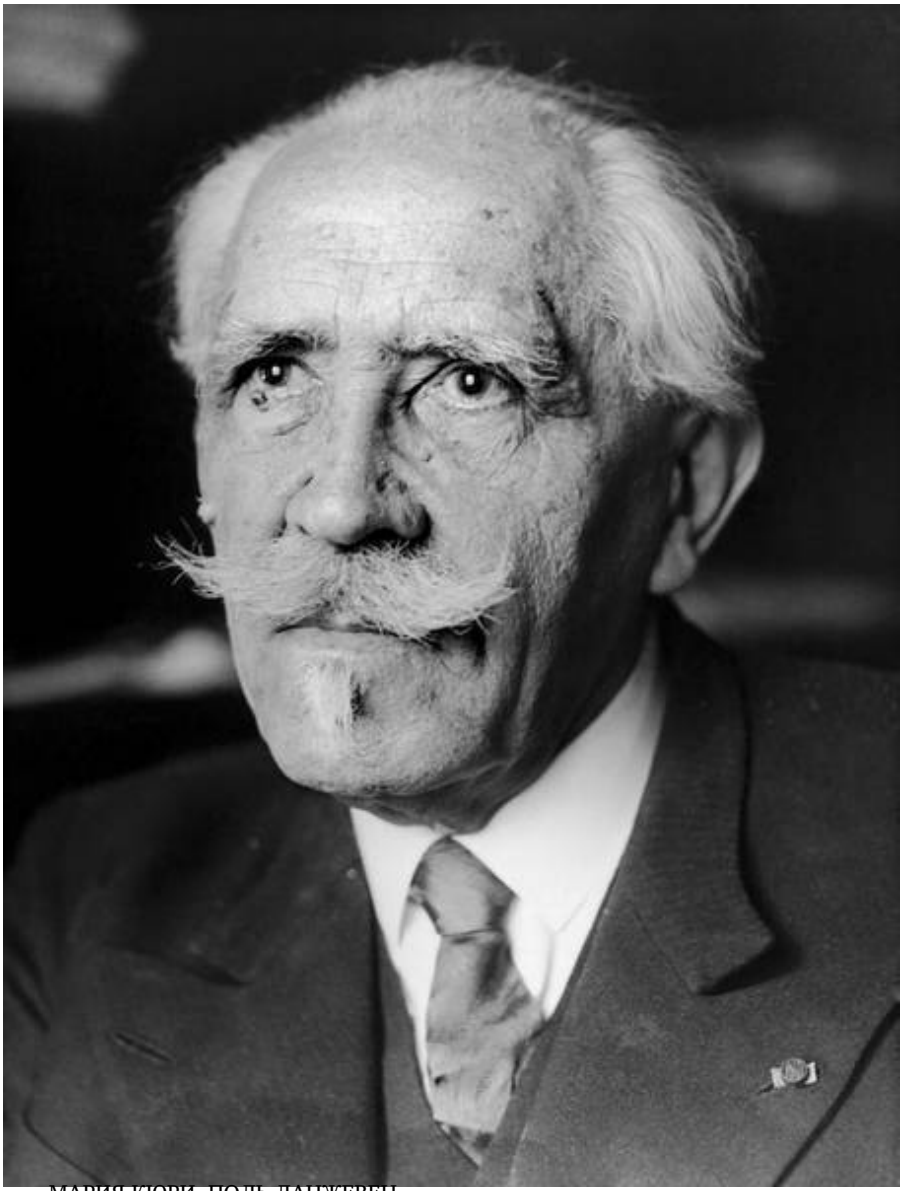
Вместе чета Кюри работала над исследованием радиоактивности, отталкиваясь от достижений Рентгена и Анри Беккереля. В июле 1898 года они сообщили об открытии нового химического элемента — полония, а 20 декабря — об открытии

радия, радиоактивного элемента, принципиально значимого для исследований рентгеновского излучения.

В 1903 году совместно с Беккерелем они были удостоены Нобелевской премии по физике. Мария — первая женщина, получившая Нобелевскую премию.

Тремя годами позже Пьер погибает под колесами конного экипажа неподалеку от Пон-Нёф. Мария остается с двумя дочерьми, девяти и двух лет. Заняв его должность в университете, она становится первой женщиной, преподающей в Сорбонне, и в одиночку продолжает начатую в соавторстве с мужем работу. В 1911 году она получает вторую Нобелевскую премию по химии, о чем становится известно во время Сольвеевского конгресса. Альберт прекрасно знает, что во Франции ее неоднозначная фигура привлекает излишнее внимание прессы. После предложения избрать Марию членом Академии наук журналисты разворачивают настоящую травлю с примесью антисемитизма, сексизма, ксенофобии, враждебного отношения к науке в целом и к ученым в частности. Больше всего ей досталось на страницах ультраправой газеты «Аксьон Франсез», возглавляемой Леоном Доде, сыном романиста Альфонса Доде, хотя Мария, строго говоря, католичка.





МАРИЯ КЮРИ, ПОЛЬ ЛАНЖЕВЕН

Все это заставляет Альберта внимательно присмотреться к личности жертвы публичных оскорблений и понять, сколько от нее требуется сил. Он проникается сочувствием, заинтригован и буквально покорен ее мужеством.

Не менее Альберт покорен и Ланжевеном. В 1911 году в журнале «Scientia» импозантный физик с военной выправкой, подтянутый, с подкрученными вверх усами, опубликовал статью «Эволюция пространства и времени», где наглядно объяснял теорию относительности.

Во время Сольвеевского конгресса до Альберта дошли слухи о том, что Мария завела интрижку с Ланжевеном, который моложе ее на пять лет, женат, да к тому же вместе с супругой Жанной воспитывает четверых детей. Подозревая мужа в адюльтере, его жена нанимает частного сыщика, чтобы тот хорошенько изучил содержимое ящика письменного стола Ланжевена в Сорбонне. В итоге сыщик раздобыл любовные письма Марии, которые были переданы в «Аксьон Франсез». Отдельные фрагменты переписки разлетелись по другим французским газетам.

Жанна готовит судебный иск против мужа, чтобы получить опеку над четырьмя детьми. Шум стоит на всю Францию.

Шведская академия просит Марию отказаться от поездки в Стокгольм за премией, на что та отвечает: «Я полагаю, что нет никакой связи между моей научной работой и фактами личной жизни».

По этому поводу Альберт высказывается сдержанно: «Она простой, честный человек с блестящим интеллектом. Несмотря на страстность ее натуры, она не так привлекательна, чтобы представлять опасность для кого-либо».

В начале ноября пути участников конгресса разошлись.

Альберт пишет Марии:

> Уважаемая мадам Кюри,
>
> не смейтесь надо мной из-за того, что я пишу Вам, хотя мне и нечего особенно толкового сказать. Но я пришел в ярость из-за того, что обыватели сейчас осмеливаются вмешиваться в Вашу жизнь, и я обязательно должен был дать волю своему чувству. Пользуясь поводом, хочу сказать Вам, как я восхищаюсь Вашим интеллектом, Вашей энергией и Вашей честностью. Считаю своей удачей личное знакомство с Вами в Брюсселе. Каждый, кто не причисляет себя к этим глупцам, и теперь не менее, чем раньше, конечно, доволен тем, что среди нас есть такие выдающиеся люди, как Вы и Ланжевен, с которыми в действительности любой почтет за честь быть знакомым. Если эти ничтожества продолжат лезть в Вашу жизнь, просто не читайте эту чушь, пусть этим занимаются глупцы, для которых это и было состряпано.
>
> С дружеским приветом к Вам, Ланжевену и Перрену, искренне Ваш,
>
> *А. Эйнштейн*
>
> P. S. С помощью комической остроты я обнаружил

статистический закон, по которому двухатомная молекула двигается в магнитном поле Планка, естественно принимая во внимание законы классической механики. Правда, в то, что закон работает в реальности, я верю слабо.

Альберт приятно польщен тем вниманием, которое стали оказывать различные учебные заведения, предлагая ему занять должность или выступить в качестве приглашенного лектора. Вернувшись в Прагу, они вместе с Милевой направляются в Цюрих в надежде получить назначение в Политехникуме. В какое же недоумение они впадают, узнав, что цюрихские чинуши от образования называют должность «профессор теоретической физики» непозволительной роскошью.

В защиту Альберта выступает Генрих Цангер: «Он не является хорошим педагогом для умственно ленивых господ, которые просто хотят записать конспект лекции, а потом заучить его наизусть к экзамену. Он действительно не лучший оратор, но любой желающий по-настоящему научиться тому, как честно работать над своими идеями в физике, понимать глубинный смысл проблем, тщательно исследовать все допущения и видеть все ловушки и препятствия на этом пути, посчитает Эйнштейна первоклассным преподавателем, потому что все это он объясняет в своих лекциях и они заставляют аудиторию думать».

Цангер возмущен нерешительностью цюрихских властей.

Альберт пишет Цангеру: «Оставьте Политехникум на волю Божью».

Но сам сдаваться не желает. Альберт обращается за рекомендательным письмом к Марии Кюри и Пуанкаре. И вуаля. Политехникум выделяет для Альберта место профессора теоретической физики. Альберт с Милевой и детьми готовятся к возвращению в Цюрих.

В пражских газетах новости об уходе Альберта восприняли безрадостно, предполагая, что причиной тому стали антисемитские настроения. Альберт публично отрицает эти домыслы. Хотя ему трудно скрыть свое огорчение.

В очередной раз они пакуют чемоданы и отправляются в путь длиной 640 километров, обратно в Цюрих.

Там они поселяются в шестикомнатной квартире — пятом по счету жилище в Цюрихе. Альберт возобновляет свои регулярные встречи с Цангером и Гроссманом. Вместе с детьми они с Милевой посещают воскресные музыкальные вечера в доме математика Адольфа Гурвица. Там исполняют Моцарта и Шумана, который так нравится Милеве.

Альберт оказался в своей стихии. Но каждый, и в особенности он сам, замечает, что физическое и психическое состояние Милевы усугубляется. А суровая зима грозит ее доконать.

Востребованный, как никогда, Альберт уезжает в Берлин, чтобы в стенах Физико-технического института проконсультировать Эмиля Габриеля Варбурга, изучающего фотохимические процессы. У Вальтера Нернста накопились вопросы по удельной теплоемкости (количеству теплоты на единицу массы, необходимому для повышения температуры на один градус Цельсия), а Фриц Габер жаждет пообщаться с Альбертом на темы квантовой химии.

Разместившись в доме Варбурга, он отыскал свою родню: тетю Фанни и дядю Рудольфа — сына Рафаэля Эйнштейна, родного брата деда Альберта по отцовской линии. Они проживали на южной окраине города в округе Шенеберг вместе с дочерью Эльзой, кузиной Альберта.

При встрече с ней на Альберта нахлынули воспоминания о детстве в Мюнхене. Она была тремя годами старше Альберта и уже успела развестись с текстильщиком Максом Левенталем, оставшись с двумя дочерьми: застенчивой Марго одиннадцати лет и девятилетней упрямицей Ильзе. Белокурая, голубоглазая с прищуром, Эльза, излучающая мягкое тепло, после развода вернула девичью фамилию Эйнштейн, став заметной фигурой в творческих, политических и научных кругах.

На городской электричке они доезжают до озер Большое Ванзее и Малое Ванзее на реке Хафель. Едят шербет, любуясь парусниками, что рассекают залитую солнцем воду.

— Мне так одиноко. Никакой любви. Мне бы кому-нибудь довериться. Тому, кто примет мою душу, а главное, разум. Понимаешь?

— Конечно, милый Альберт.

Они зарезервировали номер в отеле «Бонвердэ».

Наклонившись, он срывает цветок и протягивает его Эльзе:

— Это тебе.

— Мне?

— Да, тебе.

— Как это называется?

— *Myosotis alpestris*. Незабудка. Пообещаешь мне кое-что?

— Что угодно.

— Не забудь-ка.

Она притягивает его лицо к своим губам.

АЛЬБЕРТ И ЕГО ДОРОГАЯ ЭЛЬЗА

Альберту мерещится лицо Милевы, каким оно было шестнадцать лет назад.

— Хочешь, я всегда буду рядом? — спрашивает Эльза.

— Хочу.

Аромат ее духов пробуждает в нем влечение.

Она нашептывает:

— Я рядом.

— Заходит солнце. Звезд часы настали.

— Какая прелесть, — произносит она. — Ты сочинил это для озорницы Эльзы?

— Я только вспомнил. А сочинил Гёте. Нам с ним обоим не слишком повезло. Каждый прикован цепями к житейским обязанностям. Я бы с радостью просто прошелся бок о бок с тобой или предался любому другому приятному занятию в твоей компании.

Альберт совершенно запутался.

Через две недели он, отягощенный муками совести, пишет ей из Цюриха: «Итак, я пишу тебе сегодня в последний раз и смиряюсь с неизбежным, и ты должна сделать то же самое. Ты поймешь, что не жестокосердие и не отсутствие чувства заставляет меня так говорить, потому что ты знаешь, что я, как и ты, несу свой крест без надежды. Если когда-нибудь ты окажешься в трудном положении, если тебе просто захочется облегчить душу, вспомни про своего кузена, который готов подставить свое плечо, что бы ни случилось».

Эльза считывает его намек. На самом деле он сам может довериться только ей.

ОТКРЫТКА ОТ ЭЛЬЗЫ

Она посылает ему открытку, надушенную одеколоном, который, конечно, должен напомнить запах ее тела в его постели.

На отдельном листе бумаги она скрупулезно выписывает любовное стихотворение Гёте.

БЛИЗОСТЬ ЛЮБИМОГО

Мне о тебе горит над океаном
Поток лучей;
Мне о тебе мерцает светом странным
Во тьме ручей.
Мне виден ты, когда дрожит в тревоге
Над далью день,
Когда мелькнет и канет на дороге
Ночная тень.
Мне слышен ты, когда о брег пустынный
Волна стучит;
Иду тебя я слушать в те долины,
Где все молчит.
Ты здесь со мной. И даже в дальней дали
Я там, с тобой!
Заходит солнце. Звезд часы настали.
Где ты, друг мой?

Лето Альберт проводит в цюрихской квартире на Гофштрассе, 116, с видом на озеро и Альпы. Все семейство совершает прогулки на колесном пароходе «Штадт рапперсвиль», построенном на верфях «Эшер-Висс» для судоходной компании «Цюрих-шиффартсгезельшафт». Альберт разглядывает дым, поднимающийся из кургузой трубы, подобно дыму из курительной трубки.

Окончательно не пасть духом помогло известие об избрании в Прусскую академию наук — редкая честь, уступающая только Нобелевской премии. Но главное, Макс Планк и Вальтер Нернст лично прибыли в Цюрих, чтобы переманить Альберта в Берлин. Они, конечно, знают, что Альберт с опаской следит за ситуацией в Германии. Убедить его будет непросто.

Встретив Планка с Нернстом на Центральном вокзале Цюриха, он приглашает их в Политехникум.

Альберт сидит за своим столом, попыхивая трубкой.

Нернст закуривает сигарету и, сгустив свои прусские брови, сообщает:

— Не сочтите меня за хвастуна, — а он таков и есть, — но сам кайзер оказывает мне доверие. Мы оба сходимся во мнении, что экономика страны только выиграет от развития науки и техники. Кайзер с энтузиазмом воспринял идею создания нескольких научно-исследовательских институтов под эгидой «Общества кайзера Вильгельма по развитию науки». Действуя во благо нации, Германия ставит своей целью построение мировой

экономической державы.

— Во благо нации… — повторяет Альберт. — Вам не кажется, что это на руку только монарху?

Нернст вздрагивает:

— Я бы не стал утверждать столь категорично.

— Тогда назовите мне имена, — говорит Альберт, — этих светил «Общества кайзера Вильгельма по развития науки».

Тут слово берет высокий, крупный Планк:

— Председателем назначен прусский министр по делам религии, образования и медицины Август Бодо Вильгельм Клеменс Пауль фон Тротт цу Зольц.

— Представляю, сколько места на кафедре будет занимать человек с таким длинным именем.

— Тротт цу Зольц — представитель дворянской фамилии, потомок древнего протестантского рода Гессена и член старинного гессенского рыцарства, чью историю можно проследить с тринадцатого века. В Зольце у них родовое гнездо, но есть еще замок в Имсхаузене. Они имперские бароны.

— Эйнштейнам не требуется родовое гнездо, — говорит Альберт. — Я со всеми общаюсь одинаково.

По лицам гостей пробежала ухмылка.

— Тротт цу Зольц председательствовал во время первого заседания, на котором было восемьдесят три члена с правом голоса, в том числе Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, банкир Людвиг Дельбрюк и промышленник Генрих Теодор фон Боттингер. Фриц Габер тоже был. Вы знаете Габера?

— Весьма перспективен, — отвечает Альберт.

— Так и есть. А президента своего общества Адольфа фон Гарнака кайзер Вильгельм Второй удостоил нагрудной цепью. Вы слышали про него?

— Я слышал про его библиотеку в Берлине.

— Вы знаете, что там хранится?

— Фрагмент Кведлинбургской Италы пятого века. Библия Гутенберга. Письма Гёте. Крупнейшая коллекция рукописей Баха и моего любимого Моцарта.

— А еще оригинальная партитура Девятой симфонии Бетховена.

— Знаю-знаю. Но мне больше Моцарт по душе.

— Это просто невероятно! — восклицает Нернст.

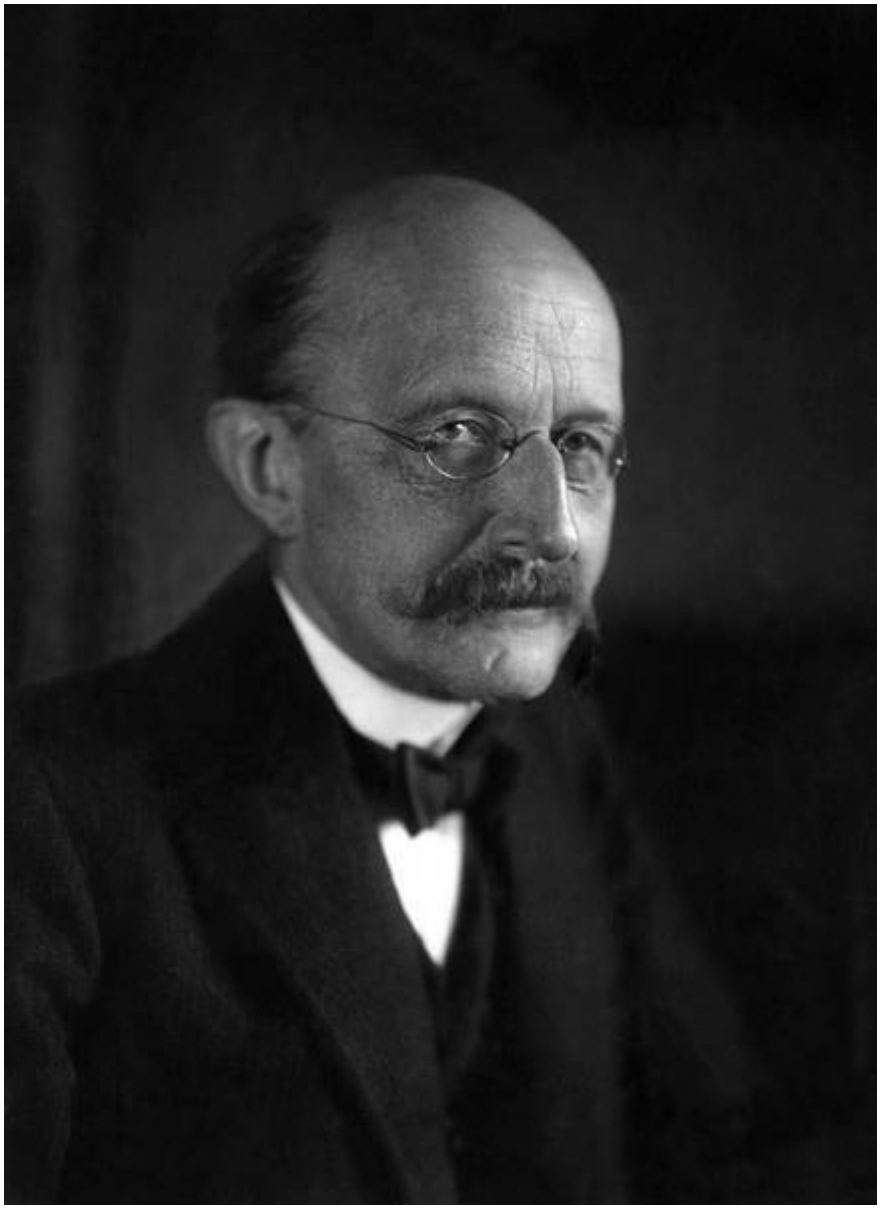
— Вы о партитуре Бетховена? — уточняет Альберт.

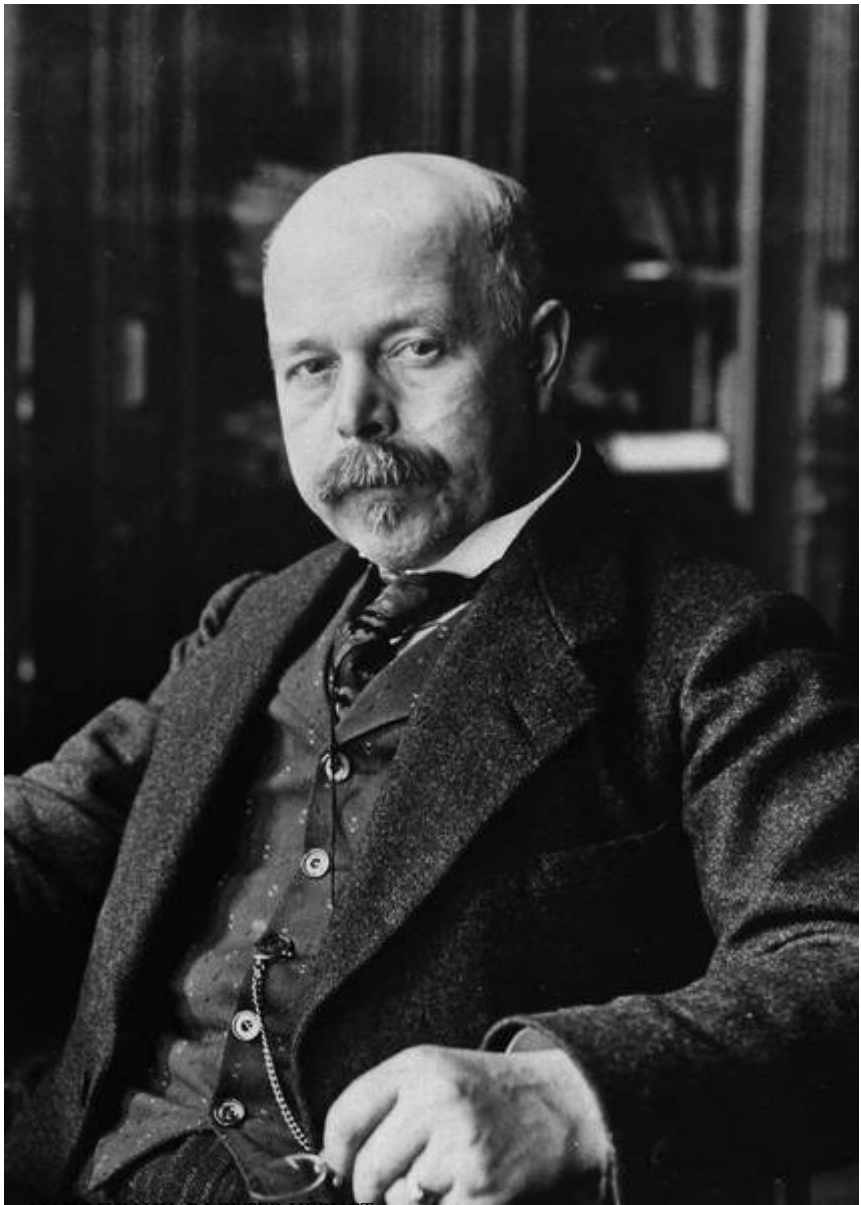
— И о ней тоже, — продолжает Нернст. — Но главное, в петлице каждого члена общества закреплен знак отличия — медаль с портретом кайзера на желтой шелковой ленте. Кроме того, на церемониях присутствуют члены Сената, облаченные в

струящиеся зеленые мантии с алыми воротниками, золотыми пуговицами и медалями.

— Весь цвет, короче говоря, — бормочет Альберт.

— Собственно, первое, что мы хотели вам предложить, — вступает Планк, — это должность профессора-исследователя Берлинского университета, средства на которую выделяет гехаймрат Леопольд Коппель, предприниматель, основавший частный банкирский дом «Коппель и К°», предприятия «Ауэргезельшафт» и «OSRAM», а также благотворительный фонд «Коппель-Штифтунг».





МАКС ПЛАНК, ВАЛЬТЕР НЕРНСТ

— Как это великодушно, — говорит Альберт.

— А второе — это руководство новым Физическим институтом кайзера Вильгельма, открытие которого не за горами. Что вы об этом думаете?

— Я польщен, господа. Благодарю вас.

— Интеллектуальный климат — идеальный, — продолжает Нернст.

— Зарплата достойная, — добавляет Планк.

— Аудиторной нагрузки не будет, — подсказывает Нернст.

— Какие у вас планы на будущее? — интересуется Планк.

— Я никогда не думаю о будущем. Оно наступает слишком быстро. Я посоветуюсь с женой. А потом сообщу вам о своем решении.

Если при таком раскладе Милева останется в Цюрихе, то в Берлине у него будет Эльза. Альберту легко жонглировать принципами. Жонглировать женщинами — нет. Впрочем, он сам заварил эту кашу.

— Ты же на дух не переносишь Пруссию, — возражает Милева.

— Да, но, по крайней мере, там нас ждет безбедное существование.

— Неужели?

— При этом у меня не будет никаких административных обязанностей.

— Неужели?

— Я смогу спокойно работать.

— А я что буду делать? — спрашивает Милева.

— Радоваться жизни в Берлине.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что у тебя будет честь зваться моей женой.

— Когда же ты поймешь, Альберт: я хочу, чтобы у меня была честь зваться Милевой Марич.

— Тогда давай поедем в Берлин и выберем роскошные апартаменты, которые сделают честь и славу Милеве Марич.

— Какую честь? Я всего лишь фрау Эйнштейн. Я больше не Милева Марич. О тебе знает весь мир. А я что?

Альберт молчит. Закуривает трубку.

— Кто я? — не унимается Милева. — Кто меня знает?

— Тебя знаю я, — отвечает Альберт. И отгоняет ладонью облако табачного дыма.

— Ерунда! — кричит Милева. — Сейчас самое время во всем сознаться, Альберт.

— В чем именно?

— В том, что ты завел себе пассию.

Альберт молча крутит в руках трубку.

— Ты отводишь взгляд, — упрекает его Милева.

Опустив голову, он закрывает глаза.

— Скажешь что-нибудь?

Медленный вдох.

— Долго ты будешь молчать?

Он сидит неподвижно, выпуская кольца дыма из открытого

рта.

— Ну?

— Я тебя люблю, — произносит он. — Тебя.

— А та женщина?

Он прикрывает рот ладонью и шаркает подошвами.

Милева разворачивает скомканный лист бумаги. Сует его Альберту:

— Вот, полюбопытствуй.

Альберт видит свой почерк: «Как же я жил раньше без тебя, моя маленькая вселенная? Без тебя я не чувствую уверенности в себе, страсти к работе и наслаждения жизнью — короче говоря, без тебя моя жизнь не жизнь».

— Все так, — бормочет Альберт.

— А Эльза?

— А что Эльза?

— Ты любишь ее?

— Нет.

— Ты с ней спишь?

Альберт молчит.

— Так, значит, Эльза! — надрывается Милева. — Вот стерва.

Альберт пишет Эльзе:

> Мне нужно кого-то любить, иначе жизнь превращается в мучение. И этот кто-то — ты; ты не в силах на это повлиять, поскольку я не спрашивал твоего дозволения. Я всемогущий господин в загробном мире своих фантазий, по крайней мере, мне хочется так думать. Как было бы здорово жить с тобой тихо-мирно под одной крышей. Моя жена постоянно жалуется мне на Берлин, кроме того, она боится родственников. Ей не по себе от одной только мысли, что в конце марта настанет конец ее безмятежному существованию. Конечно, для этого есть некоторые основания. Моя добродушная мать оказалась чертовски зловредной свекровью. Когда она останавливается в нашем доме, сам воздух становится взрывоопасным.

Страх не отступает.

> Я содрогаюсь от мысли, что когда-нибудь стану свидетелем вашей с нею встречи. Завидев тебя издалека, она будет корчиться, как змея! Я отношусь к своей жене как к работнику, которого не могу уволить. У меня есть собственная спальня, и я избегаю оставаться с ней

наедине. Она мрачное, недружелюбное создание, которое не умеет наслаждаться собственной жизнью и одним своим присутствием гасит радость жизни в других.

Чета Габер терпеливо помогает Милеве найти подходящую квартиру в районе Далем на углу Руделофвег и Эренбергштрассе, 33, недалеко от института.

В марте Альберт отправляется в Берлин, несмотря на неотступные дурные предчувствия. Милева с детьми уезжает на воды в Южную Швейцарию.

Альберт томится тревогой и одиночеством в квартире дяди Якоба, куда частенько наведывается его мать, чтобы помочь по хозяйству. Эльза в ожидании.

— Поскорее бы ты определился, чего ты от нее хочешь, — говорит ему Эльза, улыбаясь своими голубыми глазами.

По совету Эльзы Альберт составляет список условий, которые должна выполнить Милева, если хочет, чтобы они и дальше жили как муж и жена.

А. Ты будешь следить за тем:

1) чтобы моя одежда и белье находились в хорошем состоянии;

2) чтобы я получал регулярное трехразовое питание в своей комнате;

3) чтобы моя спальня и кабинет тщательно убирались и — особенно важно — чтобы моим столом пользовался **только я**.

Б. Ты отказываешься от всех личных отношений со мной, если только они не абсолютно необходимы по социальным причинам. В частности, ты отказываешься от того, чтобы я:

1) сидел дома с тобой;

2) выходил или путешествовал с тобой.

В. Ты будешь подчиняться следующим правилам в своих отношениях со мной:

1) не будешь требовать близости со мной и не будешь упрекать меня ни по какому поводу;

2) перестанешь разговаривать со мной, если я попрошу об этом;

3) если я попрошу, ты немедленно выйдешь из моей спальни или кабинета, не протестуя.

Г. Ты обязуешься не унижать меня перед нашими детьми ни словесно, ни своим поведением.

— Ты согласна?

Она молча смотрит на него в упор.

Альберт вертит в руках трубку.

— В общем, меня интересуют только мои дети, Альбертль и Тэтэ.

— *Твои* дети? — выкрикивает она.

— Это же мои сыновья, — кротко замечает Альберт.

— Это *мои* сыновья. Тэтэ болен. Ему нужен хороший отец.

— У него есть я.

— А я его мать, Альберт. Как ты только додумался подсунуть мне этот… этот список?

— Он спасет наш брак.

— Нет, не спасет.

— Тогда мы должны разойтись, — говорит Альберт.

— И на какие средства я буду жить?

— На половину моего жалованья, — отвечает Альберт. — Это пять тысяч шестьсот марок в год.

— Все понятно, — в ярости бросает она. — Как скажешь.

— Ну, значит, договорились.

— Это жестоко, Альберт. Ты жесток. Невообразимо жесток.

Простившись с Милевой и детьми на перроне Анхальтского вокзала, Альберт сажает их в поезд на Цюрих.

И внезапно содрогается от неудержимых рыданий.

— Ты совершаешь преступление против наших детей — и сам же плачешь, как дитя, — бросает ему Милева.

— Ты вернешься? — спрашивает он с надеждой.

— Нет.

— В такие моменты понимаешь, к какой мерзкой породе зверей мы принадлежим.

Она гневно смотрит на него и молчит.

Потерпев поражение, Альберт с потеками слез на щеках выходит на недавно обновленную Банхофштрассе через парадные ворота вокзала — триумфальную арку; у него щиплет глаза.

Вместе они были восемнадцать лет, из них одиннадцать — в браке. Их отношения, как и карточный домик, построенный Альбертом в детстве, лежат в руинах. Словно предвещая раскол Европы.

Тем временем в Сараеве девятнадцатилетний боснийский серб Гаврило Принцип, неизлечимо больной туберкулезом, планирует покушение на жизнь эрцгерцога Франца Фердинанда, престолонаследника Австро-Венгерской империи.

Императорский кортеж из шести автомобилей с открытым

верхом приближается к мэрии. В головной машине — мэр города и комиссар полиции. Франц Фердинанд и его жена, герцогиня Гогерберг, София, — во второй, в сопровождении наместника Боснии и Герцеговины, генерал-инспектора Австро-Венгерской армии Оскара Потиорека и графа Франца фон Гарраха, который едет на подножке, прикрывая собой эрцгерцога. Первая попытка нападения провалилась. Принцип в панике убегает. Тогда второй заговорщик бросает в кортеж гранату. От взрыва пострадали только зеваки из толпы. Полиция задерживает бомбометателя, пока кортеж набирает скорость, увозя подальше еще невредимого Франца Фердинанда.

После приема в ратуше генерал Потиорек уговаривает Франца Фердинанда покинуть город. Из-за покушения эрцгерцог будто лишился рассудка. Он настаивает на посещении раненых.

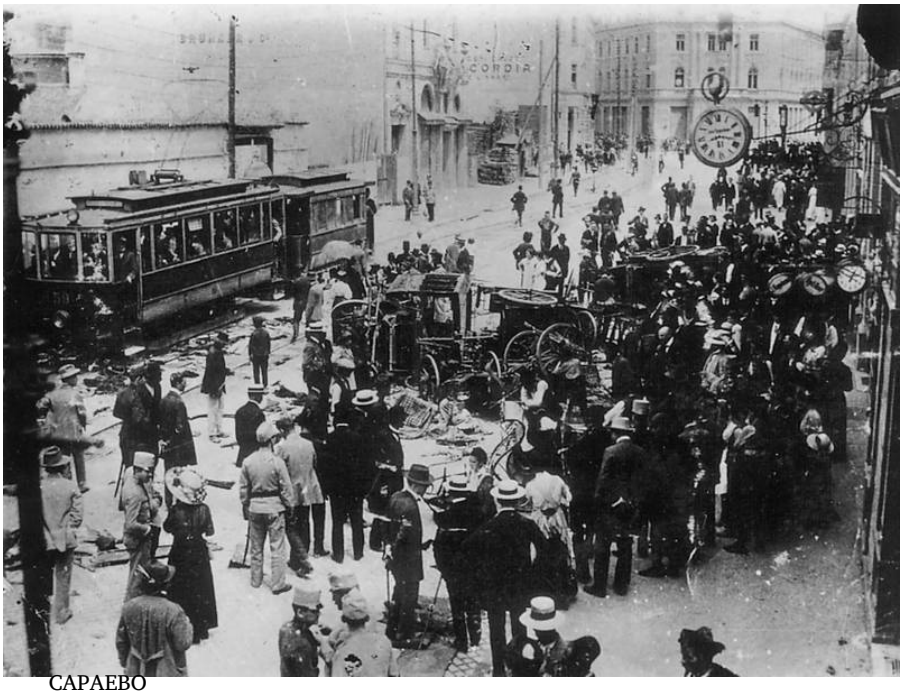
Чиновники убеждают эрцгерцога выбрать кратчайший маршрут выезда из города. Но водитель почему-то резко сворачивает у моста через реку Миляцка, теряя скорость на вираже. Там уже поджидает Принцип, держа наготове самозарядный полуавтоматический браунинг бельгийского производства «Фабрик насьональ» модели 1910 года. Выйдя на проезжую часть в полутора метрах от автомобиля, он вынимает из кармана пальто пистолет и производит два выстрела.

Первая пуля попадает в живот беременной герцогини Софии.

Эрцгерцог надрывается:

— Софи, Софи, не умирай. Живи ради наших детей.

Вторая пуля достается эрцгерцогу и застревает в районе сердца.



САРАЕВО

За две недели до объявления войны Альберт обсуждает с Эльзой последние новости, попивая кофе в гостиничных кафе, будь то «Эспланада», «Эксельсиор» или «Пиккадилли», который уже успели переименовать в «Фатерлянд», на Потсдамской площади в Берлине — центре притяжения для всех горожан. Дамы в широкополых шляпах с перьями чинно прохаживаются под ручку. И малоимущие, и шикарные щебечут и смеются.

Альберт и Эльза листают свою любимую газету «Берлинер тагеблатт». Альберта не покидают мрачные мысли.

— Откуда у немцев эта нездоровая страсть к завоеванию новых земель?

— Вот увидишь, через пару недель все уляжется, — говорит ему Эльза.

— Страсть Германии к завоеванию территорий тревожна сама по себе, но репутация кровопийцы и агрессора прочно закрепилась за ней как проклятие. За кайзеровской империей числится немало бесчеловечных даже по нынешним меркам кампаний.

Они прогуливаются по улицам, сторонясь подвод, груженных пивом, и роскошных автомобилей «майбах».

— Европа в своем безумии теперь затеяла что-то невероятно нелепое, — утверждает Альберт. — У меня это вызывает жалость и отвращение одновременно.

— Мы не можем на это повлиять, — говорит Эльза.

По Котбуссерштрассе они доходят до рынка на набережной Майбахуфер, где покупают краснокочанную капусту, топленый козий жир и копченую сельдь. А еще пузырьки с эссенцией ландыша.

По-свойски перешучиваются с итальянцем, торгующим гипсовыми фигурками на мосту через Ландвер-канал. Торгуются с букинистами на улицах Шойненфиртеля.

— Нернсту пятьдесят стукнуло. А пошел добровольцем — водить «скорую помощь».

— Очень благородно с его стороны, — говорит Эльза.

— И Планк, прости господи, туда же: мол, какое это великое чувство — называться немцем.

— Ты, вообще-то, швейцарец.

— И слава богу, — говорит Альберт. — Впрочем, хуже всего другое. Поддавшись националистической лихорадке, Планк, а за ним и Нернст, и Рентген, и Вин, подписали открытое письмо к цивилизованному миру. Послушай только. Это в «Берлинер тагеблатт».

Он читает вслух:

> Мы, представители немецкой науки и искусства, заявляем перед всем культурным миром протест против лжи и клеветы, которыми наши враги стараются загрязнить правое дело Германии в навязанной ей тяжкой борьбе за существование.
>
> *Неправда*, что Германия повинна в этой войне. Ее не желал ни народ, ни правительство, ни кайзер. С немецкой стороны было сделано все, что только можно было сделать, чтобы ее предотвратить. Мир имеет к тому документальные доказательства. Достаточно часто Вильгельм II за 26 лет своего правления проявлял себя как блюститель всеобщего мира, очень часто это отмечали сами враги наши. Да, этот самый кайзер, которого они теперь осмеливаются представлять каким-то Аттилой, в течение десятилетий подвергался их же насмешкам за свое непоколебимое миролюбие. И только когда давно подстерегавшие на границах враждебные силы с трех сторон накинулись на наш народ, — только тогда встал он, как один.
>
> *Неправда*, что мы нагло нарушили нейтралитет Бельгии. Доказано, что Франция и Англия сговорились об этом нарушении. Доказано, что Бельгия на это согласилась. Было бы самоуничтожением не

предупредить их в этом.

Неправда, что наши солдаты посягнули на жизнь хотя бы одного бельгийского гражданина и его имущество, если это не диктовалось самой крайней необходимостью. Ибо постоянно и беспрерывно, несмотря на всяческие призывы, население обстреливало их из засады, увечило раненых, убивало врачей при выполнении их человеколюбивого долга. Нет подлее лжи, чем замалчивание предательства этих злодеев, с тем чтобы справедливое наказание, ими понесенное, вменить в преступление немцам.

Неправда, что наши войска зверски свирепствовали в Лувене. Против бешеных обывателей, которые коварно нападали на них в квартирах, они с тяжелым сердцем были вынуждены в возмездие применить обстрел части города. Большая часть Лувена уцелела. Знаменитая ратуша стоит цела и невредима. Наши солдаты самоотверженно охраняли ее от огня. Каждый немец будет оплакивать все произведения искусства, которые уже разрушены, как и те произведения искусства, которые еще должны будут быть разрушены. Однако насколько мы не согласны признать чье бы то ни было превосходство над нами в любви к искусству, настолько же мы отказываемся купить сохранение произведения искусства ценой немецкого поражения.

Неправда, что наше военное руководство пренебрегало законами международного права. Ему несвойственна безудержная жестокость. А между тем на востоке земля наполняется кровью женщин и детей, убиваемых русскими ордами, а на западе пули «дум-дум» разрывают грудь наших воинов. Выступать защитниками европейской цивилизации меньше всего имеют право те, которые объединились с русскими и сербами и дают всему миру позорное зрелище натравливания монголов и негров на белую расу.

Неправда, что война против нашего так называемого милитаризма не есть также война против нашей культуры, как лицемерно утверждают наши враги. Без немецкого милитаризма немецкая культура была бы давным-давно уничтожена в самом зачатке. Германский милитаризм является производным германской культуры, и он родился в стране, которая, как ни одна другая страна в мире, подвергалась в течение столетий разбойничьим набегам. Немецкое войско и немецкий

народ едины. Это сознание связывает сегодня 70 миллионов немцев без различия образования, положения и партийности.

Мы не можем вырвать у наших врагов отравленное оружие лжи. Мы можем только взывать ко всему миру, чтобы он снял с нас ложные наветы. Вы, которые нас знаете, которые до сих пор совместно с нами оберегали высочайшие сокровища человечества, — к вам взываем мы.

Верьте нам! Верьте, что мы будем вести эту борьбу до конца, как культурный народ, которому завещание Гёте, Бетховена, Канта так же свято, как свой очаг и свой надел.

В том порукой наше имя и наша честь!

Эльза внимательно слушает эти пафосные речи.

Они прогуливаются по своим любимым местам старого, первозданного Берлина.

— Вообрази, все это будет стерто с лица земли, — утверждает Альберт. — Смотри. Весь район — это наш с тобой Берлин, где уживаются евреи вроде нас, и поляки, и восточные пруссаки, кому по душе еврейская уличная культура. Прислушайся к мелодиям, доносящимся из радиол и граммофонов, к звукам шарманки, к уличным певцам. Неужели безумие разрушит этот мир?

Вскоре Альберт обретает единомышленника-пацифиста в лице друга и лечащего врача Эльзы, физиолога Георга Фридриха Николаи.

Николаи — известный эгоист и охотник до женского пола. За драки его выгоняли из школ, а в колледже к списку заслуг добавились дуэли и незаконнорожденные дети. Он успел пожить в Париже и Лейпциге, где подрабатывал театральным критиком, поездить по Азии, а в Санкт-Петербурге поработать с физиологом Иваном Павловым, первым российским Нобелевским лауреатом, получившим премию по медицине в 1904 году. В Берлине Николаи занял пост главного врача в одной из клиник многопрофильной берлинской больницы «Шаритэ». В 1910 году в соавторстве со своим начальником Фридрихом Краусом опубликовал фундаментальный труд по электрокардиографии. Сейчас он занимает должность кардиолога королевской семьи, одновременно сотрудничая с военным госпиталем.

ГЕОРГ ФРИДРИХ НИКОЛАИ

Николаи понимает, что оружие и впредь будет играть куда более существенную роль, нежели мужество и тактика. Он пишет «Воззвание к европейцам». С подписания этого документа и началась карьера Альберта в качестве политического активиста.

ВОЗЗВАНИЕ К ЕВРОПЕЙЦАМ

Благодаря технике мир стал меньше; государства обширного полуострова, носящего название «Европа», ныне так близко прижаты друг к другу, как в былые времена города любого небольшого полуострова на Средиземном море. Европа (пожалуй, можно сказать: почти весь мир) благодаря разнороднейшим взаимоотношениям ее населения представляется единством, базирующимся на нуждах и переживаниях каждого отдельного ее жителя.

И вот нам представляется, что обязанность образованных и здравомыслящих европейцев — по крайней мере, попытаться воспрепятствовать тому, чтобы Европу, вследствие недостаточности общей ее организации, постигла та же трагическая участь, которая некогда постигла Грецию. Неужели Европа должна постепенно истощить себя братоубийственной войною и погибнуть?

Ведь ныне свирепствующая борьба навряд ли сделает кого-нибудь победителем, оставив, вероятно, одних лишь побежденных. Поэтому представляется не только уместным, но и безусловно необходимым, чтобы образованные люди всех государств использовали свой авторитет для того, чтобы (каков бы ни был доселе еще не известный исход войны) условия мира не стали источником будущих войн, а чтобы, наоборот, факт превращения этою войною всех европейских взаимоотношений в состояние известной текучести и неустойчивости был использован в целях образования из Европы органического целого. Технические и интеллектуальные предпосылки для этого налицо.

С этою целью в первую голову нам представляется необходимым объединение всех тех, кому понятна и дорога европейская культура, т. е. тех людей, которых некогда Гёте пророчески назвал «хорошими европейцами». Сами мы только призываем к этому. Обращаясь к вам, если вы разделяете наш взгляд и, подобно нам, готовы способствовать по возможности полному выявлению воли всей Европы, мы просим вас не отказать нам в своей подписи.

К великому разочарованию Альберта и Николаи, из ста представителей интеллигенции, к которым они обратились, свои подписи под открытым письмом поставили только двое: астроном Вильгельм Юлий Ферстер и философ Отто Бук.

Ни одна берлинская газета не берет на себя смелость опубликовать этот текст. Поэтому Николаи распространяет его своими силами, не забывая популяризировать антивоенные идеи среди студентов. Но общественность оставляет без внимания «Воззвание к европейцам». Более того, когда слухи о письме доходят до властей, Николаи лишается поста кардиолога королевской семьи, должности профессора Берлинского университета и места в больнице «Шаритэ»: его переводят гарнизонным врачом в Грауденц, к югу от Данцига. В компании коменданта он проводит время за лисьей охотой.

В августе 1915 года у Альберта появляется возможность расширить свой круг сторонников мирного разрешения конфликтов. Либеральный политик Вальтер Шукинг приглашает Альберта вступить в «Союз нового отечества», *Bund Neues Vaterland*. Союз преследует пять целей: укрепление взаимопонимания между народами; отмена классового превосходства власти; взаимодействие в реализации социализма; развитие культуры личности; антивоенное воспитание молодежи.

— Вот движение, которое я могу поддержать, — делится Альберт с Эльзой. — Правительство не сможет игнорировать таких людей.

— Кто входит в их число? — спрашивает Эльза.

С упоением он перечисляет имена видных пацифистов.

— Курт фон Теппер-Ласки, профессиональный наездник и журналист. Банкир Гуго Симон, один из основателей банка «Бетт, Карш, Симон и компания». Вместе с женой Гертрудой он превратил свой дом на Дракештрассе в настоящий центр искусства и культуры, где собирается вся интеллигенция: Генрих и Томас Манны, Рене Шикеле, Стефан Цвейг, Гарри Кесслер, Вальтер Ратенау, Курт Тухольский, Якоб Вассерман, маэстро Бруно Вальтер, Вальтер Беньямин и художники-авангардисты.

— Замечательно, Альберт. Хоть какая-то польза от этой войны.

— Нет, Эльза. Никакой.

Но правительство не игнорирует видных пацифистов. С удивительной наивностью члены оппозиционного лобби заводят контакты в рейхстаге. И в результате, конечно же, попадают под тайный надзор полиции.

Высшее военное руководство Пруссии грозится ликвидировать Союз.

Арестована Лилли Яннаш, секретарь Союза. Карл Либкнехт после антивоенной демонстрации в Берлине приговорен к двум с половиной годам лишения свободы за государственную измену. На суде он кричит: «Nieder mit dem Krieg! Nieder mit der Regierungf!» («Долой войну! Долой правительство!»). За эти призывы ему увеличивают срок до четырех лет и одного месяца.

Когда снаружи усиливается ветер, а карточный домик так и норовит упасть — закрой ставни и укрепи фундамент. Примерно такую тактику и выбирает Альберт.

«Я веду уединенный, но не одинокий образ жизни, — пишет он Цангеру в Цюрих. — Все благодаря моей заботливой кузине, которая, в общем-то, и была главной причиной моего переезда в Берлин. Впрочем, я никогда не откажусь от одинокой жизни, которая представляется мне неописуемым блаженством».

Он живет в трехкомнатной квартире на Виттельсбахерштрассе, 13, в благополучном районе, недалеко от площади Фербеллинерплац. У него установлен телефон — номер 2807. Квартира никак не обставлена, если не брать в расчет переполненные книжные полки. Днями напролет он в уединении работает над общей теорией относительности. Снова пишет Цангеру: «Любое общение на бытовую или профессиональную тему сведено к минимуму, но при необходимости проходит слаженно и продуктивно; живу просто, без затей. И должен признаться, сейчас я счастлив, как никто».

В переписке с Бессо он рассказывает о «чрезвычайно приятных и по-настоящему прекрасных отношениях с кузиной, постоянный характер которых позволит избежать официального брака». И это несмотря на то, что он уже пообещал на ней жениться.

В этом году. Или в следующем. В свое время. Когда-нибудь.

Не покидая своего кабинета, он исступленно трудится на пределе физических и умственных возможностей. И в конце концов эта работа выжимает из него все жизненные силы. Его беспокоят боли в желудке, он переносит желтуху, потом у него обнаруживают язву желудка и камни в желчном пузыре. Но боли не отступают ни на миг и особенно мучительны при метеоризме, или тошноте, или когда нужно просто сходить в туалет. Недуг, спровоцированный злоупотреблением жирной пищей, может застать в самый неподходящий момент, даже во время сна.

За два месяца он исхудал на двадцать пять килограммов.

Поддавшись уговорам Эльзы, он переезжает в просторную квартиру поближе к ней — на четвертом этаже в доме номер 5 по Габерландштрассе. Она готовит ему, не отказывает в ласках, восстанавливает его силы.

Красуется перед ним в новом наряде:

— Иди к мамочке, мамочка тебя приголубит.

Он поделился с Эльзой предостережениями Габера, по мнению которого «мы должны быть предельно осторожны, чтобы нам, то есть тебе, не стать предметом досужих пересудов. Не стоит появляться на людях парочкой. Габер сам поставит в известность Планка, чтобы мои коллеги не узнали правду из сплетен. Тебе придется проявить чудеса здравого смысла и самообладания, чтобы не прослыть душегубицей; сейчас все против нас».

В это время Эльза не отходит от Альберта ни на шаг, чтобы он скорее пошел на поправку, и, конечно, желает более надежных отношений.

Ганс Альберт регулярно переписывается с отцом.

Он рассказывает, как Тэтэ мечтает, чтобы папа был с ними. Описывает свои успехи в игре на фортепиано — он уже освоил сонаты Гайдна и Моцарта. Отправляет Альберту эскиз модели парусника, который выпиливает из дерева.

В ответ Альберт пишет:

> Альберт, дорогой мой малыш,
>
> вчера получил твое славное письмо и очень обрадовался. Я уже боялся, что ты мне больше не напишешь. Когда я был в Цюрихе, ты сказал, что тебе неудобно там со мной видеться. Поэтому, я считаю, будет лучше, если мы встретимся в другом месте, где нам никто не помешает. В любом случае я настаиваю, чтобы как минимум месяц в году мы проводили вместе, чтобы ты не забывал, что у тебя есть отец, который любит тебя всем сердцем. Никто другой не способен рассказать тебе столько интересного, сколько могу я. Достижения, к которым я пришел благодаря напряженной работе, должны принести пользу не только незнакомым мне людям, но и моим собственным мальчикам. Я только что завершил одну из самых важных работ в моей жизни; когда вы станете постарше, я расскажу вам о ней.
>
> Очень рад, что игра на фортепиано доставляет тебе

удовольствие. Я думаю, что и музыка, и выпиливание по дереву даже лучше подходят для твоего возраста, чем занятия в школе. Потому что в детстве именно этим и надо заниматься. Главное, выбирай те произведения, которые нравятся именно тебе, даже если учитель их не задавал. Это лучший способ узнать как можно больше; когда ты поистине увлечен, ты не замечаешь, как летит время. Иногда я так погружаюсь в работу, что забываю пообедать…

Не оставляй Тэтэ, целую,

ваш папа

Вскоре у Милевы диагностируют нервное расстройство, она ложится на лечение в санаторий «Теодосианум» в Цюрихе. Мальчики остаются на попечении экономки.

ЕЩЕ ОДНА ОЗОРНАЯ ОТКРЫТКА ОТ ЭЛЬЗЫ

Денег не хватает, потому что переводы от Альберта в Швейцарию часто задерживаются.

Когда Милеву, страдающую от хронических болей в спине, и

Тэтэ с воспалением легких госпитализируют в клинику «Бетаниен», Ганс Альберт тоже попадает в больницу, но в конце концов находит приют в семье Цангера. Альберт подавлен. Его беспокоит психическое и физическое здоровье каждого из родных. Отрешиться от всего он может только за работой.

Эльза настаивает, чтобы он сделал передышку. Все напрасно. Он даже подумывает опубликовать требование о разделе Германии и ликвидации ее как государства. Ему не просто взять себя в руки. А Эльза не может понять, что у него на уме. Но Альберт признается, что и сам не всегда понимает.

К началу ноября 1915 года он подготавливает достаточно материала для своей первой из четырех лекций по общей теории относительности, над которой бьется последние восемь лет.

ТЭТЭ, МИЛЕВА И ГАНС АЛЬБЕРТ

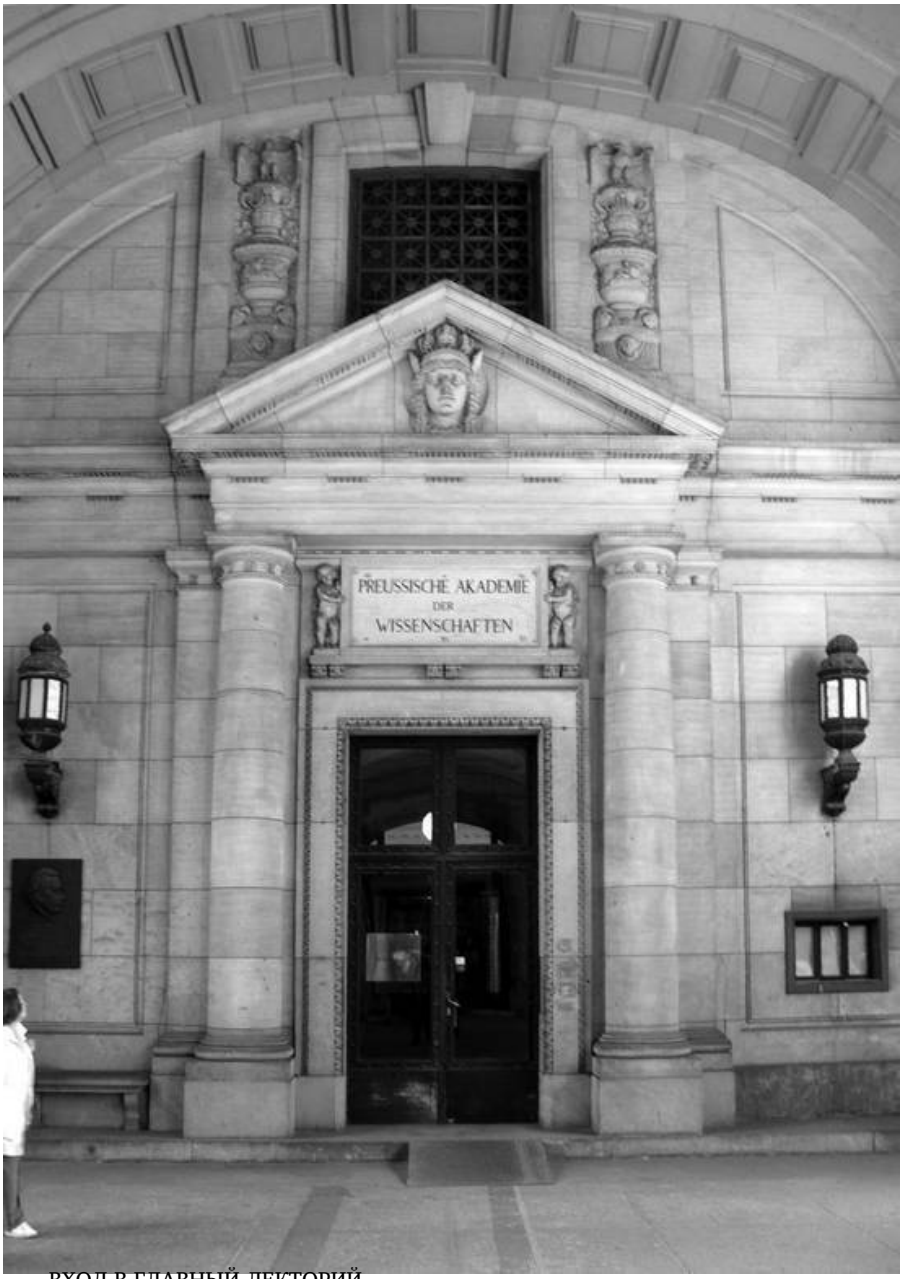
25 ноября 1915 года в большом лектории Прусской академии наук на бульваре Унтер-ден-Линден, 8, в Берлине, Альберт задается вопросом:

> Действительно ли нужна новая теория гравитации, если Ньютонова физика добротно служит нам в течение двухсот пятидесяти лет и как будто все объясняет?
>
> Гравитация Ньютона — это действие на расстоянии. Два тела, Земля и Луна например, как бы соединены

невидимыми нитями. Как же называется механизм, который приводит эту силу в действие? Формулы Ньютона завещали нам идею того, что гравитация достигает другого тела мгновенно вне зависимости от расстояния. Это противоречит моей специальной теории относительности. Я утверждаю, что никакой физический эффект не может распространяться быстрее скорости света.

Гравитация — это другое. Это свойство пространства-времени. Объект искривляет пространство. Космические силы имеют значение для описания конкретных действий. Луна вращается вокруг Земли, потому что Земля и Луна искажают пространство. Гравитация является уникальным свойством геометрии пространства-времени. Другие природные силы действуют внутри пространства-времени. Так что же такое гравитация? Это пространство-время. В этом суть моей общей теории относительности. Таким образом, общая теория относительности как логическое построение окончательно завершена.

Некогда скептически настроенный Макс фон Лауэ пишет, что искривленное пространство «отнюдь не математическая составляющая, а реальность, присущая всем физическим процессам. Это открытие — величайшее достижение Альберта Эйнштейна». Макс Борн называет это событие «величайшим успехом человеческих попыток понять природу, наиболее удивительным сочетанием философского понимания, физической интуиции и математического мастерства».



ВХОД В ГЛАВНЫЙ ЛЕКТОРИЙ

Альберт выяснил, каким образом в пустом пространстве Солнце, удерживая невидимую нить, притягивает Землю на расстоянии 149 миллионов километров. Это притяжение осуществляется за счет того единственного, что там, собственно, есть, — самого пространства. И все потому, что и Солнце, и Земля заставляют пространство искривляться. Искривляется и время.

Чем ближе часы к такому массивному телу, как Земля, тем медленнее они тикают. Пространство и время сплетены в один пространственно-временной континуум. События, происходящие в одно время для одного человека, могут происходить в иное время для другого.

Альберта охватывает эйфория. Своим друзьям он заявляет, что это теория «несравненной красоты». Зоммерфельду пишет: «… это самое ценное открытие в моей жизни».

Впрочем, эйфория постепенно сходит на нет из-за проблем, хаотично вспыхивающих на семейном фронте.

Альберт собирался было встретиться с Гансом Альбертом. Однако, как утверждает сын, которому уже одиннадцать, он не желает видеть отца. «Недружелюбный тон твоего письма очень сильно разочаровывает меня. Я вижу, что мой приезд принесет тебе мало радости, поэтому я думаю, что мне нечего трястись в поезде два часа двадцать минут».

Потом возникает казус с рождественским подарком. Милева купила старшему сыну лыжи за 70 франков. Ганс Альберт пишет отцу, что Милева надеется разделить затраты с Альбертом, но Альберт отвечает: «Я думаю, что этот **роскошный подарок стоимостью 70 франков не соответствует нашим скромным возможностям**».

Но все-таки Альберт решает не отказываться от поездки в Цюрих. Он пишет Милеве: «Есть слабый шанс порадовать Альберта своим приездом».

При этом по внешним признакам совершенно незаметно, чтобы он хоть немного восстанавливался после истощения. Да еще эти сложности с пересечением немецкой границы, — в общем, рождественская встреча не состоялась. Зато Альберт обещает приехать на Пасху.

«Роль жены гения никогда не бывает легкой», — пишет Альберту Бессо. Он только хочет напомнить, что Милева, по большому счету, проявляет «не только мелочность, но и великодушие».

Но прежде чем увидеться с детьми, Альберту нужно убедить Милеву согласиться на развод. Он объясняет, что из-за слухов о его связи с Эльзой вокруг нее складывается нехорошая репутация. «Это давит на меня, — пишет он Милеве, — мы должны оформить официальный брак. Попробуй разочек представить себя на моем месте».

Он едет в Цюрих, проводит время с Гансом, но переговорить с Милевой не получается: она хлопнула дверью прямо перед его носом. Спустя несколько месяцев выяснится, что она не встает с

постели из-за сердечного заболевания.

Бессо и Цангер вновь пытаются урегулировать их отношения. На это Альберт отвечает, что Милева водит их за нос. «Вы понятия не имеете о природном лукавстве этой женщины».

Бессо, разумеется, считает тон Альберта неприемлемым. В сложившейся ситуации Ганс Альберт прекращает переписку с отцом.

Как и прежде, отдушиной для Альберта остается научная деятельность — в свет выходит его монография «О специальной и общей теории относительности». Выдержки он зачитывает Марго, дочери Эльзы, но та даже виду не подает, что не понимает ни словечка.

Альберт делает еще одну попытку договориться с Милевой: на этот раз он не только предлагает больше денег, но и сулит передать ей премиальные, если когда-нибудь получит Нобелевскую премию. Ни много ни мало 135 000 шведских крон. В сердцах она отвергает эту идею. Но потом соглашается. Как-никак она нездорова. Тэтэ в санатории. Сестра Милевы в психиатрической лечебнице. А брат в плену у русских.

Безуспешно Альберт пытается ответить на вопрос, что же закончится раньше: война или его брак?

Одно дело — война. Совсем другое — война с Милевой. К тому же в немецкой научной среде нарастают антисемитские настроения, которые только больше омрачают его и без того непростую жизнь.

Деятельность «Имперского союза молота» *(Reichshammerbund)* вызывает у него только отвращение. Его основатель и идеолог Теодор Фрич заявляет, что евреи загрязняют Германию. Вся его пропаганда строится на клеймении биологических особенностей еврейского народа. Она стремится объединить антисемитские организации, чтобы восстановить немецкий уклад жизни.

Эмблема Союза — свастика. Также Фрич возглавляет тайное антисемитское общество «Германский орден», организованное по образцу масонской ложи. Военное положение, как считают и «Германский орден», и «Имперский союз молота», поможет расшевелить застойную Германию, восстановить порядок и дисциплину, требуя, чтобы немцы наконец сосредоточились на *немецкой физике*, а не еврейской.

С тревогой Эльза смотрит на исхудавшего Альберта. Пришедший по вызову врач назначает ему диету на основе макарон, риса и подслащенных сухарей.

Эльза знает, где раздобыть для него яйца, масло и козье молоко. И все это, несмотря на рост дефицита продовольствия. У нее есть зажиточные друзья, которые выращивают овощи и

держат кур. Если нет картошки, она варит турнепс, правда, есть его можно, хорошенько сдобрив дефицитным сахаром. Иногда, вопреки предписаниям врача, она даже умудряется купить редкого по тем временам гуся, который слывет недоступной роскошью. Альберт в восторге от ее стряпни, да и вообще, быт она поддерживает так, что он ее даже не замечает. В отличие от Милевы.

Продовольственный кризис в стране — чуть не главная тема для обсуждений в кругу друзей Эльзы.

— Они говорят, что во всем виноваты мы, евреи, — жалуется она Альберту. — Виноваты еврейские беженцы, нахлынувшие из Восточной Европы. Для них мы просто среднее звено.

— Мы виноваты? — переспрашивает Альберт.

— По крайней мере, они так говорят.

— Я немец, — говорит Альберт. — Ты немка. Мой родной язык — немецкий. Мы живем в Берлине. Государство, гражданином которого я фактически являюсь, не вызывает у меня никаких эмоций. Я полагаю, что человек и государство должны взаимодействовать в рамках коммерческой модели, как отношения между человеком и структурой, обеспечивающей его жизнь.

— За что, за что они нас так ненавидят?

— Любой стране, переживающей глубокий социальный, экономический или политический кризис, нужен козел отпущения, и тут как нельзя кстати — евреи. Это происходит по двум причинам. Во-первых, едва ли в мире найдется страна без еврейской прослойки населения. И во-вторых, где бы ни проживали евреи, они всегда составляют меньшинство, причем ничтожное, неспособное защитить себя от внешних нападок. Правительства с легкостью прикрывают собственные ошибки, упрекая евреев в поддержке той или иной политической доктрины, будь то коммунизм или социализм.

— Я слышала, как один человек обвинил нас в развязывании войны.

— Не ново. На протяжении всей истории в каких только преступлениях не обвиняли евреев — и в отравлении колодцев, и в ритуальных убийствах детей. Но многие претензии — не более чем зависть, ведь еврейский народ, даром что национальное меньшинство, всегда выделялся непропорционально большим количеством выдающихся общественных деятелей на душу населения.

— Это-то меня и пугает, Альбертль.

— Ты под надежной защитой, моя дорогая. Пока что Германия — лучшее место для моей жизни и работы.

— Может, переедем в Швейцарию?

— Ты предлагаешь вернуться в Цюрих, поближе к Милеве?

— Но ты по-прежнему придерживаешься пацифистских взглядов?

— Определенно.

Впрочем, эти взгляды немного пошатнутся, когда он узнает про «Циклон Б».

Друг Альберта Габер, директор Института физической химии и электрохимии «Общества кайзера Вильгельма», объявляет, что теперь его лаборатория будет работать в интересах Германской империи.

Генерал Эрих фон Фалькенхайн, начальник Генерального штаба, отдает приказ о начале экспериментов с химическим оружием.

Одетый в военную форму Габер, пыхтя сигарой, выдвигается на передовую линию Ипрского выступа, чтобы назначить лучшее время для газовой атаки. На немецких позициях подготовлены тысячи стальных баллонов с хлором. После нескольких недель ожидания идеального направления ветра, гарантирующего отвод газа от собственных войск, немцы под личным командованием Габера выпустили почти 6000 баллонов, распылив более 168 тонн хлорного газа. Тошнотворное желтое облако унесло жизни 5000 французских и бельгийских солдат. Габер победил.

— Что заставляет людей так варварски убивать и калечить друг друга? — спрашивает Альберт Генриха Цангера. — Я думаю, что причина таких диких взрывов в половых особенностях мужчин.

Вернувшись в Берлин в звании капитана, Габер на широкую ногу отмечает свой успех.

Его миролюбивая жена, сорокачетырехлетняя Клара, с отличием окончила Университет Бреслау и стала первой женщиной в Германии, получившей докторскую степень. В газете, упоминавшей это событие, была напечатана ее клятва: «Никогда ни в устной, ни в письменной форме не поучать тому, что противоречит моим убеждениям. Следовать истине и продвигать значение науки к тем высотам, которых она заслуживает». Она возмущена деятельностью своего мужа. И не раз говорит об этом публично. По ее словам, это «извращение идеалов науки. Это признак варварства — мешать развитию той самой области науки, которая призвана давать новые разгадки тайн жизни». Воодушевление и гордость мужа от разработки химического

оружия вызывает у нее отвращение. Она умоляет его отказаться от участия в химической войне. Но Габер твердит и ей, и другим, что ее утверждения суть не что иное, как государственная измена.

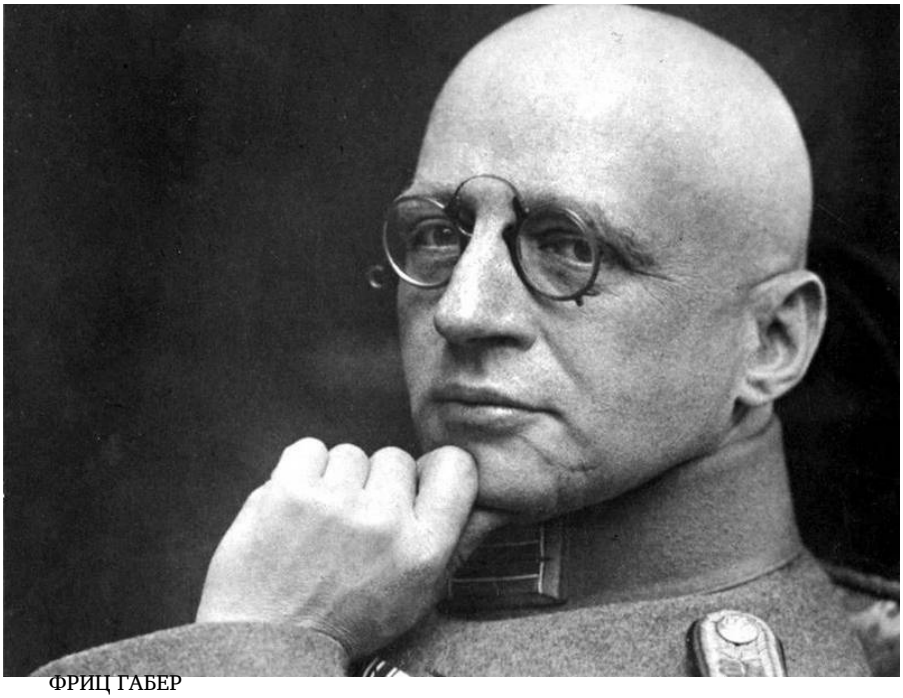
В письме своему другу и наставнику Рихарду Абеггу, под чьим руководством она получила степень во Вроцлавском техническом университете, она досадует, что в конечном счете проиграла, хоть и вытянула когда-то Фрица как счастливый билет.

После торжества, в предрассветный час Клара берет служебный пистолет своего мужа, выходит в сад и стреляет себе в грудь.

Услышав выстрел, выбегает ее тринадцатилетний сын Герман. Клара умирает у него на руках.

На следующее утро, оставив Германа в гуще скандала, Габер выезжает на Восточный фронт, чтобы руководить первой газовой атакой против русской армии. О самоубийстве Клары публично сообщат лишь спустя шесть дней, когда местная газета «Грюневальд цайтунг» напишет, что «в районе Далем супруга доктора Габера, который в настоящее время находится на фронте, покончила жизнь самоубийством, выстрелив в себя. Мотивы этой несчастной женщины неизвестны».

Из газет Альберт узнает о событиях второй битвы на Ипре. После артиллерийского обстрела линии противника оборона союзников ждет первой волны немецких наступательных войск. Пересекая нейтральную зону, газообразный хлор Габера растекается над их окопами, убивая две дивизии французских и алжирских колониальных войск.



ФРИЦ ГАБЕР

КЛАРА ГАБЕР

Жестокость извращенной науки Габера безгранична.

За несколько месяцев до окончания войны на Западном фронте выступили американские войска. Австро-Венгрия, ближайший союзник Германии, близка к развалу. Чехословакия, Польша и Венгрия добиваются независимости.

На кайзера оказывает давление генерал Людендорф, подталкивая его к заключению мирного договора. Князь

Максимилиан Александр Фридрих Вильгельм, маркграф Баденский, формирует новый кабинет министров. Активисты «Союза нового отечества» требуют освобождения политических заключенных.

Германия проигрывает сражение во Франции, бунтует немецкий флот.

9 ноября 1918 года кайзер спасается бегством в Нидерланды.

Два дня спустя Германия подписывает мирный договор, подготовленный Великобританией и Францией, и оружие замолкает.

Великая война заканчивается в 11 часов утра одиннадцатого дня одиннадцатого месяца.

Война между Альбертом и Милевой затягивается. Каждая сторона нажимает на болевые точки. Милева пишет, что не хочет становиться помехой его счастью. И просит адвоката Альберта связаться с ней. Вздохнув с облегчением, Альберт наконец соглашается признать факт супружеской измены для заседания Цюрихского суда по разводам.

В начале следующего года он читает цикл лекций в Швейцарии, а в День святого Валентина, за месяц до дня рождения Альберта, брак с Милевой официально расторгнут. Впрочем, как одна крупная победа не означает окончания войны на всех фронтах, так и семейные неурядицы накладываются на общий политический хаос в стране. Милеве и детям требуется дорогостоящее лечение в санаториях и больницах и, конечно, домашний уход.

Во время эпидемии гриппа Тэтэ заболевает не один, а два раза.

— А что ты можешь сделать? — спрашивает его Эльза.

— Ты о детях? Я — только шарманщик, хоть убей, и песню одну что ни день пою… хочешь послушать мое четверостишие?

Эльза улыбается.

Я — только шарманщик, хоть убей,
И песню одну что ни день пою.
Уже прочирикал ее воробей
И шаромыжник пропел как свою.

«Шаромыжник» не скрывает своего влечения к другой женщине. Причем к Ильзе, двадцатилетней второй дочери его будущей невесты.

Ильзе пишет Георгу Николаи: «Вчера внезапно был поднят вопрос о том, желает А. жениться на маме или на мне… Сам Альберт отказывается принять какое-либо решение, он готов жениться либо на мне, либо на маме. Я знаю, что А. меня очень любит, может быть, больше, чем любил кого-либо в своей жизни. Так он сказал мне вчера… Я никогда не испытывала ни малейшего желания физической близости с ним. В его случае все наоборот — по крайней мере, с недавних пор. Он признался мне однажды, как трудно ему держать себя под контролем…»

Позже Альберт предлагает, чтобы Ильзе стала его секретарем.

— Почему я? — спрашивает она.

— Главная причина: сохранение и, пожалуй, даже совершенствование твоей красоты. В моих планах поездка в Норвегию. Я возьму либо Эльзу, либо тебя, Ильзе. Целесообразнее, конечно, взять тебя: все-таки ты и здоровьем крепче, и практичнее.

— Идем спать, Альбертль, — зовет его Эльза, раздеваясь на ночь.

— Ты наденешь свой пеньюар, Мамочка?

Она надевает.

Альберт задирает легкую ткань, а Эльза, крепко обняв, направляет его внутрь себя.

Получив свое, он перекатывается в сторону: «Я люблю тебя, Ильзе. Ильзе… любовь моя».

У Эльзы все сжалось внутри.

— Как ты меня назвал?

— Моя любовь.

— Ты назвал меня «Ильзе». Ты занимаешься любовью со мной, а называешь именем моей дочери.

— На что ты намекаешь?

— На то самое. У тебя только Ильзе на уме.

— Подумаешь, сорвалось с языка.

— Твой язык только что побывал у меня во рту. А пенис — между ног. Ты что, спишь с Ильзе?

— Нет.

ЕЩЕ ОДНА ОТКРЫТКА ОТ ЭЛЬЗЫ

— Любишь ее?
— Нет.

— Вот что, больше никакой Ильзе! — кричит Эльза. — Никакой!

— Больше никакой Ильзе, — повторяет Альберт. — Никакой Ильзе.

— Ты хочешь, чтобы мы поженились?

— Ты же знаешь — больше всего на свете.

— Докажи, Альбертль.

— Я вывел равенство.

— Какое еще равенство? Не нужно никакое равенство. Мне нужен ты.

— Ладно. Тогда так: А плюс Е равно Е плюс А. Дарю.

— Я тоже хочу сделать тебе подарок, Альбертль.

— И что же это?

— Я сделаю все, чтобы ты прославился на весь мир.

> «Мужчина женится в надежде, что женщина никогда не изменится. Женщина выходит замуж в надежде, что мужчина изменится. Те и другие неизменно разочаровываются».
>
> *Альберт Эйнштейн*

Само собой, Эльза непричастна к тому, что Альберт достиг статуса мировой знаменитости. Все это дело рук международной прессы.

ВЕСЬ НЕБЕСНЫЙ СВЕТ ИСКРИВЛЕН

Все научное сообщество
взбудоражено результатами
наблюдения затмения

ТРИУМФ ТЕОРИИ ЭЙНШТЕЙНА

ЭЛЬЗА И АЛЬБЕРТ, 2 ИЮНЯ 1919 г.

LIGHTS ALL ASKEW IN THE HEAVENS

Men of Science More or Less Agog Over Results of Eclipse Observations.

EINSTEIN THEORY TRIUMPHS

Stars Not Where They Seemed or Were Calculated to be, but Nobody Need Worry.

A BOOK FOR 12 WISE MEN

No More in All the World, Could

DON'T WORRY OVER NEW LIGHT THEORY

Physicists Agree That It Can Be Disregarded for Practical Purposes.

NEWTON'S LAW IS SAFE

At Most It Suffers Only Slight Correction, Says Prof. Bumstead of Yale University.

OTHER PROFESSORS' VIEWS

EINSTEIN EXPOUNDS HIS NEW THEORY

It Discards Absolute Time and Space, Recognizing Them Only as Related to Moving Systems.

IMPROVES ON NEWTON

Whose Approximations Hold for Most Motions, but Not Those of the Highest Velocity.

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» 10 НОЯБРЯ, 16 НОЯБРЯ И 3 ДЕКАБРЯ 1919 г.

Звезды не там, где, как нам представляется, они должны быть, и даже не там, где указывают расчеты, но волноваться не следует

КНИГА ДЛЯ ДВЕНАДЦАТИ МУДРЕЦОВ

Во всем мире больше никто…

НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ ИЗ-ЗА НОВОЙ ТЕОРИИ СВЕТА

Физики сходятся во мнении, что в практических целях
ее можно обойти стороной

ЗАКОН НЬЮТОНА В БЕЗОПАСНОСТИ

От силы можно говорить лишь о незначительных поправках, утверждает проф. Бумстед из Йельского университета

МНЕНИЕ ДРУГИХ ПРОФЕССОРОВ

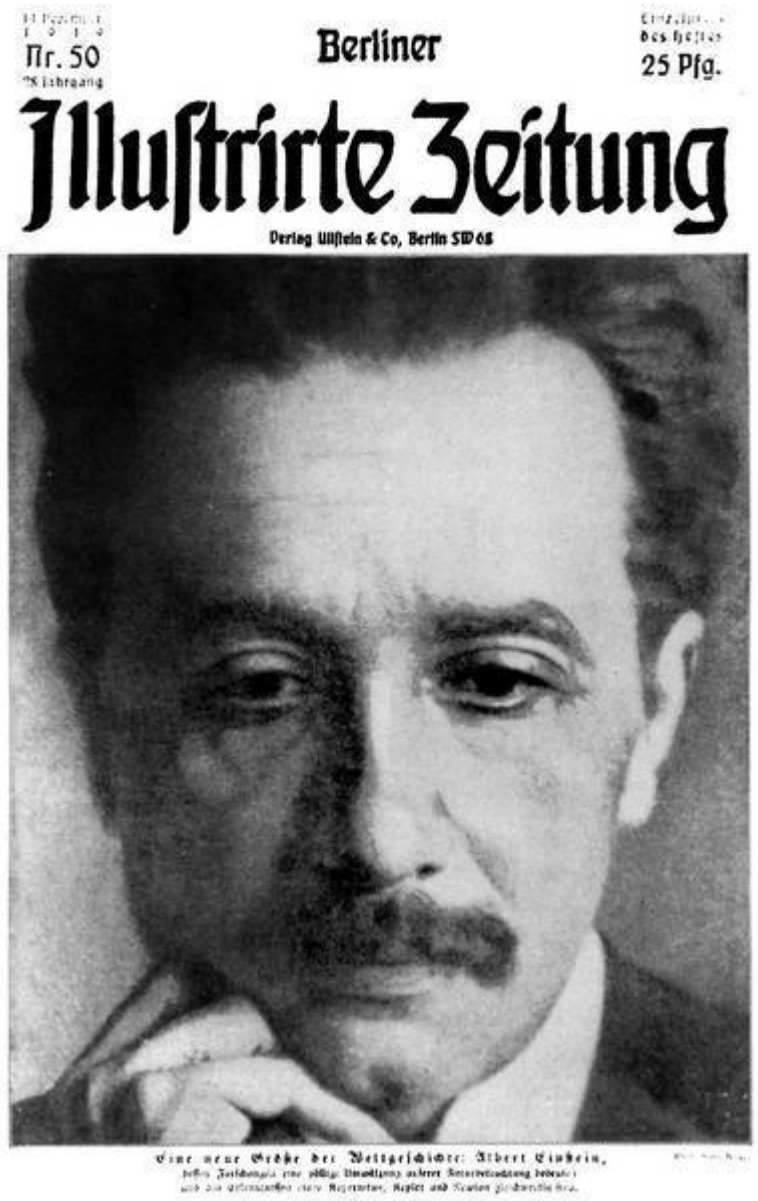
ЭЙНШТЕЙН РАЗЪЯСНЯЕТ СВОЮ НОВУЮ ТЕОРИЮ

Он отрицает абсолютное время и пространство, признавая их только в связи с движущимися системами

ЗАКОН НЬЮТОНА, ДОВЕДЕННЫЙ ДО УМА

Чьи аппроксимации применимы
к большинству видов движения,
но не с самой высокой скоростью

ВДОХНОВЛЕННЫЙ, КАК НЬЮТОН…



«АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН — НОВЫЙ ГИГАНТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ. ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРИВЕДШИЕ К ПОЛНОМУ ПЕРЕВОРОТУ В НАШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПРИРОДЕ, МОЖНО СРАВНИТЬ С ОТКРЫТИЯМИ КОПЕРНИКА, КЕПЛЕРА И НЬЮТОНА».

Через два года, в 1921-м, в честь первого визита Альберта в Соединенные Штаты, Уильям Карлос Уильямс напишет стихотворение «Св. Франциск Эйнштейн Нарцисский»:

…Апрель Эйнштейн
по цветенью вод
непокорный, смеющийся
под мертвой рукой свободы
явился средь нарциссов
возвещая
что цветы и люди
созданы
относительно равными.
Старые доктрины похоронены под цветеньем
персиковых рощ…

Пока Паулина гостила в Люцерне, у дочери Майи и зятя Пауля, ей — в шестьдесят два года — поставили диагноз «рак желудка в последней стадии» и дали направление в санаторий Розенау.

Альберт забирает ее к себе на Габерландштрассе, 5, где ухаживает за ней вместе с Эльзой. Он пытается скрасить ее последние дни, зачитывая новости о своих успехах.

После ее смерти Альберт скажет Эльзе: «Теперь я понимаю, каково это — смотреть, как твоя мать умирает мучительной смертью, и быть не в состоянии что-либо сделать; просто руки опускаются. Всем нам приходится нести это тяжкое бремя, ибо оно неразрывно связано с жизнью».

Альберт пишет Паулю Эренфесту, что разочаровался в политике.

— Союзные державы, чью победу во время войны я воспринимал бы безусловно меньшим злом, на поверку оказываются лишь немного меньшим злом.

ПАУЛИНА ЭЙНШТЕЙН, ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Эренфест.

— Налицо совершенно бесчестная внутренняя политика: реакционная деятельность со всеми ее мерзостями, украшенными отвратительной революционной маскировкой. Никто не знает, где проявляются стремления человека, за которые можно было бы порадоваться.

— Ты правда не радуешься никаким положительным тенденциям?

— Я больше радуюсь появлению еврейского государства в Палестине. Мне кажется, что наши собратья более добры (по крайней мере, менее жестоки), чем эти ужасные европейцы. Может, лучше бы на свете остались одни китайцы, которые всех европейцев зовут бандитами.

В Берлине Альберт знакомится с Куртом Блюменфельдом, сионистом немецкого происхождения родом из Маргграбовы в Восточной Пруссии, а ныне генеральным секретарем Всемирной сионистской организации. Блюменфельд расспрашивает его об идеях сионизма.

— Я против национализма, но за сионизм, — объясняет ему Альберт. — Когда у человека есть обе руки и он все время хвастает, что у него есть правая рука, то он шовинист. Однако, если правой руки у него нет, он должен что-то делать, чтобы восполнить ее недостаток.

— Значит, вы противник сионизма?

— Нет. Как человек, я противник национализма. Но как еврей, я с сегодняшнего дня сторонник сионизма. Сионистское движение мне очень дорого. Я абсолютно уверен в успешном развитии Еврейского поселения и рад, что в этом мире появится клочок земли, где наши соплеменники не будут чувствовать себя изгоями. Где можно разделять международные взгляды, не отказываясь от интересов своего племени. Я поддержу Хаима Вейцмана. Тем более в Америке на мои лекции большой спрос. Вейцман предлагает мне сопровождать его и выступать в городах на восточном побережье. Кроме того, меня зовут с лекциями в Принстон. Мне нужно тщательно разобраться в идеях Вейцмана.

КУРТ БЛЮМЕНФЕЛЬД

Альберт учитывает, что тур по Америке сулит ему немало денег в твердой валюте, чтобы поддержать Милеву в Швейцарии. «От Принстона и Висконсина я потребовал 15 тысяч долларов, — пишет он Эренфесту. — Это, возможно, отпугнет их. Но если они заглотят наживку, я куплю себе экономическую независимость, а это не то, на что можно начихать».

Но американцы не клюнули. «Я перегнул палку», — признается он Эренфесту.

Поэтому теперь в его планах представить доклад на третьем Сольвеевском конгрессе в Брюсселе и прочесть лекцию в Лейдене по просьбе Эренфеста.

Тем не менее, когда Альберта просят выступить в «Союзе немецких граждан иудейского вероисповедания», он заявляет, что «попытки сторонников ассимиляции вытравить все еврейское не вызовут у гоев ничего, кроме смеха, потому что евреи — это отдельный народ. С точки зрения психологии корни антисемитизма в том, что евреи — группа, живущая по своим правилам. Еврейство явно проступает в их облике, а еврейские традиции находят отражение в интеллектуальной деятельности».

Спустя некоторое время Хаим Вейцман вручает Альберту телеграмму от Всемирной сионистской организации: Альберта и Эльзу приглашают в Америку для участия в кампании по сбору средств на строительство университета в Иерусалиме.

Альберт соглашается: «Я нисколько не стремлюсь в Америку, но делаю это только в интересах сионистов, которые будут просить денег для строительства образовательных учреждений в Иерусалиме и для которых я как первосвященник и приманка… Я делаю что могу, чтобы помочь моему племени, к которому везде относятся так ужасно».

Дело решено.

Он сообщает Генриху Цангеру: «В субботу я уезжаю в Америку — не для того, чтобы выступать в университетах (хотя, вероятно, придется заниматься и этим), а чтобы помочь основать Еврейский университет в Иерусалиме. Чувствую настоятельную потребность сделать что-нибудь для этого».

Эльза взволнована, как никогда.

— Ты можешь представлять мои интересы, если понадобится, — предлагает Альберт.

— Я поведаю американцам все о своем Альберте, — обещает она.

— Вот и замечательно, — говорит Альберт. — Замечательно.

Фриц Габер, бывший иудей, а ныне полноправный пруссак, — единственный, кто осудил решение Альберта. По словам Габера, посещение территорий военного противника от имени сионистской организации лишний раз напомнит о том, какие недобропорядочные немцы эти евреи.

При этом Габер поддержал участие Альберта в Сольвеевском конгрессе в Брюсселе. «Люди здесь воспримут это как доказательство нелояльности евреев», — пишет Габер, узнав о решении Альберта посетить Америку.

Альберт не разделяет мнения Габера о том, что евреи — это

люди иудейского вероисповедания. «Несмотря на четко выраженные интернационалистские убеждения, — заявляет он, — я всегда чувствовал себя обязанным выступать в защиту моих гонимых и угнетаемых морально соплеменников. Особенно радует меня перспектива построения Еврейского университета, поскольку за последнее время я видел множество примеров предвзятого и немилосердного отношения к способным еврейским юношам, которых пытались лишить возможности получить образование».

По прибытии в порт Нью-Йорка мэр Джон Хайлен вручает Альберту и Вейцману ключи от города.

Тысячи сионистов растянули сине-белый флаг Сиона со звездой Давида в центре по маршруту движения кортежа от Бэттери-парка до отеля «Коммодор», приветствуя своих лидеров. Альберта встречают как героя. Делегация встречающих приглашает гостей отеля присоединиться к шествию в мэрию. Покинув здание, Альберт усаживается в автомобиль, откуда поверх голов своих коллег наблюдает за триумфальным шествием сквозь людскую массу.

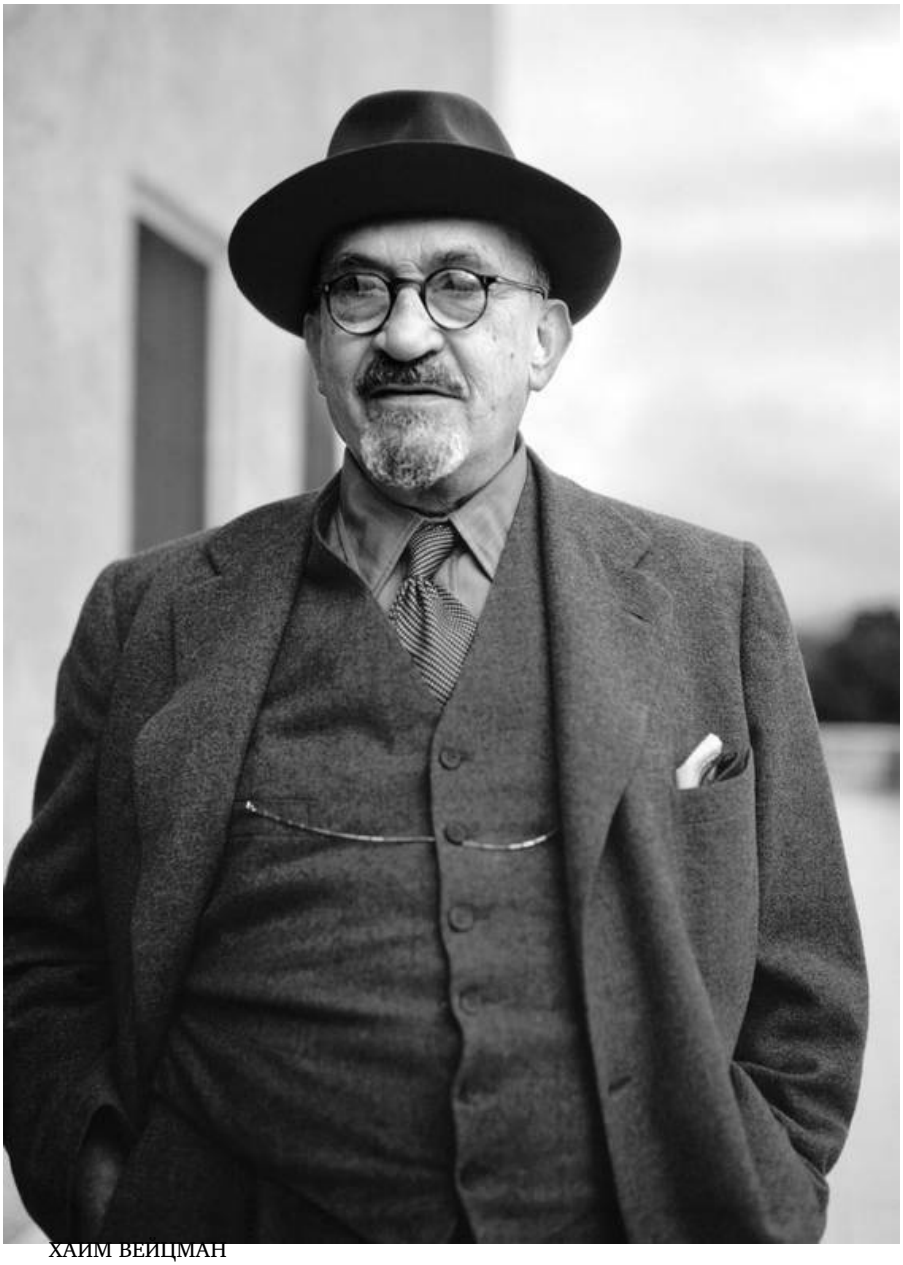
Мэр приветствует гостей в приемном зале ратуши. Альберт отрешенно блуждает по залу в своих изношенных брюках и свитере, а члены делегации то и дело подталкивают его оказать внимание своим заядлым почитателям. Ведь все собрались послушать его речь, но Альберт отбивается от вопросов на ходу.

Пресса не дает ему прохода.

Представитель «Сити ньюс» спрашивает:

— Будьте любезны, объясните нам в одном предложении, в чем суть вашей теории относительности?

— Всю свою жизнь, — отвечает Альберт на немецком, — я пытаюсь сделать это в одной книге, а вы хотите, чтобы я это сделал в одном предложении.



ХАИМ ВЕЙЦМАН

Вопрос от газеты «Трибюн»:

— Профессор, что вы скажете об Америке?

— Извините, я даже чемоданы не успел распаковать.

— Вам понравились американские женщины?

— Извините, я до сих пор не познакомился ни с одной американкой.

— Профессор, ваша теория как-нибудь поможет простым

людям? — спрашивает «Нью-Йорк таймс».

Сбитый с толку Альберт выныривает из этого водоворота вместе с Эльзой, обронившей в толпе свой золотой лорнет. За его находку мэр обещает вознаграждение. Безрезультатно.

Официальный Сионистский прием проходит в переполненном зале Метрополитен-опера на углу Бродвея и 39-й стрит.

Появление гостей на сцене вызывает бурю оваций. Собравшиеся исполняют «Ха-Тикву».

Еще не пропала наша надежда,
Надежда, которой две тысячи лет:
Быть свободным народом на нашей земле,
Земле Сиона и Иерусалима.

Альберт выступает перед многотысячной толпой в здании арсенала 69-го пехотного полка на Лексингтон-авеню. Президент Гардинг направляет ему приветственную телеграмму: «Ваш визит должен напомнить людям о большой услуге, которую еврейский народ оказал человечеству».

АЛЬБЕРТ И ЭЛЬЗА ВО ВРЕМЯ ДЕВЯТИДНЕВНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ГОЛЛАНДИИ

НЬЮ-ЙОРК

Эльза дает интервью Марион Вайнштейн для журнала «Американ хибрю». Эльза по бумажке зачитывает подготовленный для кампании Альберта текст. «Она выписана, словно полотно живописца. Таких, как она, мужчины любят за природную женственность, художники срисовывают с них своих мадонн, и именно такой евреи представляют идеальную „мать Израиля“. На миссис Эйнштейн была юбка из простой материи и фиолетовый шелковый шарфик с изящной вышивкой. Глядя на нее, вам представляется глубокий, прохладный бассейн и лучи мягкого солнца. Когда она рассказывает вам о забавных моментах в круговороте американской жизни, нельзя не заметить, как сияют в улыбке ее ровные зубы и дивные голубые глаза».

— Да, такое ты бы не написала, — говорит Альберт.

— А ты — тем более, — отвечает Эльза.

Следующий пункт — Вашингтон, где Альберт выступает в Национальной академии наук.

Встреча президента Гардинга с Альбертом и Эльзой в Белом доме держалась в рамках протокола, ведь глава государства, по его собственному признанию, не понял ровным счетом ничего в

теории относительности.

В Принстоне после прочтения пяти лекций по теории относительности Альберту присуждают степень почетного доктора.

Дальше — Гарвард и Бостон, но уже с Вейцманом. В Бостоне его встречают под грохот духового оркестра. А вечером мэр города Эндрю Дж. Питерс устраивает кошерный банкет. Из речи мэра: «Мало кто из нас может поддержать беседу с профессором Эйнштейном о математических свойствах пространства; но каждый из нас поддерживает его решение не подписывать тот манифест, потворствующий вторжению в Бельгию».

Потом — Кливленд, где еврейские торговцы, закрыв свои магазины, высыпали на улицы поприветствовать его.

Альберт пишет Бессо: «Позади два страшно изнурительных месяца, но я невероятно рад тому, что мог содействовать сионистскому движению, став гарантом создания университета… Удивительно, конечно, что я довел дело до конца. И теперь, когда все кончено, я наслаждаюсь мыслью, что сделал что-то по-настоящему ценное».

Обессиленной паре, Эльзе и Альберту, предстоит девятидневный путь домой на борту британского лайнера «Селтик» компании «Уайт стар лайн».

24 июня 1922 года друг Альберта, министр иностранных дел Веймарской республики Вальтер Ратенау, выезжает из своего дома в Грюневальде, что в десяти минутах от Берлина, в открытом автомобиле. На перекрестке Валлотштрассе и Кенигсаллее какая-то машина преграждает Ратенау путь. Убийца делает пять выстрелов, его сообщник бросает в открытый автомобиль ручную гранату. Ратенау погибает на месте.

При жизни он не раз повторял Альберту, что служит той Германии, которая его не любит. «У меня на сердце тяжесть… что может сделать один окруженный врагами человек в парализованном мире?» Ратенау не раз угрожали расправой. При нем члены Верхнесилезского самоуправления, милитаризованной организации, скандировали: «Будь проклят Вальтер Ратенау. Убить его, убить грязного жида». Полицейские советовали ему носить при себе оружие.

Убийцы Ратенау — студент юридического факультета Эрвин Керн, двадцати трех лет, и двадцатишестилетний инженер-механик Герман Фишер, оба белокурые, голубоглазые, отслужившие в армии члены правой антисемитской террористической организации «Консул». Возглавляет ее Вернер Техов.

Покушавшиеся скрываются в нюрнбергском замке Заалек, примерно в двухстах километрах к югу от столицы Германии. Но они допускают одну промашку — оставляют включенным свет, и местные жители, зная, что арендатор, сочувствующий крайне правым, находится в отъезде, звонят в полицию. Когда Керна пытаются задержать, он кричит:

— Да здравствует Эрхардт!

Его настигла полицейская пуля. Фишер застрелился сам. Техов арестован и приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. Государственный прокурор оглашает мотив преступления: «слепая ненависть к евреям».

От рук германских националистов погибают несколько сотен правительственных чиновников и радикальных активистов. Два радикальных германских националиста совершают неудачное покушение на бывшего канцлера Веймарской республики, социал-демократа Филиппа Шейдемана: ему в лицо брызнули синильной кислотой.

В день похорон Ратенау профессор Гейдельбергского университета, лауреат Нобелевской премии по физике Филипп Ленард запрещает студентам пропускать свою лекцию «из-за какого-то мертвого еврея». Ленарда, отказавшегося приспустить флаг в знак уважения, вытаскивает из лаборатории разъяренная толпа студентов, которые пытаются утопить его в реке Неккар. Университет выносит ему порицание, и он подает заявление об увольнении. Однако, узнав, что в списке кандидатов на его пост числятся двое ученых и оба не арийцы, он забирает свое заявление.

Альберту эти академико-политические маневры видятся бурей в стакане воды по сравнению с теми политическими слухами, которые сотрясают Германию.

После убийства Ратенау Альберт превратился в комок нервов. Он постоянно на взводе. Прервав свой курс лекций, он взял официальный отпуск. Антисемитизм заразен.

Вейцман рисует мрачную картину: «Против нас ополчились сомнительные личности всего мира. Богатые раболепные евреи, темные фанатики — еврейские мракобесы действуют заодно с Ватиканом, арабскими головорезами, реакционными английскими империалистами-антисемитами — короче говоря, завыли все псы. Никогда в жизни я не ощущал себя столь одиноким — и в то же время столь уверенным и твердым».

Альберт и Эльза с ним согласны. Им следует дистанцироваться от беспощадных приливных волн времени.

— Прочти, — говорит Эльзе Альберт. — В мюнхенской «Придворной пивоварне» звучат слова дьявола.

Евреи не стали беднее: со временем они только пухнут, и если вы мне не верите, советую вам посетить любой из наших курортов, где вы найдете два рода завсегдатаев: немцев, которые попали туда, скорее всего, впервые за долгие годы, чтобы немного подышать свежим воздухом и поправить здоровье, и евреев, которые приезжают туда, чтобы растрясти жиры. А если выберетесь в горы, кто там будет расхаживать в шикарных новехоньких желтых ботинках, с великолепными рюкзаками за спиной, в которых обычно нет ничего нужного? И почему они там находятся?

Они доезжают до гостиницы — обычно до ближайшей станции: где остановится поезд, там они и сойдут. А потом будут сидеть где-нибудь в миле от гостиницы, как мухи на трупе.

Будьте уверены, там вы не встретите наших трудящихся — тех, кто занимается умственным или физическим трудом. Чтобы попасть на горные склоны, они в своих поношенных костюмах выходят из гостиницы через боковую дверь: в своих костюмах образца 1913 или 1914 года им неловко вторгаться в эту благоухающую атмосферу. Определенно, евреи не знают никаких лишений! А правые силы в очередной раз напрочь забыли, что демократия — это в основе своей не немецкое, а еврейское изобретение. Они напрочь забыли, что еврейская демократия, при которой решения принимаются большинством, во всех без исключения случаях — это лишь средство уничтожения существующего арийского руководства.

Правые силы не понимают, что, как только каждый мелкий вопрос прибылей или убытков начинает регулярно становиться перед так называемым общественным мнением, хозяином в государстве становится тот, кто лучше всех умеет манипулировать этим общественным мнением в своих собственных интересах. А этого добивается лишь тот, кто наиболее искусно и наиболее бессовестно лжет, и в конечном итоге оказывается, что это не немец, а, говоря словами Шопенгауэра, «великий мастер искусства лжи» — еврей.

С чувством бесконечной любви я, христианин и мужчина, читаю, как Господь наконец собрался с силами, взял кнут из веревок и выгнал из храма все отродье гадюк и аспидов. Сколь же поразительна была его борьба за весь мир против иудейской отравы.

Сегодня, две тысячи лет спустя, с глубоким чувством я сознаю яснее, чем когда-либо, что именно за это Он пролил Свою кровь на Кресте. Как христианин, я не считаю своим долгом позволять, чтобы меня обманывали, но я считаю своим долгом бороться за истину и справедливость. А как мужчина, я считаю своим долгом позаботиться, чтобы человечество не пострадало от той же катастрофы, что и цивилизация Древнего мира примерно две тысячи лет назад — цивилизация, которая пришла в упадок по милости все того же еврейского народа.

— Это слова Сатаны, — говорит Эльза.

Альберт всегда оживлялся при упоминании имени Бертрана Рассела. Он прочел мне копию письма, отправленного Расселом леди Колетт Маллесон. «Какое же это необычное произведение — Библия… Некоторые тексты трудно истолковать. Второзаконие. XXIV, 5: „Если кто взял жену недавно, то пусть не идет на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть он остается свободен в доме своем в продолжение одного года и увеселяет жену свою, которую взял“. Никогда бы не подумал, что „увеселять“ — библейское выражение. Вот еще один поистине захватывающий текст: „Проклят, кто ляжет с тещею своею! И весь народ скажет: аминь“. Святой Павел о браке: „Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но, если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться“. Это остается доктриной церкви и по сей день. Очевидно, что Божественное предназначение текста „лучше вступить в брак, чем разжигаться“ состоит в том, чтобы заставить нас всех прочувствовать, насколько ужасны муки ада».

Мими Бофорт, Принстон, Нью-Джерси

Японский издатель и писатель Санэхико Ямамото просит Рассела предложить имена двух величайших мировых мыслителей для выступления с лекциями в Японии. Рассел предлагает Ленина и Эйнштейна.

Ленин слишком занят управлением Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, чтобы откликнуться на такое предложение. А вот Альберта привлекает возможность долгого морского путешествия, равно как и гонорар.

Ко всему прочему он может поехать вместе с Эльзой. Но вскоре ему поступает совершенно другое приглашение.

Или, точнее, намек на приглашение — от директора Нобелевского института физической химии в Стокгольме, лауреата Нобелевской премии по химии 1905 года Сванте Аррениуса, который проявляет большой интерес к физике. Узнав, что Альберт собирается в Японию, Аррениус пишет ему: «По-видимому, в декабре будет весьма желательно, чтобы вы приехали в Стокгольм. Но если в указанное время вы будете в Японии, это окажется невозможным».

Альберт разрывается между этими приглашениями.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как он впервые был выдвинут Оствальдом на премию за работу по теории относительности. Нобелевский комитет медлил с решением, считая, что премия должна присуждаться за «самое важное открытие или изобретение». Прежде чем присудить премию Альберту, комитету требовалось собрать немало свидетельств его научного достижения. С тех пор кандидатуру Альберта регулярно выдвигал Вильгельм Вин — лауреат премии по физике 1911 года, соредактор «Annalen der Physik» и преемник Рентгена — профессора физики в Мюнхенском университете. Кандидатуру Альберта поддерживал Нильс Бор, а также Лоренц. С другой стороны, Ленард возглавлял крестовый поход против Альберта, поборника «еврейской науки». В результате Нобелевскую премию 1920 года получил швейцарец Чарльз Эдуард Гийом, глава Международного бюро мер и весов в Севре.

В следующем году кандидатуру Альберта выдвинули четырнадцать ученых, в том числе Планк и Артур Эддингтон. Против него по-прежнему выступал профессор-офтальмолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии 1911 года Альвар Гульстранд из Упсальского университета.

Гульстранд не принял труды Альберта. Но он выступил с ошибочным заявлением о том, что последствия суммарной реакционной способности, «измеряемой физическими средствами, настолько, впрочем, малы, что в общем случае лежат ниже пределов экспериментальной ошибки». Он также предлагал неверные толкования экспериментов, проведенных другими исследователями.

Доклад Аррениуса о фотоэлектрическом эффекте также был пренебрежительным. В результате решение о присуждении Нобелевской премии по физике за 1921 год отложили до следующего года, когда кандидатура Альберта была предложена вновь. Гульстранду поручили обновить свой отчет. И снова он выступил против Альберта. Еще одному члену комитета, Карлу

Вильгельму Осеену, директору Нобелевского института теоретической физики в Стокгольме, было предложено заново оценить работу по фотоэлектрическому эффекту, и тот вынес решение в пользу Альберта. Впоследствии Альберт получит отложенную премию за 1921 год, но не за теорию относительности. Награда ждала его за предложенное им еще в 1905 году объяснение фотоэлектрического эффекта, при котором эмиссия электронов из металлического листа возможна только при определенном освещении.

Таким образом, Альберта наградили не за теорию, а за формулировку физического закона.

Нобелевский комитет намеревался вручить премию обоим, и Альберту, и Нильсу Бору. Альберта хотели наградить задним числом за 1921 год и одновременно с Бором в 1922-м.

Аррениус держал в секрете все эти сложные механизмы Нобелевского комитета.

По словам Альберта, в 1915 году он пообещал, что в случае получения Нобелевской премию всю денежную часть награды отдаст Милеве. А это сумма в 135 000 шведских крон. Милева вначале отклонила его предложение, но потом передумала.

Вопрос стоит так: на север, то есть в Скандинавию, или на восток?

И восток перевешивает.

— Это надолго? — спрашивает Эльза.

— На полгода, но, может быть, и дольше.

В октябре 1922 года Альберт и Эльза выезжают из Берлина ночным поездом и по прибытии в Марсель садятся на японский пакетбот «Китано-мару». Утомительная поездка в Кобэ займет больше месяца.

Альберт с Эльзой сидят на палубе и, как озорные дети, следят за своими попутчиками-японцами.

— Такие маленькие личики, — умиляется Альберт, — напоминают мне цветы. Сакура — японская вишня. Момо — персик. Сакурасо — примула. Прелесть. Просто прелесть.

Он читает Анри Бергсона «Длительность и одновременность: по поводу теории Эйнштейна». Альберта не убеждает мнение Бергсона о том, что для правильного восприятия реальной жизни значительно важнее опыт или интуиция, нежели абстрактный рационализм и наука. Альберт переключается на работу Эрнста Кретчмера «Строение тела и характер», в которой автор утверждает, что физические свойства лица, черепа и тела связаны с характером и психическими заболеваниями.

Альберт объясняет Эльзе, что Кретчмер тщательно измеряет

параметры пациентов, делает фотоснимки и что его исследование лежит в области не только психиатрии, но и антропологии.

Наедине, у себя в каюте между машинным отделением и корпусом судна, они полностью раздеваются, сравнивают параметры друг друга и выявляют различия.

Существует три типа телосложения:

> А) Астеник (стройный, невысокий, слабый): обычно люди такого типа интроверты, они нерешительны, их робость отдаленно напоминает негативные симптомы шизофрении.
>
> Б) Нормостеник (сильный, с широкой костью): эпилептик.
>
> В) Гиперстеник (коренастый, полный): дружелюбный, межличностно зависимый и коммуникабельный, предрасположен к маниакально-депрессивному психозу.

Альберт говорит:
— Мы относимся к типу «В».
— Я отношусь к типу «П», — говорит Эльза.
— Что значит «П»?
— «Приятность».
— Надо же.
— Иди в постель, — говорит Эльза, — я тебе докажу.

После недолгой стоянки в Порт-Саиде «Китано-мару» берет курс на юг, в сторону Красного моря, Аденского залива и Аравийского моря.

У берегов Суматры Альберт приходит в восторг, увидев мираж фата-моргана, но его восхищение вскоре сходит на нет из-за разыгравшегося геморроя и сильной диареи.

К счастью, их попутчик, профессор-хирург Хаяри Миякэ, — специалист по заболеваниям желудочно-кишечного тракта и центральной нервной системы. Он советует Альберту ежедневно выпивать восемь стаканов воды и не менее получаса гулять по палубе, чтобы наладился пищеварительный процесс.

К сожалению, другие пассажиры осаждают Альберта просьбами с ним сфотографироваться, и он вынужден перенести свои прогулки на предрассветный час.

По прибытии в Сингапур Альберт узнает, что Хаим Вейцман уже связался с еврейской общиной и договорился о передаче Альберту чека на 500 фунтов от сэра Манессе Мейера, магната и филантропа, для Еврейского университета.

Альберт написал пару строк о Мейере в своем дневнике: «В

свои 80 лет этот Крез все еще стройный, крепкий, волевой мужчина. У него клиновидная бородка, красноватое лицо, тонкий еврейский нос с горбинкой, умные глаза, красивой формы лоб, а на макушке черная кипа. Он похож на Лоренца, но если у того глаза лучатся добротой, то у Креза взгляд настороженный и хитрый, а на лице отражается скорее расчет и работа мысли, а не любовь и приверженность к человечеству, как у Лоренца».

После стоянки в Гонконге «Китано-мару» прибывает в Шанхай по реке Янцзы 13 ноября 1922 года. На причале хор приветствует пассажиров песней «Deutschland über alles»[7]. Затем на борт поднимаются официальные лица. Консул Германии, герр Пфистер с супругой. Физик Инагаки с супругой. И наконец, генеральный консул Швеции, Кристиан Бергстром, который, представившись, вручает Альберту два конверта.

На первом штемпель «Стокгольм, 10.11.1922».

Вскрыв этот конверт, Альберт читает телеграмму: «Вам присуждена Нобелевская премия по физике. Ожидайте подробностей. К. Ауривиллиус».

На втором конверте похожий штемпель: «Стокгольм, 10 ноября 1922». Альберт читает:

> Как я уже телеграфировал, Шведская академия наук на вчерашнем собрании приняла решение присудить Вам Нобелевскую премию по физике за работу по теоретической физике, и в первую очередь за открытие закона фотоэффекта, но без учета Вашей теории относительности и теории гравитации.
>
> При условии Вашего согласия на Ежегодном общем собрании состоится вручение Вам диплома лауреата и золотой медали.
>
> На основании вышеизложенного от имени Академии наук приглашаю Вас принять личное участие в церемонии награждения.
>
> В случае Вашего приезда в Стокгольм просим Вас прочесть Вашу лекцию на следующий день после вручения премии.
>
> С надеждой на встречу с Вами в Стокгольме, по поручению Академии наук,
>
> с уважением,
>
> *К. Ауривиллиус,*
>
> *секретарь*

— Ну что там? — спрашивает Эльза.

— Отличные новости, просто замечательные!

— Какие же?

— Шведский консул передает поздравления.

— Поздравления с чем? Ты просто сияешь от счастья — почему?

— Стол, стул, ваза с фруктами и скрипка — что ещё нужно для счастья?

Прочитав телеграмму и письмо, Эльза расплакалась.

В тот вечер Альберт с Эльзой ужинают в китайском ресторанчике «Инь-Пинь-Сян» в компании высокопоставленных деятелей образования и целого отряда журналистов из Японии.

Альберта посадили рядом с Лю-Ван Лимин. Германский консул рассказывает, что Лю-Ван — издательница выходящего раз в две недели новаторского журнала «Женский голос», который публикует материалы авторов-женщин по вопросам политики.

Она угадывает настроение Альберта.

— У вас такой вид, — говорит она, — будто награждение вам безразлично.

— Вам знакома трагедия «Макбет»?

— Конечно.

— «Конец, конец, огарок догорел! Жизнь — только тень, она — актер на сцене. Сыграл свой час, побегал, пошумел — и был таков. Жизнь — сказка в пересказе глупца. Она полна трескучих слов и ничего не значит».

— Идея о том, что весь мир — театр, угнетает, правда?

— Так и есть. Кто бы ни предпринял попытку сделаться судьей Истины и Знания, он обречен услышать смех богов. Я сохраню доброе расположение духа и не стану воспринимать всерьез ни себя, ни своего ближнего. Вспомним Марка Твена: «Боги не дают вознаграждения за интеллект. Никогда никто еще не проявлял к нему интереса».

— О чем вы собираетесь говорить на церемонии?

— Я бы сказал примерно так: «Чтобы сопротивляться той силе, которая грозится искоренить интеллектуальную свободу и свободу личности, мы должны ясно сознавать, что стоит на кону и чем мы обязаны за ту свободу, которую предки завоевали для нас в тяжелой борьбе».

— Какую силу вы имеете в виду?

— Нацистскую рабочую партию Германии. Нацистов.

Краткая стоянка в Шанхае. Альберт и Эльза очень рады возвращению на борт «Китано-мару», который рассекает воды Желтого моря и через неделю окажется в доке порта Кобэ.

Откуда они направятся в Киото, остановятся на одну ночь в отеле «Мияко», а затем проследуют в Токио — это десятичасовая поездка по железной дороге.

Посол Германии в Японии, Вильгельм Генрих Зольф, докладывает в Берлин:

> Поездка профессора Эйнштейна по Японии напоминает триумфальное шествие. Она спонтанно, без какой-либо подготовки и суеты притягивает к себе все слои населения, от высокопоставленных господ до простых работников и эмигрантов. Когда Эйнштейн прибыл в Токио, на вокзале его ожидала толпа, и полиция оказалась бессильна в попытках ее оттеснить. Сотни тысяч японцев посетили его лекции, заплатив по 3 иены за вход, и научные речи Эйнштейна переплавились в иены, которые потекли в карманы господина Ямамото.

В самый большой лекторий в Университете Кэйо втиснулось две тысячи человек ради того, чтобы вживую послушать Альберта. Профессор Дзюн Исивара, не пропуская ни слова, переводил с немецкого его первую лекцию. На это ушло четыре часа.

Многочисленные чайные церемонии, обеды, ужины, фестиваль хризантем, приемы, посещения буддийских храмов, концерты. «Все внимание было приковано к Эйнштейну», — рассказывает посол Германии. Альберт читает лекции в Сендае, на острове Хонсю к северо-востоку от Токио; в Никко, в горной местности к северу от Токио; в Нагои, в регионе Тюбу; в Киото и в Фукуоке на северном берегу японского острова Кюсю. А в порту Модзи он играет на скрипке для детей во время рождественской вечеринки ИМКА.

На следующий день Альберт и Эльза отплывают из Японии на борту судна «Харуна-мару», которое идет на запад, пересекая Индийский океан.

Путешествие в Лод, к юго-востоку от Тель-Авива, сначала на пароходе, а потом на пароме, занимает почти два месяца. Альберт ощущает покой и умиротворение. Любуется звездами в ясном ночном небе. Днем он дорабатывает свою статью, идея которой возникла благодаря вычислениям Эддингтона, чтобы по прибытии в Порт-Саид отправить ее Планку.

Последний вечер на борту по приказу капитана завершается прощальным банкетом, во время которого одна британская вдовица жертвует Альберту фунт стерлингов для Иерусалимского университета.

Сэр Герберт Сэмюэл, первый Британский верховный комиссар Палестины, принимает Альберта и Эльзу в своем доме.

Альберт очарован долиной реки Иордан, бедуинами, древними руинами Иерихона и суровостью ландшафта, который он называет бесподобным.

Усилиями генерального прокурора Нормана Бентвича и его жены, Хелен, в честь Альберта организован музыкальный вечер. Альберт исполняет Моцарта на одолженной скрипке.

Власти Тель-Авива избирают его почетным гражданином. Он обращается к публике:

— В Нью-Йорке меня уже удостоили чести называться почетным гражданином, но я в десять раз счастливее быть гражданином этого прекрасного еврейского города.

Он читает первую лекцию в еще не построенном Еврейском университете и посещает Хайфу, где во дворе инженерно-архитектурного института «Технион» сажает две пальмы.

Где бы он ни появлялся, все хотели пожать ему руку и поздравить с Нобелевской премией.

Альберт тронут до глубины души.

На борту парохода «Оранье» Эйнштейны направляются в Тулон — заключительный этап путешествия. Там они садятся на поезд до Марселя, а оттуда прямиком в Барселону.

ПАЛЕСТИНА, 1922 г.

Альберт читает три лекции в Институте каталанских исследований. Эйнштейнов всюду сопровождают немецкий консул Кристиан Август Ульрих фон Хассель и его жена Ильзе фон Тирпиц, дочь гроссадмирала Альфреда фон Тирпица.

В Мадриде Альберт выступает на заседании в Академии наук под председательством короля Альфонсо XIII. В компании философа Ортеги-и-Гассета Альберт и Эльза отправляются в Толедо. Посетив церковь Сан-Томе, Альберт остался под большим впечатлением от картины Эль Греко «Погребение графа Оргаса». В музее Прадо он успел полюбоваться картинами Фра Анджелико, Рафаэля, Гойи, Эль Греко и Веласкеса.

В середине марта Эйнштейны возвращаются в Берлин.

К их удивлению, буханка хлеба теперь стоит 10 миллионов марок, а килограмм говядины — все 76 миллионов.

Юбилейный зал в парке развлечений Лисеберг в Гётеборге — не лучшее место для нобелевской лекции Альберта в жаркий июльский день. Задуманный как жемчужина новой архитектуры, возведенный в честь трехсотлетия Гётеборга, зал со всех сторон был обнесен стеклянной стеной. На встречу тем временем пришли более 900 человек. Собравшиеся уже жалуются, что прилипают к лакированным стульям. А впереди часовая лекция.

В центральном проходе на большом кресле восседает король Густав, взмокший от жары.

Наступает тишина.

— Я расскажу о теории относительности, — начинает Альберт. — Тема моего доклада: «Основные идеи и проблемы теории относительности».

НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ, ГЁТЕБОРГ, 11 ИЮЛЯ 1923 г.

Какой нежный у него голос. Будто только со мной разговаривает. И ничего, что все это я уже слушала, да ни словечка не понимала.

Как же здесь жарко. Я вся мокрая. И подмышки взопрели.

Хорошо, что мужчины по соседству завороженно слушают Альберта, не обращая внимания на то, как она копошится в своей сумочке в поисках пузырьков с духами: «Авантюр» с нотками кедрового дерева, янтаря и розового перца, «Линде Берлин», напоминающий аромат цветущих лип в Берлине, и «Фиолет», похожий на те, что создавались для Марлен Дитрих.

Альберт окрылен.

— Специальная теория относительности представляет собой результат приспособления основ физики к электродинамике Максвелла — Лоренца. Из прежней физики она заимствует предположение о справедливости евклидовой геометрии для законов пространственного расположения абсолютно твердых тел, инерциальную систему и закон инерции.

Щедро смочив духами свой шелковый платок, Эльза прикладывает его к лицу.

Хоть бы кто-нибудь догадался открыть окно.

Мужчина позади нее начинает кашлять. Сплевывает мокроту: судя по всему, заядлый курильщик. Эльза слышит его сиплое дыхание.

Альберт не замечает кашля.

— Специальная теория относительности привела к значительным успехам. Она примирила механику с электродинамикой. Она сократила число логически независимых друг от друга гипотез в электродинамике.

Эльза кладет под язык леденец от кашля.

Хотела бы она знать, понимает ли хоть одна душа в этом зале, о чем толкует ее Альбертль. Чем сложнее улавливать ход его мысли, тем сосредоточеннее становится ее лицо. Альбертль, конечно, раскусит ее в два счета. Но зато остальных можно обвести вокруг пальца.

Бесподобная, подумают они… бесподобная фрау Эйнштейн разбирается в этом. Гениальная женщина.

— Она сделала неизбежным методологический анализ основных понятий. Она объединила законы сохранения импульса и энергии, выявила единство массы и энергии.

Примерно через полчаса от жары и духоты на Эльзу наползла сонливость.

Ее веки тяжелеют. А когда голова ударяет о грудь, она резко выпрямляет спину.

— Но если когда-нибудь в результате решения квантовой проблемы форма общих уравнений и претерпит дальнейшие глубокие изменения, — пусть даже совершенно изменятся самые величины, с помощью которых мы описываем элементарные процессы…

Еще чуть-чуть. Эльза сидит не шелохнувшись.

— …от принципа относительности отказываться никогда не придется; законы, выведенные с его помощью до сих пор, сохранят свое значение по меньшей мере в качестве предельных законов.

Всё.

Он закончил под бурные овации. Громче всех рукоплещет Эльза.

Аплодисменты долго не смолкают.

Альберт, улыбаясь, раскланивается.

По глазам Эльзы видно, как она его обожает. Ее Альберт, между прочим, выглядит намного моложе своих сорока четырех лет.

Вернувшись в Берлин, он все чаще задумывается о будущем Германии, но проблесков света в конце тоннеля как не было, так и нет.

Своими опасениями Альберт откровенно делится со старым, еще времен войны, другом Морицем Катценштейном, директором хирургического отделения берлинской городской больницы в районе Фридрихсхайн. В 1900 году Катценштейн провел успешную операцию по сшиванию мениска коленного сустава шестилетней девочке. Нигде раньше такая операция не проводилась.

Поскольку Альберта уже беспокоят сердечные боли, а советы врача ему сейчас как нельзя кстати, они нередко совершают совместные речные прогулки.

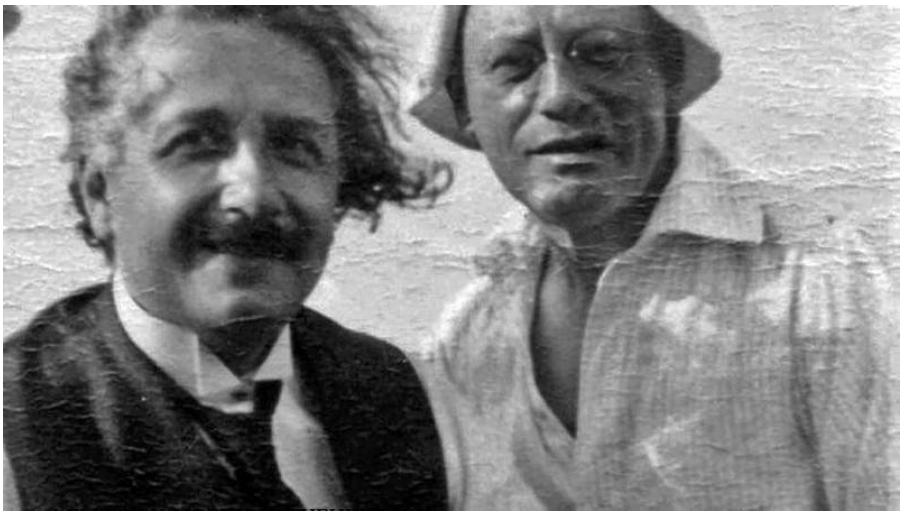
Альберт и Эльза с радостью принимают Катценштейна у себя, но для Альберта лучшие часы наступали во время прогулок на яхте Катценштейна по озеру Ванзее.

— Поговаривают, — рассказывает Альберт Катценштейну, — что комиссар рейха по надзору за общественным порядком приказал вести за мной наблюдение в связи с моим членством в «Германском союзе по правам человека». Я политически чуждый элемент, а может, и враг государства.

— Вы собираетесь уехать, Альберт?

— Подумываю, но пусть это останется между нами. Взгляните на факты. Нацисты сообщают, что в столкновениях с врагами было ранено около десяти тысяч их головорезов. Коммунисты

говорят о семидесяти пяти раненых только за первые шесть месяцев этого года. Представьте Бременский митинг Германа Геринга. В ход пошли дубинки, кастеты, палки, тяжелые ремни, бутылки и «розочки». Ножки стульев использовались как дубинки. Повсюду кровь. Герман Геринг спокойно стоял на сцене с кулаками, упертыми в бедра. Скалил зубы.



АЛЬБЕРТ И МОРИЦ КАТЦЕНШТЕЙН

Он замолкает, любуясь проплывающей мимо роскошной яхтой класса «Виндфол», сошедшей со стапеля верфи «Абекинг и Расмуссен». Кто-то из экипажа в бинокль разглядел Альберта и подзывает двух девушек, которые, размахивая руками, кричат: «Да здравствует профессор Эйнштейн!»

Альберт машет им в ответ.

Девушки шлют ему воздушные поцелуи.

По щекам Альберта потекли слезы.

— Иногда мы платим самую дорогую цену за то, что дается нам бесплатно, — вздыхает он.

— Вы принесли Германии немало пользы, — возражает Катценштейн.

— Мои достижения заметно повысили престиж страны, но в последние годы, когда правые газеты устроили мне настоящую травлю, никто и пальцем не пошевельнул, чтобы за меня заступиться. Объявленная война на уничтожение против моих беззащитных еврейских братьев вынуждает меня бросить на чашу весов все мое влияние, которое есть у меня в мире.

— Не торопите события, Альберт.

— К этому все и идет, Мориц, попомните мое слово. — Голос его дрожит. — К этому все идет.

Альберт откликается на просьбу лондонской «Таймс» написать статью о своих открытиях.

Однако по тону письма нельзя уловить всю гамму чувств, обуревающих его в тот период.

> Сэр,
>
> я с радостью согласился с предложением написать для «Таймс» что-нибудь о теории относительности. После печального периода, когда разорвалось активное общение между учеными, я охотно воспользовался возможностью выразить мое чувство радости и благодарности английским астрономам и физикам. С великими и благородными традициями в Вашей стране полностью согласуется то, что выдающиеся ученые должны были отдать много времени и сил, чтобы проверить смысл теории, которая была закончена и опубликована во время войны в стране Ваших врагов.
>
> Некоторые утверждения в Вашей газете, касающиеся моей жизни и моей личности, обязаны своим происхождением живому воображению журналистов. Вот еще один пример относительности для развлечения читателей. Сейчас меня в Германии называют «немецким ученым», а в Англии я представлен как «швейцарский еврей». Но если бы мне было уготовано судьбой стать «bête noire» (неугодным), то произошло бы обратное: я оказался бы «швейцарским евреем» для немцев и «немецким ученым» для англичан.
>
> Искренне ваш,
>
> *Альберт Эйнштейн*

Пропорционально росту его популярности сгущается атмосфера враждебности со стороны его берлинских противников.

Агрессивные настроения в одних кругах вспыхивают на фоне прославления заслуг Альберта в других. В 1919 году британская экспедиция по наблюдению солнечного затмения под руководством Артура Эддингтона высадилась на остров Принсипи у западного побережья Африки, где удалось подтвердить отклонение света гравитационным полем Солнца, как прогнозировал Альберт на основании общей теории относительности. Эддингтон называет Альберта Ньютоном своего времени.

Общественное признание граничит с обожанием. Альберт и

Эльза греются в лучах славы. Вот он — еврей, демократ, пацифист — нежелательный элемент для реакционных сил Веймарской республики, которые уже развязали против него кампанию травли. Зачинщиком нападок, призванных дискредитировать теорию относительности и самого Альберта, становится ярый антисемит Пауль Вейланд.

Первая провокационная статья Вейланда выходит в берлинской газете «Теглихе рундшау». «Герр Альберт Великий восстал из мертвых. Он не только украл чужие работы, но и математизировал физику до такой степени, что другие физики вынуждены чувствовать себя дураками. Теория относительности — не что иное, как лживая пропагандистская, выдуманная от начала до конца история». Другая статья Вейланда публикуется на страницах правой газеты «Дойче цайтунг», где он критикует позицию Немецкой национальной народной партии по «еврейскому вопросу», которая кажется ему слишком мягкой. Он не признает отчет британской экспедиции по наблюдению затмения, напечатанный в журнале «Ди натурвиссеншафтен». В газетах «Берлинер тагеблатт» и «Берлинер иллюстрирте» высмеивают сравнение Эйнштейна с Коперником, Кеплером и Ньютоном. Впрочем, все это происходит по вине самого Альберта.

Вейланд не отступает: в большом зале Берлинской филармонии, где собралось 1600 человек, он разносит теорию Эйнштейна в пух и прах.

«Вряд ли когда-либо в науке была создана научная система с такой неприкрытой пропагандой, как общий принцип относительности, которая при ближайшем рассмотрении, как никакая другая, нуждается в проверке».

В зале раздают антисемитские брошюры, продают значки со свастикой.

Альберт сидит и слушает. Рядом Эльза, она держит его за руку.

Эльза, потрясенная всем происходящим, не может сдержать слез.

Свободной рукой Альберт отстукивает на коленке колыбельную «Сияй, сияй, маленькая звездочка», положенную на мелодию Моцарта из «Двенадцати вариаций на „Ah, vous dirai-je, Maman“», К. 265.

ЗАЛ БЕРЛИНСКОЙ ФИЛАРМОНИИ

Они остаются послушать, что скажет Эрнст Герке.

По словам Герке, «теория относительности — это массовый научный гипноз; непоследовательный, солипсический и экспериментально не подтвержденный».

Сияй, сияй, маленькая звездочка.

Нет никакого сомнения, что эти нападки разгорелись на почве антисемитизма. Новая Веймарская республика так и бурлит от подавленного гнева и насилия.

Альберта оскорбляют слухи об отъезде из Германии.

Его квартиру наводняют письма с выражением поддержки от простых евреев, пасторов, профессоров и студентов.

Из Лейдена пишет Пауль Эренфест, обещая Альберту поспособствовать его назначению профессором в Нидерландах, если он решит покинуть Германию.

Берлинские газеты печатают письма в его поддержку от фон Лауэ, Генриха Рубенса и Вальтера Нернста. Макс Планк и Фриц Габер упрашивают его не уезжать из Берлина. Альберт делает решительное заявление крупнотиражной газете «Берлинер тагеблатт».

Альберт считает, что антирелятивистская кампания, можно сказать, схлопнулась, в шутку добавляя, что он не собирается «бежать от флага», по замечанию Зоммерфельда. «У моих оппонентов была неплохая идея привлечь в свои ряды дорогих мне людей. Представляете, как я смеялся, читая это!.. Забавы ради когда-то давно я посетил одно собрание и больше не воспринимаю всю эту суету всерьез».

Но Эльзе он признается, как сильно его ранила эта история.

СОБРАНИЕ НЕМЕЦКИХ ФИЗИКОВ И ДРУГИХ УЧЕНЫХ В БАД-НАУХАЙМЕ, 1920 г.

— За что Ленард так на нас ополчился? — спрашивает Эльза.

— Просто он антисемит. Скрытный. Чахлый. Самовлюбленный. И вообще заурядный школяр.

— Но с Нобелевской премией.

— Это еще ни о чем не говорит. Собой я воплощаю все, что он ненавидит. А вот англичане меня поддерживают. Для Ленарда я еврейский шарлатан. То есть еврей равно шарлатан. Такая у него математика. И таких, как он, — целая ватага. К примеру, он утверждает, что любая полемика в физике — с подачи евреев. Верит в духовное содержание всего сущего. В духе натурфилософии Гёте и Шеллинга. Только арийцы, видишь ли, понимают, что исследовать гипотетическую взаимосвязь в природе, на которой базируется естествознание, есть прерогатива нордического типа.

Эльза глубокомысленно кивает.

— Материализм пагубно влияет и на коммунизм в целом, и на еврейский народ — врагов германского величия — в частности. Вся эта псевдонаука сродни мистицизму.

— Ты прав, Альберт.

— Бездарщина он.

— Он ненавидит тебя за то, что ты велик духом.

— Великие духом всегда сталкивались с жестоким противостоянием посредственностей.

* * *

К восьми часам вечера (в 20:15, если быть точным) перед входом в купальню № 8 на территории курортного городка Бад-Наухайм собирается 600 человек. Попасть внутрь не так-то просто. Узкая одностворчатая дверь зафиксирована в открытом положении. На входе дежурят представители «Союза немецких математиков» и «Немецкого физического общества», пропуская в зал по одному. К девяти часам сумели войти все собравшиеся. Кому-то достались сидячие места, другие располагаются вдоль стен или толпятся в проходе.

Первыми выступают Герман Вейль, Густав Ми, Макс фон Лауэ и Леонард Гребе, подогревая интерес публики перед началом основной дискуссии, которая продолжалась пятнадцать минут.

Альберта прерывают выкрики из зала. Председательствующий на слушаниях Планк явно не справляется с поддержанием порядка. Речи дискутантов скомканы и невнятны.

Эльза сидит словно в воду опущенная.

После затянувшихся пререканий австрийский физик Феликс Эренхафт и его жена предлагают Эйнштейнам прогуляться в парке и поужинать где-нибудь подальше от коллег-физиков, чтобы Альберт мог прийти в себя.

За столом Альберт произносит:

— «И кровь и гибель будут так привычны, / Ужасное таким обычным станет, / Что матери смотреть с улыбкой будут, / Как четвертует их детей война». Градус насилия возрастает. Антисемиты крикнут: «„Пощады нет!“ — и спустят псов войны».

* * *

И снова они с Эльзой едут за границу. На этот раз в Аргентину, Бразилию и Уругвай.

Из Гамбурга они выходят на борту лайнера «Кап Полонио». В дороге Альберт коротает время в обществе философа Карла Йезингхауса и очаровательной феминистки Эльзы Иерузалем, автора бестселлера «Красный дом» о жизни венских проституток. Он дарит ей свою фотографию с автографом:

Отбросим полумеры,
Прекрасная владыка
Лесов густых и диких.
Сей снимок для Пантеры
Новой веры.

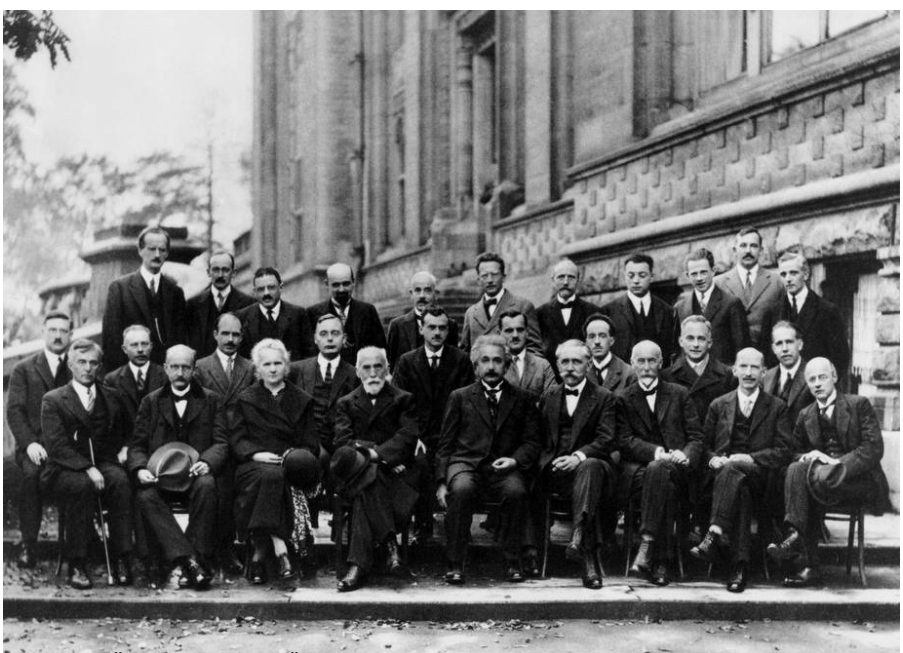
В Буэнос-Айресе, Монтевидео и Рио-де-Жанейро у Эйнштейнов бесконечной чередой проходят встречи то с чиновниками, то с учеными, то с какими-то шишками из еврейской и немецкой среды.

В октябре 1927 года Альберт заселяется в номер отеля «Британник» в Брюсселе, чтобы в числе самых выдающихся физиков мира принять участие в пятом Сольвеевском конгрессе. Семнадцать из двадцати девяти присутствующих либо уже лауреаты Нобелевской премии, либо скоро станут таковыми.

Альберт, Лоренц и Макс Планк скептически настроены по отношению к новомодной квантовой механике. Альберт, которому сейчас сорок восемь лет, вынужден оппонировать более молодым участникам конгресса, среди которых Луи де Бройль, Поль Дирак, Вернер Гейзенберг и Вольфганг Паули и его старый друг и соперник Нильс Бор.

Бор считает, что нет смысла говорить о реальности.

Во время прений Альберт немногословен. Оживляется он только во время неофициальных бесед, заявляя, что «нельзя строить теории на основании большого числа всяческих „если“. Это глубоко неправильно, даже если основывается на опыте и логически непротиворечиво».



ПЯТЫЙ СОЛЬВЕЕВСКИЙ КОНГРЕСС, 1927 г.

Ему кажется несостоятельным принцип неопределенности

Гейзенберга. По его словам, «Бог не играет в кости со Вселенной».

Бор парирует: «Эйнштейн, перестаньте указывать Богу, что Ему делать!»

Альберт отстаивает реалистический подход, вырабатывающий строгие правила для научных методов, в отличие от Бора и других инструменталистов, которым нужны гибкие правила, подходящие для результатов их наблюдений. Они утверждают, что истинность идеи определяется ее полезностью в активном решении той или иной проблемы, а ценность идеи — ее местом в человеческом опыте.

— Я верю, — говорит Бор Планку, — что ограничения, накладываемые статистическими законами, будут сняты.

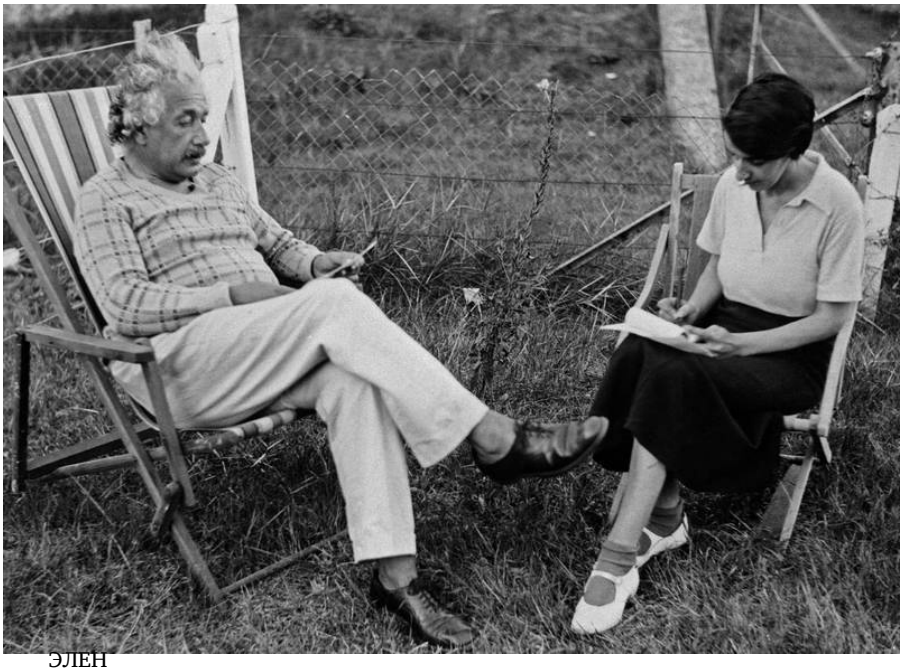
Но пока что ситуация тупиковая.

Окончательно выбили Альберта из колеи печальные известия из Нидерландов — умер Лоренц.

Он приезжает на похороны в Харлем и посещает поминальную службу в Лейденском университете:

> Как представитель научной общественности стран, говорящих на немецком языке, как представитель Прусской академии наук и, прежде всего, как ученик и преданный почитатель, стою я у могилы величайшего и благороднейшего из наших современников. Его блестящий ум указал нам путь от теории Максвелла к достижениям физики наших дней. Именно он заложил краеугольные камни этой физики и создал ее методы.
>
> Свою жизнь он до мельчайших подробностей создавал так, как создают драгоценное произведение искусства. Никогда не оставлявшие его доброта, великодушие и чувство справедливости вместе с глубоким интуитивным пониманием людей и обстановки делали его руководителем всюду, где бы он ни работал. Все с радостью следовали за ним, чувствуя, что он стремится не властвовать над людьми, а служить им. Образ и труды его будут служить на благо и просвещение еще многих поколений.

С легкой руки Эльзы секретарем Альберта становится Элен Дюкас.



ЭЛЕН

Ей тридцать два, Альберту сорок девять. Эльза приятельствует с сестрой Элен, Розой Дюкас, которая руководит Еврейской организацией помощи сиротам. Эльза в ней — почетный президент.

Альберт знакомится с Элен на Габерландштрассе, 5. Они сразу находят общий язык.

В августе 1930 года Альберт выступает с речью на открытии Седьмой немецкой радиовыставки в Берлине:

— С благодарностью вспомним армию безвестных техников, упростивших радиоприборы и настолько приспособивших их к массовому производству, что радио стало общедоступным. Стыдно должно быть тому, кто пользуется чудесами науки, воплощенными в обыкновенном радиоприемнике, и при этом ценит их так же мало, как корова те чудеса ботаники, которые она жует.

И снова круговорот разъездов.

На этот раз, отправляясь на борту парохода «Бельгенланд» из Антверпена в Штаты, Альберт берет с собой не только Эльзу и фрау Дюкас, но и математика Вальтера Майера.

Не успели они начать неспокойный переход через Атлантику, как из Америки посыпались телеграммы с просьбами о лекциях и интервью.

ГРАНД-КАНЬОН

ИНДЕЙЦЫ-ХОПИ

В Нью-Йорке им подворачивается случай лично познакомиться с Тосканини и присутствовать на его исполнении Пасторальной симфонии Бетховена.

«Правящий монарх разума» — так называет Альберта президент Колумбийского университета Николас Батлер.

В Лос-Анджелесе Чарли Чаплин приглашает их присоединиться к ужину, на котором будут Полетт Годдар, Уильям Рэндольф Херст и Мэрион Дэвис, а после в качестве специальных гостей побывать на премьере его фильма «Огни большого города».

— Больше всего в вашем искусстве меня восхищает его универсальность, — признается Чаплину Альберт. — Вы не говорите ни слова, и все же мир вас понимает.

— Это правда, — отвечает Чаплин. — Но вы достигли еще больших высот. Мир восхищается вами, хотя ни слова не понимает в вашей теории.

На выходе из кинотеатра «Лос-Анджелес тиэтр» их оглушают крики и вопли многотысячной толпы, что скопилась под прожекторами, направляющими свои лучи в небо.

— Как это понимать? — спрашивает Чаплина Альберт.

— Все в порядке, — успокаивает Чаплин. — Ничего не случилось.

Уилл Роджерс, актер, комик и видный журналист, замечает: «Радиопередачи, банкетные залы и еженедельные газеты уже никогда не будут прежними. Он приехал сюда отдохнуть, побыть одному. Но он ел с каждым, разговаривал с каждым, позировал каждому, у кого еще оставалась пленка, посещал каждый завтрак, каждый обед, каждую кинопремьеру, каждую свадьбу и две трети разводов. В общем, он показал себя таким хорошим парнем, что ни у кого не хватало духу спросить, в чем же состоит его теория».

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

В своем дневнике Альберт запишет: «Сегодня я принял решение отказаться от места в Берлине, и теперь мне предстоит быть пташкой перелетной всю оставшуюся жизнь!»

Вернувшись в Берлин, Альберт вступает в переписку с Фрейдом. «Существует ли для человечества путь, позволяющий избежать опасности войны?» — спрашивает Альберт.

У Фрейда есть ответ:

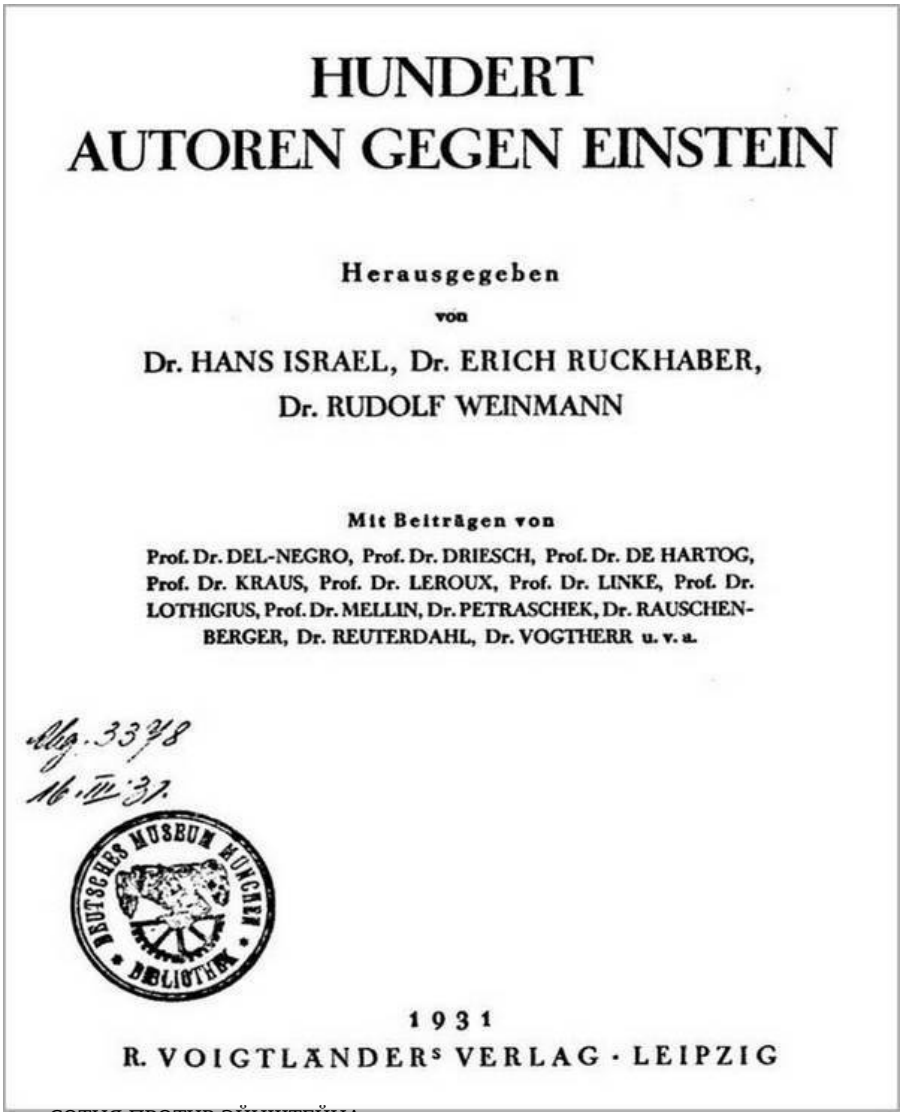
> Как долго еще придется нам ждать, пока и другие также станут пацифистами? Этого нельзя предсказать, но, возможно, это не такая уж утопическая надежда, и под воздействием обоих факторов, влияния культуры и оправданного страха перед последствиями будущей войны, еще в обозримое время будет положен конец войнам. На каких путях или окольных дорогах это произойдет, мы не можем пока предвидеть. И все же мы осмеливаемся утверждать: все, что способствует культурному развитию, работает также и против войны.
>
> Я сердечно приветствую Вас и прошу прощения, если мои соображения разочаровали Вас.

Ваш

Зигмунд Фрейд

С каждым днем политическая обстановка беспокоит Альберта все больше. Глотком свежего воздуха, казалось, станет для него поездка с лекцией в Оксфордский университет, но и здесь на горло ему наступил строгий церемониал, принятый в профессорской среде Крайстчерч-колледжа.

В Оксфорде Альберта разыскал Абрахам Флекснер, основатель Института перспективных исследований в Принстоне. Они наворачивают круги по аккуратному газону Главного квадранта. Флекснер согласен на любые условия, лишь бы Альберт переехал в Принстон. Альберт обещает подумать над столь щедрым предложением.



HUNDERT AUTOREN GEGEN EINSTEIN

Herausgegeben

von

Dr. HANS ISRAEL, Dr. ERICH RUCKHABER,
Dr. RUDOLF WEINMANN

Mit Beiträgen von

Prof. Dr. DEL-NEGRO, Prof. Dr. DRIESCH, Prof. Dr. DE HARTOG, Prof. Dr. KRAUS, Prof. Dr. LEROUX, Prof. Dr. LINKE, Prof. Dr. LOTHIGIUS, Prof. Dr. MELLIN, Dr. PETRASCHEK, Dr. RAUSCHENBERGER, Dr. REUTERDAHL, Dr. VOGTHERR u. v. a.

Allg. 3378
16. III. 31.

DEUTSCHES MUSEUM MÜNCHEN BIBLIOTHEK

1931

R. VOIGTLÄNDERS VERLAG · LEIPZIG

СОТНЯ ПРОТИВ ЭЙНШТЕЙНА

Возможно, чтобы принять решение, он должен ответить себе на один вопрос: изменится ли курс наступательного движения Гитлера и его нацистов. В этом году. Или в следующем. Когда-нибудь.

Он прилагает немало усилий, чтобы оградить свой образ жизни от лишних потрясений.

И тогда дело доходит до постройки собственного дома из орегонской сосны и галисийской пихты в тихой идиллической деревушке Капут на озере Швиловзее в земле Бранденбург.

Поначалу Альберт с Эльзой живут на два дома: то на

Габерландштрассе, 5, то в деревне, где за домом присматривает их горничная Герта Шифельбейн. Туда же подселяются Элен Дюкас и Вальтер Майер. Да и Альберт подумывает перебраться в Капут насовсем. Он легко променяет бесконечные заседания в академии на здешнюю тишину, которую не прервет очередной телефонный звонок. В деревне у него появляется собака, Пурцель[8]. Кто только не гостит у него в доме: Макс Борн, Эренфест, художница Кете Кольвиц, писатель Арнольд Цвейг, Зоммерфельд, Вейцман и даже Рабиндранат Тагор.

Альберт наращивает темп и мощь своих публичных выступлений.

Вот он читает лекцию «Что нужно знать рабочим о теории относительности» в Марксистской школе для рабочих. Эйнштейн: «Я уважаю в Ленине человека, который с полным самопожертвованием отдал все силы осуществлению социальной справедливости. Я не считаю его метод целесообразным. Но одно бесспорно: подобные ему люди являются хранителями и обновителями совести человечества».

КАПУТ

Наконец до его убежища в Капуте добирается Флекснер. Их переговоры будут продолжаться весь день, за ужином и после, пока Альберт не посадит Флекснера на автобус до Берлина. У Альберта есть одно условие — вместе с ним в Америку должен поехать Майер. Теперь дело за малым. Перед отъездом в

Пасадену в декабре 1932 года он пишет своему старому другу Морису Соловину и просит переслать из Парижа в Капут оттиски его работ.

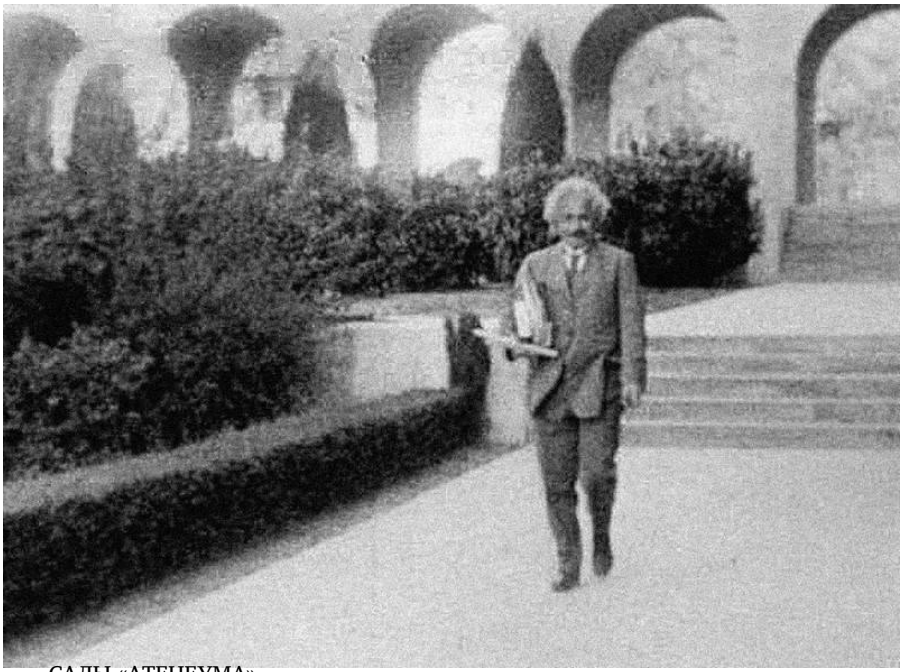
Решающим для Альберта стало письмо от члена парламента, генерала Ханса фон Зекта по прозвищу Сфинкс. Кто попросил генерала предостеречь Альберта — непонятно. Но фон Зект сообщает: «Находясь здесь, Вы подвергаете свою жизнь опасности».

Альберт обращается к Эльзе: «Посмотри вокруг. Больше ты этих мест не увидишь».

Собрав тридцать чемоданов багажа, они отбывают в Калифорнию из порта Бремерхафена на борту небольшого судна «Окленд». Прямо по курсу — неопределенность.

В Пасадене совсем другой климат, в прямом и переносном смысле. Альберт прогуливается в садах «Атенеума», закрытого студенческого клуба при Калифорнийском технологическом институте. Он дает интервью Эвелин Сили для газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм»: «До тех пор пока у меня есть возможность выбора, я буду жить только в той стране, где превалируют гражданские свободы, толерантность и равенство всех граждан перед законом».

ПАСАДЕНА



САДЫ «АТЕНЕУМА»

Стоило Сили его оставить, как в Лос-Анджелесе случилось землетрясение, в результате которого погибли 116 человек. Скорее всего, Альберт даже не понял, что произошло. Прогуливаясь по кампусу, Альберт, может, и почувствовал, как задрожала земля, но, судя по всему, решил, что это хороший повод немного потанцевать.

30 января 1933 года Гитлер назначен новым канцлером. Толпа нацистов собирается под окнами квартиры Альберта на Габерландштрассе и его кабинета в Академии наук, проклиная на чем свет стоит всю «еврейскую науку». Но главным образом — самого Эйнштейна.

В Капуте даже пекарь настраивает покупателей против «еврейского притона».

По приказу Третьего рейха из университетов отчислены все евреи и коммунисты. И тем и другим запрещено заниматься юридической практикой или состоять на государственной службе.

Одни нацисты вламываются в его деревенский дом, сметают подчистую запасы вина, измазывают стены экскрементами, разбрасывают по саду мебель и постельное белье.

Другие устраивают погром в его берлинской квартире на Габерландштрассе.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ, ЛОС-АНДЖЕЛЕС, 10 МАРТА 1933 г.

Бедняжка Марго в ужасе. Чудом ей удается оповестить о случившемся своего мужа, Дмитрия Марьянова, который просит ее передать архив Альберта французскому послу Франсуа-Понсе — а он не раз предупреждал о намерениях Гитлера — и без промедления уехать в Париж. Марго делает все, как он велит. По счастью, Ильзе и ее муж, Рудольф Кайзер, тоже без происшествий добрались до Амстердама.

И вот именно сейчас Альберту нужно вернуться в Европу, но не в Берлин.

Покинув Калифорнию, он направляется в Чикаго, где в свой пятьдесят четвертый день рождения присоединяется к митингу «Молодежного совета за мир во всем мире». Выступающие торжественно клянутся продолжать дело мира, несмотря на происходящее в Германии. У некоторых остается впечатление, что Альберт полностью с этим согласен.

В этот день на праздничном обеде он снова призывает международные организации направить все силы на сохранение мира. Ни слова о военном вмешательстве.

В Нью-Йорке на презентации сборника своих пацифистских трудов — «Борьба с войной» — он лишь вскользь упоминает о нынешнем положении дел в Германии.

Перед отплытием парохода из Нью-Йорка в Антверпен Пауль Шварц, немецкий консул, настоятельно рекомендует Альберту ни в коем случае не ступать на немецкую землю. «В противном случае они оттаскают Вас за волосы по всем улицам».

Альберт планирует так: когда в следующем году откроется Институт перспективных исследований, ему придется проводить в Принстоне по четыре-пять месяцев. Поэтому за день до отъезда в Европу они с Эльзой приезжают в Принстон, чтобы присмотреть себе дом.

На борту лайнера «Бельгенланд» Альберта, Эльзу, Элен Дюкас и Вальтера Майера настигают известия о вторжении нацистов в берлинскую квартиру Альберта и его дом в Капуте, а также о конфискации семейного парусника «Тюммлер»[9].

Альберт говорит Эльзе и Элен:

— Я больше не доверяю университетам, которые так кичатся своей интеллектуальной свободой. Я больше не доверяю немецким газетам, которые кичатся свободой печати. Теперь разве что церковь, делами которой я практически не интересовался, держится особняком, что уже заслуживает уважения.

В письме, направленном в Прусскую академию, он подает заявление об отставке: «При сложившихся обстоятельствах я чувствую, что зависимость от прусского правительства будет для меня непереносима».

Через десять дней пути лайнер заходит в порт Антверпена.

Преодолев на машине сорок пять километров, Альберт оказывается в Брюсселе, у дверей немецкого консульства. Там он сдает свой паспорт, отказываясь от немецкого гражданства во второй раз. Это единственный способ достойно разорвать отношения с академией.

Обеспокоенный шквалом антисемитских нападок на Альберта в нацистской прессе, Планк пытается не допустить официального дисциплинарного слушания, которого так добивается правительство. «Возбуждение формальной процедуры исключения Эйнштейна приведет меня к серьезнейшему разладу со своей совестью, — пишет он секретарю академии. — Хотя по политическим вопросам у нас с ним и имеются серьезные разногласия, я абсолютно уверен, что в грядущих веках имя Эйнштейна будет прославлено как одна из самых ярких звезд, когда-либо сверкавших в стенах нашей академии».

Нацисты еще больше взъелись на Альберта, когда тот сделал ход конем, демонстративно отказавшись и от гражданства, и от

членства в академии. Поэтому секретарь академии, поддерживающий нацистский режим, выступает перед прессой с официальным заявлением. Он жестко критикует Альберта за «участие в клеветнической кампании и за агитационную деятельность в чужой стране. Поэтому нет причин сожалеть об отступничестве Эйнштейна».

Альберт отвечает резко: «Настоящим я заявляю, что никогда не принимал участия в какой-либо клеветнической кампании. Я описывал положение дел в Германии как состояние массового психического расстройства».

И это правда.

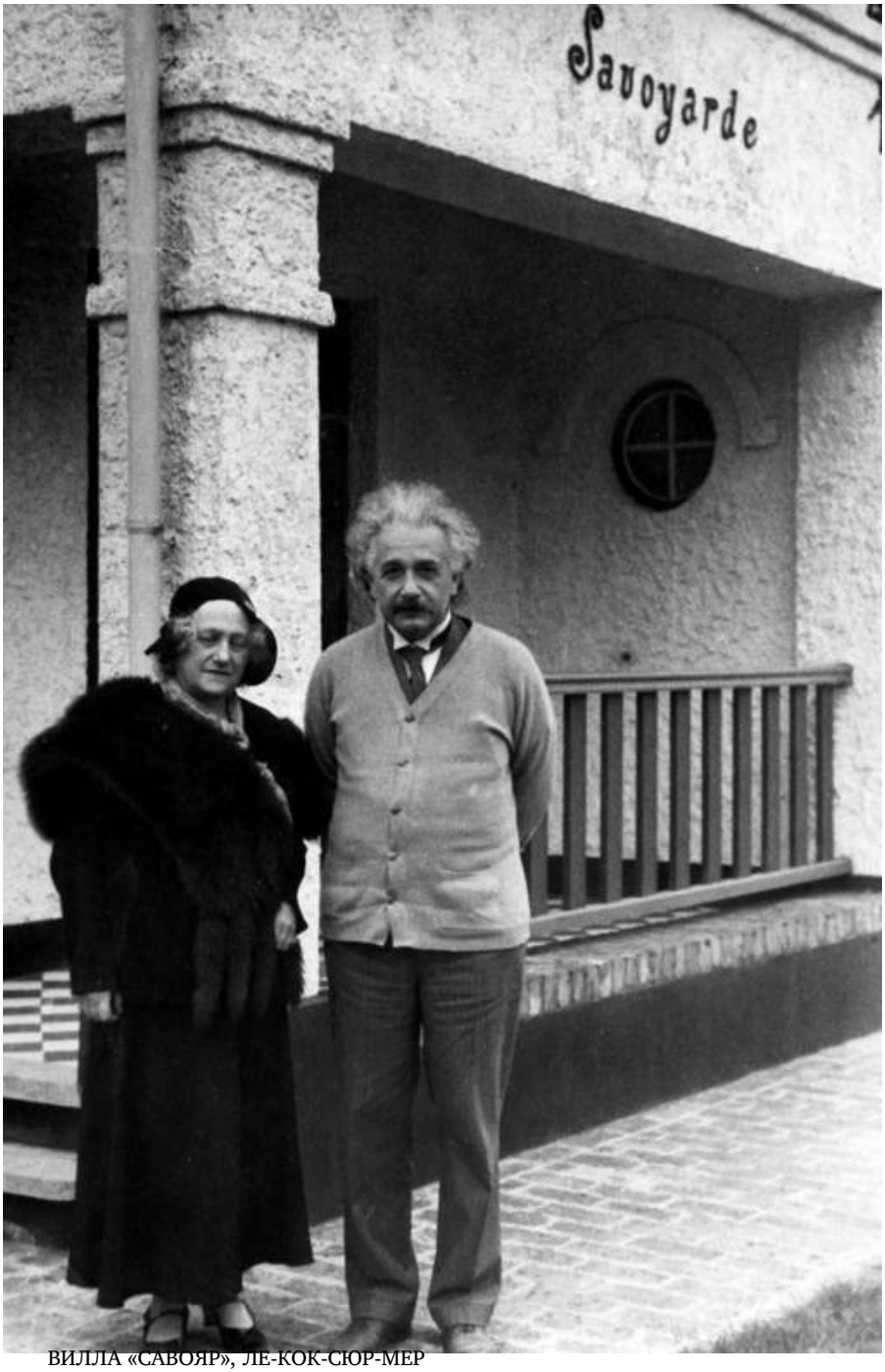
Но Ленард подливает масла в огонь: «Самый важный пример опасного влияния еврейских кругов на изучение природы продемонстрировал герр Эйнштейн».

Согласно новому закону евреи не могут занимать какую-либо государственную должность, поэтому четырнадцать Нобелевских лауреатов и двадцать шесть профессоров теоретической физики вынуждены спешно покинуть Германию.

Гитлер рвет и мечет: «Даже если увольнение еврейских ученых означает ликвидацию современной немецкой науки, несколько лет мы проживем и без нее!»

«По мне, — ответствует Альберт, — гораздо лучше иметь дело с несколькими чистопородными евреями — несколько тысячелетий цивилизации что-нибудь да значат».

На площади перед Берлинским оперным театром из рук 40 тысяч студентов и городских маргиналов, украсивших себя свастикой, в костер летят книги. Книги, ставшие трофеем из разграбленных домов и библиотек.



ВИЛЛА «САВОЯР», ЛЕ-КОК-СЮР-МЕР

Альберт и его верная свита — Эльза, Элен и Вальтер Майер — заселяются на виллу «Савояр» в курортном городке Ле-Кок-сюр-Мер, в десяти километрах от Остенде.

Отсюда он пишет Морису Соловину: «Боюсь, как бы эта эпидемия ярости и жестокости не распространилась повсюду. Кажется, будто все снизу доверху захвачено наводнением, и уровень воды все повышается, до тех пор, пока все, что находятся наверху, не будут изолированы, запуганы, деморализованы и не захлебнутся в этом потоке».

— Мы бы могли переехать в Цюрих, все вместе, — произносит Альберт за поздним завтраком. — И семья будет в сборе.

— Не все так просто, — возражает ему Эльза. — Жизнь в Цюрихе окончательно лишит тебя душевного равновесия.

— Но в Лейдене нас никто не ждет, да и в Оксфорде тоже.

Метрдотель, заламывая от волнения руки, сопровождает к их столу офицера жандармерии Остенде.

Офицер докладывает, опуская любезности.

— Профессор, я и сам не рад, что приходится сообщать вам об этом, но за вашу голову назначена награда — пять тысяч долларов.

— Неужели? — удивляется Альберт. — За мою голову? Знал бы я, что она столько стоит!

— С этого дня к вам будет приставлена охрана — два вооруженных полицейских.

— А если я не хочу?

— У вас нет выбора.

Из письма Мишеля Бессо, своего близкого друга со времен Политехникума, Альберт узнает, что шизофрения его младшего сына Тэтэ прогрессирует. Тот постоянно находится в стенах лечебницы. Альберт приезжает в Цюрих повидаться с Милевой и Тэтэ. Он прихватил с собой скрипку, чтобы играть для сына. Взгляд Тэтэ, замкнутого в своем мирке, не выражает ровным счетом ничего.

АЛЬБЕРТ И ЕГО ДОРОГОЙ ТЭТЭ

Альберт ищет для Милевы слова утешения.

— К сожалению, как я уже говорил Бессо, все указывает на то, что наследственность проявляется очень явно. Я видел, как медленно, но неумолимо это надвигалось еще тогда, когда Тэтэ был мальчиком. В таких случаях внешние воздействия играют незначительную роль в сравнении с гормонами, а с этим никто ничего сделать не может.

— Совсем ничего?

— Ничего.

Они прижались друг к другу в тисках немой печали.

Альберт покидает Цюрих. В последний раз он видел Милеву и Тэтэ.

Его пригласили в Англию. Там он надеется хоть немного перевести дух.

Оливер Локер-Лампсон — сын викторианского поэта Фредерика Локера-Лампсона и большой авантюрист. Учился в Германии, во время Первой мировой войны служил летчиком, командовал танковой дивизией в Лапландии и в России, служил советником у великого князя Николая и, возможно, был соучастником заговора против Распутина. Теперь же он, будучи адвокатом, журналистом и, на всякий случай, членом

парламента, запускает первую волну критики нацизма. Он радушно приглашает Альберта погостить в его доме.

Вместе они едут на встречу с Уинстоном Черчиллем в Чартвелл.

С ОЛИВЕРОМ ЛОКЕР-ЛАМПСОНОМ И ЛИЧНОЙ ОХРАНОЙ

С УИНСТОНОМ ЧЕРЧИЛЛЕМ

Тема их разговора — милитаризация Германии. Альберт рассказывает Черчиллю о судьбе еврейских ученых в Германии. По словам Черчилля, в британских университетах за них сможет похлопотать его советник Фредерик Линдеман. «Черчилль поистине мудр, — рассказывает Альберт Эльзе после встречи. — Мне стало ясно, что эти люди готовы и намерены действовать решительно и быстро».

Затем Локер-Лампсон представил Альберта Остину Чемберлену, стороннику перевооружения; а потом Ллойду Джорджу, бывшему премьер-министру.

Альберт оставляет запись в книге почетных гостей. В графе «Адрес» он пишет «Ohne irgendetwas» — «из ниоткуда».

На следующий день в палате общин Локер-Лампсон поднимает вопрос об упрощении процедуры получения гражданства для евреев. Альберт наблюдает за происходящим с галереи для публики, привлекая всеобщее внимание своим белым льняным костюмом. «Германия разрушает свою собственную культуру и угрожает безопасности своих величайших мыслителей. Она выгоняет самого прославленного из своих граждан — Альберта Эйнштейна».

Законопроекту Локера-Лампсона так и не суждено было увидеть свет.

В переполненном зале Альберт-Холла состоялось самое ожидаемое выступление Эйнштейна, организованное Советом по оказанию помощи ученым для сбора средств в пользу деятелей науки, покинувших Германию. Альберт изъясняется по-английски, хотя и со страшным акцентом.

В РОЯЛ-АЛЬБЕРТ-ХОЛЛЕ

Я рад, что вы дали мне возможность выразить вам здесь свое глубокое чувство благодарности как человеку, как доброму европейцу и как еврею. Сегодня моя задача не может состоять в том, чтобы судить о поведении нации, которая на протяжении многих лет считает меня своей. Нас беспокоит не только техническая проблема обеспечения и поддержания мира, но и важная задача образования и просвещения.

Если мы хотим дать отпор тем силам, которые угрожают подавить личную и интеллектуальную свободы, то следует ясно сознавать, чем мы рискуем и чем мы обязаны той свободе, которую наши предки завоевали для нас в результате упорной борьбы.

Без этой свободы у нас не было бы ни Шекспира, ни Гёте, ни Ньютона, ни Пастера, ни Фарадея, ни Листера. У нас не было бы ни удобных жилищ, ни железной дороги, ни телеграфа, ни радио, ни недорогих книг, ни защиты от эпидемий; культура и искусство не служили бы всем. Не было бы машин, освобождающих рабочего от тяжелого труда, связанного с производством продуктов первой необходимости.

Большинству людей пришлось бы влачить жалкую жизнь рабов, совсем как во времена азиатских деспотов. Только свободные люди могли стать авторами тех

изобретений и творений духа, которые на наших глазах признают ценность жизни.

* * *

Вернувшись в Ле-Кок-сюр-Мер, Альберт узнает, что одна американская газета правого толка «Вуман пэтриот корпорейшн» развернула на своих страницах кампанию с целью запретить ему въезд в страну как коммунистическому приспешнику. А репутация пацифиста и антифашиста как будто лишь подтверждает его благосклонное отношение к русскому коммунизму.

«Я убежденный демократ, — отвечает он в интервью „Нью-Йорк уорлд телеграм“. — И именно поэтому я не еду в Россию, хотя получил очень радушное приглашение. Мой визит в Москву наверняка был бы использован советскими правителями в политических целях. Сейчас я такой же противник большевизма, как и фашизма. Я выступаю против любых диктатур».

Лондонской газете «Таймс» и нью-йоркскому журналу «Тайм» Альберт признается, что иногда его «обманывают» организации, которые притворяются пацифистскими или гуманитарными, но «на самом деле занимавшиеся не чем иным, как закамуфлированной пропагандой на службе русского деспотизма. Я никогда не одобрял коммунизм, не одобряю его и сейчас. Я выступаю против власти, порабощающей личность с помощью террора и насилия, проявляются ли они под флагом фашизма или коммунизма».

Из Лейдена приходит письмо от Пауля Эренфеста: «В последние годы я заметил, что мне не хватает понимания, чтобы не отставать от развития физики. Было время, когда я упорно пытался нагнать уходящий поезд, но в отчаянии окончательно сдался. Я совершенно устал от жизни».

В письме к руководству Лейденского университета Альберт, выражая глубокую озабоченность состоянием Эренфеста, предлагает различные способы снизить его рабочую нагрузку. Эренфест, которому сейчас пятьдесят три, всегда относился к себе строже, чем все остальные. Ему свойственно преувеличивать собственные недостатки и погрешности. Его хроническая депрессия обострилась, как никогда. Не говоря уже о том, как давит на него психологически состояние Васика, его любимого сына, страдающего синдромом Дауна; Васику необходимо пожизненное больничное содержание, что означает крупные расходы.

25 сентября 1933 года Пауль Эренфест с пистолетом в кармане выезжает из Лейдена в Амстердам, собираясь посетить лабораторию своего бывшего ученика. Во второй половине дня из лаборатории Эренфест отправляется в лечебницу, где наблюдается пятнадцатилетний Васик. Они выходят на прогулку в парк Вондела. Там Эренфест достает пистолет и стреляет сыну в голову, а потом направляет дуло на себя.

Альберт дорожил им, как братом, любил его детей, как своих. А теперь он совершенно выбит из колеи.

Убитый горем, Альберт вспоминает первую встречу с Паулем Эренфестом.

«За несколько часов мы стали настоящими друзьями, будто наши чаяния и мечты были одинаковыми».

Эльза и Элен Дюкас отплывают из Антверпена на борту 16-тонного лайнера «Вестернланд» судоходной компании «Ред лайн».

Полицейская машина без опознавательных знаков доставляет Альберта в порт Саутгемптона, откуда он переправится в Нью-Йорк.

Кроме него, на палубе никого нет. Океанские брызги летят прямо в лицо, когда он пытается зажечь свою трубку.

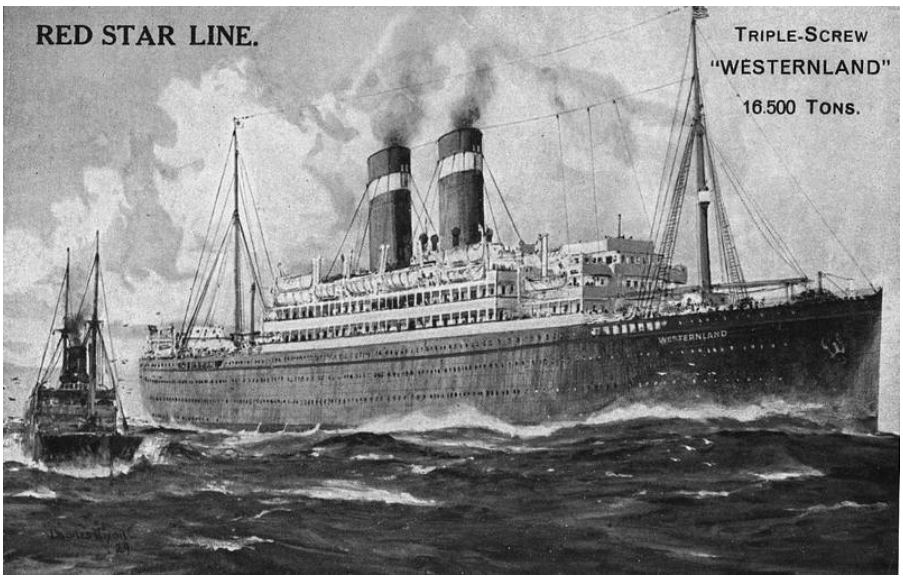
Он оплакивает Эренфеста.

Собственное прошлое.

Саутгемптон растворяется в октябрьском тумане.

Концы обрублены.

Жребий брошен.



Чайки летят вслед за кораблем. Завывания корабельных гудков слились в щемящем хоре.

Он больше никогда не увидит Европу.

Или религиозный рай молодости.

Альберту пятьдесят четыре года.

Глава 4

Я узнала, что, приехав в Принстон, Альберт первым делом купил в кафе «Балтимор» на Нассау-стрит рожок мороженого. Он заказал ванильное с шоколадной стружкой. Альберта увидел студент теологического факультета Джон Лампе. «Этот великий человек посмотрел на рожок, улыбнулся мне… и сначала указал большим пальцем на рожок, а затем на себя».

В ночь Хеллоуина в его дверь постучали пришедшие за сластями девочки. Альберт, выйдя на крыльцо, сыграл им на скрипке.

Мими Бофорт, Принстон, 1955

В октябре 1933 года Альберт, Эльза и Элен Дюкас заселяются в гостиницу «Пикок» в Принстоне. Эльза ищет подходящий дом; Альберт избегает репортеров.

Через неделю они переезжают во временное жилье на углу Мерсер-стрит и Лайбрери-стрит.

Вскоре в Принстоне начинают интересоваться Альбертом.

Он жив-здоров и доволен спокойной обстановкой. Приветствует собак и детей. Останавливается, чтобы полюбоваться деревьями и цветами: падубами, ясенями, дубами, принстонскими вязами, гортензиями, вычисляя, когда дубы и вязы покроются листвой. «Если первым дуб цветет, летом туча к нам придет. Зацветает первым ясень — небосвод не будет ясен». Гарвард присуждает ему степень почетного доктора.

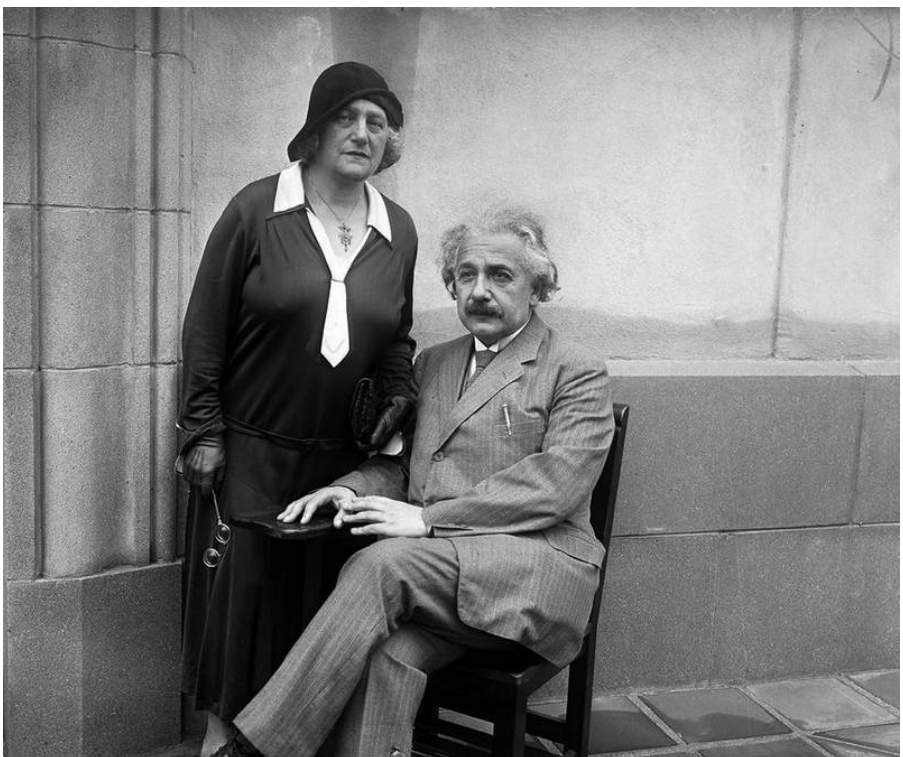
Президент Гарвардского университета Дж. Б. Конант говорит об Альберте следующее: «Мир признал его великим революционером в области теоретической физики, его смелые рассуждения, которые сейчас становятся фундаментальной концепцией, человечество будет вспоминать, когда сегодняшние проблемы будут уже далеко в прошлом».

О Европе Альберт не забывает ни на секунду. Он говорит репортеру венской «Бунте вельт»: «Никак не могу понять, почему весь цивилизованный мир так пассивно реагирует на эту современную форму варварства. Неужели мир не осознает, что Гитлер хочет начать войну?»

Один из постоянных авторов еженедельника «Вельтбюне» Вальтер Крайзер публикует материал о тайном обучении элитного подразделения воздушных сил немецкого батальона в

Германии и Советском Союзе в нарушение Версальского договора. Крайзера и редактора газеты Карла фон Оссецкого обвиняют в предательстве и шпионаже и приговаривают к полутора годам тюрьмы. Крайзеру удается бежать из Германии, Оссецкий же остается в заключении, а через несколько месяцев выходит во время рождественской амнистии.

Оссецкого вновь арестовывают и помещают в Шпандау. Затем его отправляют во второй по размерам после Дахау концентрационный лагерь «Эстервеген-Папенбург», близ Ольденбурга.



СЧАСТЛИВАЯ ЧЕТА

Альберт обращается к Джейн Аддамс — первопроходцу социальной работы, феминистке и нобелевскому лауреату — и предлагает ей выдвинуть Оссецкого в кандидаты на получение Нобелевской премии мира 1935 года. Аддамс выполняет просьбу, и Эйнштейн пишет: «Уважаемая госпожа Аддамс! Я так благодарен Вам за поддержку Оссецкого, который, к сожалению, не сможет долго выдерживать такое жестокое отношение. Здешние жители даже представить не могут, что приходится терпеть всем прогрессивным людям, которые подвергаются гонениям в Германии».

К этой кампании присоединяется значительное количество ученых и писателей со всего мира.

По словам сотрудника международного Красного Креста, Оссецкий похож на «дрожащее, мертвенно-бледное и, по-видимому, бесчувственное существо с опухшим глазом, выбитыми зубами, трясущейся, сломанной, не зажившей до конца ногой… человек, который достиг предела того, что можно выдержать». К тому же он страдает от туберкулеза.

Когда Оссецкому присуждают Нобелевскую премию мира, Геринг приказывает ему отказаться. Находясь в больнице, Оссецкий отвечает:

> После долгих размышлений я решил принять Нобелевскую премию мира, которая была мне присуждена. Я не разделяю мнение, которое мне пытаются навязать представители гестапо, что, принимая ее, я будто бы ставлю себя вне германского общества. Нобелевская премия — это символ не внутренней политической борьбы, а взаимопонимания между народами. Приняв ее, я сделаю все возможное для установления этого взаимопонимания и, будучи гражданином Германии, всегда буду помнить о законных интересах страны в отношении Европы.

Два представителя Нобелевского комитета — Хальвдан Кут, министр иностранных дел Норвегии, и Зигмунд Мовинкель — уходят в отставку. Король Хокон VII не участвует в церемонии вручения. Норвежская газета «Афтенпостен» заявляет: «Оссецкий — преступник, который нанес удар своей стране, используя противозаконные методы, задолго до прихода Гитлера к власти. Лишь соблюдая существующие законы, можно достичь мира между народами».

В немецкой прессе не разрешается упоминать о Нобелевской премии Оссецкого, правительство Германии запрещает своим гражданам принимать Нобелевские премии.

Тремя годами позже, все еще находясь под стражей в больнице Нортбенд в Берлин-Панкове, Оссецкий в возрасте сорока двух лет умирает от туберкулеза и последствий жестокого обращения со стороны надзирателей.

Переезд в Принстон и заселение в дом на Мерсер-стрит выматывает Эльзу. Она узнает, что в Париже от туберкулеза скончалась Ильзе.

Эльза заболевает, и врачи обнаруживают у нее гипертиреоз и

долевую пневмонию. Кашель сопровождается кровохарканьем.

Альберт признается Элен Дюкас:

— Не могу видеть ее страдания.

— Она знает, как сильно вы ее любите.

— Думаешь?

— Конечно. Она рассказала мне, какое утешение для нее ваша забота.

Летом они отправляются на озеро Саранак-Лейк в горах Адирондак.

Врач прописывает морфин.

Эльза пытается связать шарф. У нее опухают голени и лодыжки. Сердце и почки слабеют.

В возрасте шестидесяти лет, за пять дней до Рождества 1936 года, Эльза умирает у себя дома в Принстоне.

Альберт сражен горем.

Поминальная служба проходит в доме на Мерсер-стрит. Затем Эльзу кремируют на кладбище «Юинг» на Скотч-роуд, 78.

Альберт теряет силы, повисая на руках у Элен.

— Подумайте о будущем, — говорит она.

— Я буду по ней очень скучать… я буду по ней очень скучать.

У Альберта строгий распорядок дня. В девять утра — завтрак. Яичница на сливочном масле с ложечкой меда. Свежевыпеченные булочки.

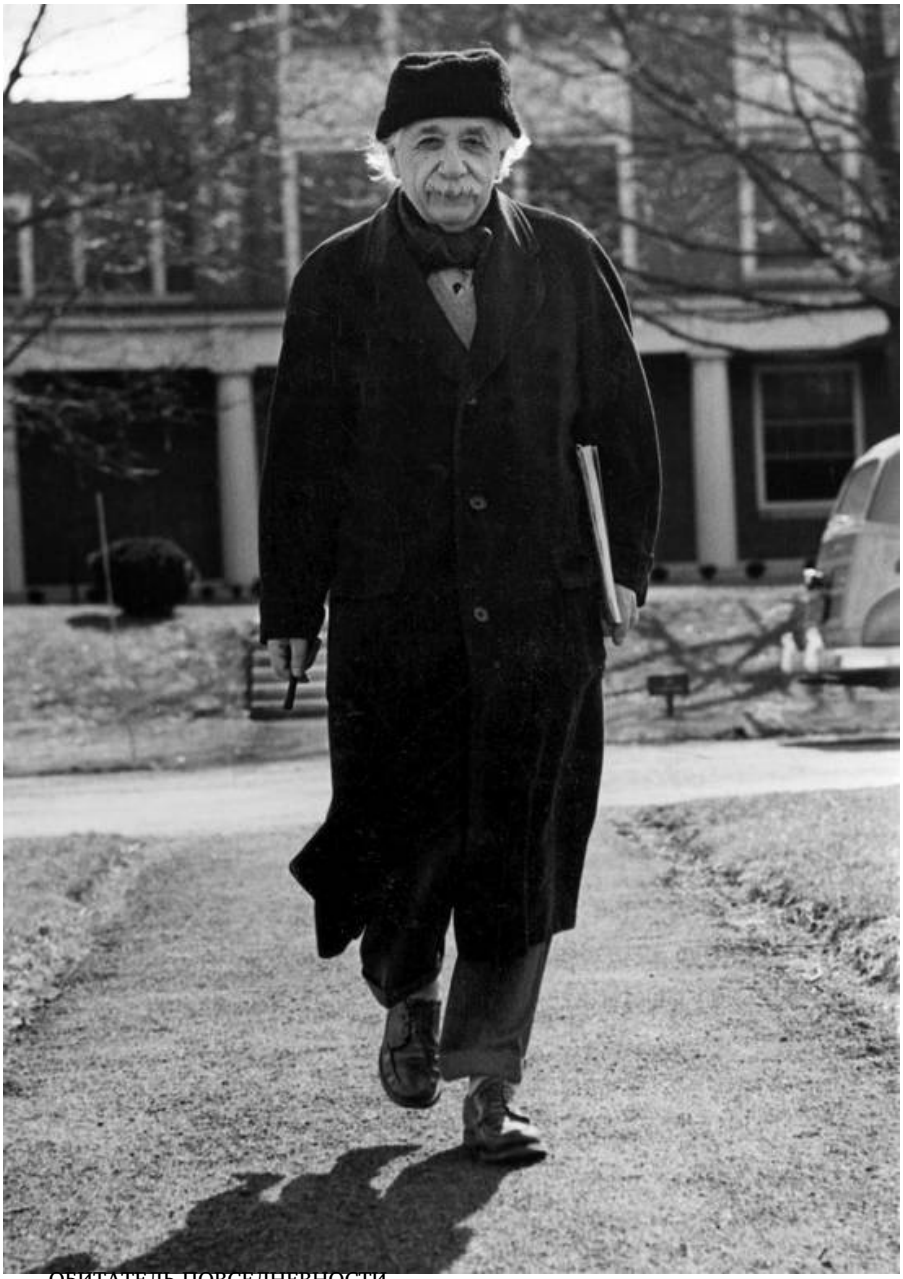
На работу он ходит пешком, и часто его подкарауливают местные жители, которые хотят познакомиться с великим человеком. Он позирует для фотографий, раздает автографы и для всех находит пару добрых слов.

Он работает в институте до часу дня.

Возвращается домой на обед (обычно спагетти). Ложится вздремнуть.

Работает у себя в кабинете до половины седьмого вечера и прерывается на ужин. Возвращается в кабинет и работает до одиннадцати вечера.

Идет спать.



ОБИТАТЕЛЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

THE NEW YORK TIMES, SATURDAY, DE

'RESERVES' DEFEAT FATIGUE

Aid So Man Can Go le Drops,' Scientists Told at Pittsburgh.

OFFSETS A SMOKE

ffect of Inhalation— Is Held Physically lentally Inferior.

PRINCIPALS STERILIZIN

Study by Congre lature Is Urged at Syra

JOIN WITH C

State Delegates V With City Associa Is Made P

DR. EINSTEIN SIMPLIFIES A FORMULA.

The scientist explains his mass-energy theorem to reporters at Pittsburgh.

Times Wide World Photo.

EINSTEIN 'REPAIRS' MASS-ENERGY IDEA

atomic energy is a lump of coal the size of a pea to take the Maure tania across the Atlantic and back. One thirtieth of a gram of water converted into pure energy, would yield enough heat to turn 1,000 tons of water

not possible at present to know whether the universe was finite or infinite, curved or open. The question on the unified field theory referred to the work on

ПРЕССА НЕ ДАЕТ МНЕ ПРОХОДА

«Нью-Йорк таймс» объявляет:

«Поднимаясь на еще не взятую математическую вершину, доктор Альберт Эйнштейн, покоритель космических Альп, сообщает, что ему удалось обнаружить новую модель структуры пространства и времени», — сообщал на первой странице «Нью-Йорк таймс» известный научный обозреватель Уильям Лоуренс в 1935 году. Тот же автор на первой же странице той же газеты в 1939 году рассказывал: «Сегодня Альберт Эйнштейн дал понять, что после двадцати лет беспрестанного поиска закона, который объяснил бы механизм, управляющий космосом во всей его полноте, космосом, который простирается от звезд и галактик в необозримой бесконечности пространства до сокровенных тайн самого сердца бесконечно малых атомов, ему удалось наконец увидеть контуры „Обетованной земли Знания“, где может храниться главный ключ, открывающий тайну творения».

* * *

Альберт в одиночку пытался создать универсальную «теорию всего». Он пишет Максу фон Лауэ: «Я чувствую себя ребенком, который никак не может выучить алфавит, хотя, как ни странно, надежды я не теряю. В конце концов, здесь мы имеем дело со сфинксом, а не с покладистой уличной девицей».

Соловину он пишет следующее: «Вместе с моими молодыми коллегами я работаю над одной крайне интересной теорией, с помощью которой я надеюсь преодолеть теоретико-вероятностную мистику и связанный с ней отход от понятия реальности в современной физике».

За несколько месяцев до войны, вспыхнувшей в 1939 году, физики начинают лихорадочно разрабатывать новые идеи.

В Берлине, в Институте кайзера Вильгельма, Отто Ган и Фриц Штрассман обнаруживают, что ядро атома имеет свойство распадаться. Результат этого деления ядра — высвобождение огромного количества энергии пропорционально массе атома. Это, конечно же, выражается формулой $E = mc2$. Цепная реакция может порождать гигантские объемы энергии.

Через несколько месяцев в журнале «Нейчур» появляется не менее двадцати статей о ядерном распаде.

Будучи сыном инженера и потомком зажиточной еврейской семьи, уроженец Будапешта Лео Сцилард сменил фамилию Шпиц на Сцилард в 1900 году. В Берлине он учился на инженера в Техническом институте, увлекаясь работами таких физиков, как Эйнштейн, Габер, Нернст, Планк, фон Лауэ и Шредингер. В 1921 году Сцилард бросил инженерное дело и поступил в Берлинский университет, где изучал физику под началом Макса фон Лауэ и других. Он получил докторскую степень, защитив диссертацию, в которой показал, что Второй закон термодинамики относится не только к средним значениям, как считалось ранее, но и к случайным образом изменяющимся. В период с 1925 по 1933 год Сцилард подавал заявки на многочисленные патенты, часто вместе с Альбертом, и один из них был на новую холодильную систему, которая, однако, не заинтересовала немецкую компанию «AEG».

С приходом Гитлера к власти Сцилард переехал в Англию, где сотрудничал с Т. А. Чалмерсом в больнице Святого Варфоломея и разработал способ выделения радиоактивных атомов из стабильных изотопов химическим путем (эффект Сцилларда — Чалмерса). В то же время он вдохновил сэра Уильяма Бевериджа на учреждение Совета поддержки ученых-беженцев, чтобы помочь гонимым научным работникам покинуть

нацистскую Германию. В период с 1935 по 1937 год он работал исследователем в Кларендонской лаборатории в Оксфорде.

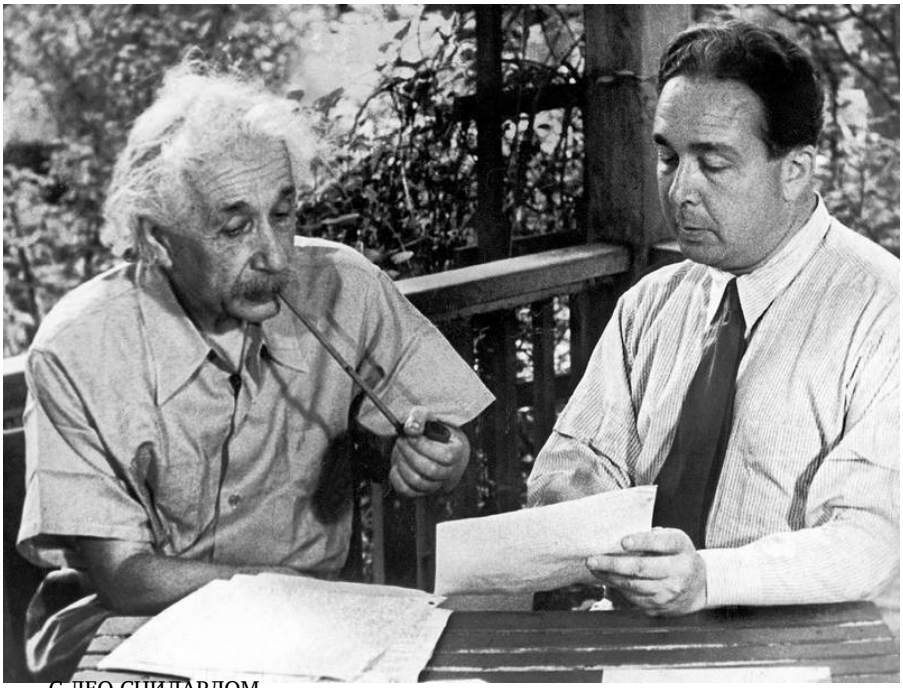
В сентябре 1933 года Сцилард открыл возможность осуществления цепной ядерной реакции — процесса, который необходим для выделения атомной энергии и который недавно отверг выдающийся британский физик лорд Резерфорд.

Как и Альберт, в 1930-х годах Сцилард несколько раз посещает Америку, подумывает туда переехать и, наконец, в 1938 году остается жить в Нью-Йорке.

В лаборатории Пупина в Колумбийском университете Сцилард вместе с Вальтером Зинном изучает нейтронный распад. Они обнаруживают, что при ядерном делении испускаются два быстрых нейтрона и что уран может поддерживать цепную реакцию. Дальнейшие исследования в «Колумбии» совместно с Энрико Ферми и Гербертом Андерсеном показывают, что вода и диоксид урана отвечают требованиям для запуска самоподдерживающейся цепной реакции.

Сцилард всерьез обеспокоен возможностью применения новых атомных теорий для создания оружия. В Германии ядерные исследования выходят на новый уровень, и ему кажется, что ни его работу, ни работы других физиков публиковать не стоит. Сцилард и двое его коллег, Юджин Вигнер и Эдвард Теллер, выражают желание, чтобы правительство США выделило средства на проведение окончательного эксперимента в целях доказать возможность осуществления цепной ядерной реакции.

Именно поэтому Лео Сцилард и Юджин Вигнер обращаются к Альберту. Они хотят, чтобы тот написал обращение к президенту Рузвельту. Письмо, одобренное Альбертом, будет иметь огромный вес в Государственном департаменте.



С ЛЕО СЦИЛАРДОМ

А также запустит процесс разработки необычайно мощного оружия. Воздух, раскаленный рентгеновскими лучами, породит гигантский огненный шар, а тот — сверхзвуковые ударные волны, что приведет к неописуемым разрушениям и бесчисленным жертвам.

Альберт арендует коттедж на Олд-Гров-роуд в городке Пеконик на острове Лонг-Айленд. Сцилард и Вигнер разъясняют Альберту свой план. Втроем они составляют черновик письма, затем вносят корректировки.

Два месяца уходит на поиски посредника, который передал бы подписанное Альбертом письмо в руки человека, способного принять решительные меры, — президента Рузвельта. Этим посредником становится американский банкир еврейского происхождения Александр Сакс.

11 октября 1939 года Сакс направляется в Белый дом для встречи с Рузвельтом.

О встрече Сакс рассказывает Альберту. Франко Делано Рузвельт ведет себя сдержанно и заявляет, что идея преждевременна.

Сакс не сдается. На следующее утро он возвращается в Белый дом.

Рузвельт сидит за обеденным столом в одиночестве.

— Я всего лишь хочу рассказать вам одну историю, господин президент. В период Наполеоновских войн к императору Франции пришел один молодой американский изобретатель и предложил ему построить флот из пароходов, с помощью которых Наполеон, несмотря на непогоду, сможет высадить войско в Англии. Корабли без парусов? Великому корсиканцу идея показалось неосуществимой, и он послал Роберта Фултона прочь. По мнению английского историка лорда Актона, это пример того, как недальновидность противника спасла Англию. Если бы Наполеон тогда проявил больше воображения и скромности, история девятнадцатого столетия развивалась бы совершенно иным образом.

Президент молча рассматривает свои любимые берлинеры — горячие пончики с джемом.

Черкнув записку, отдает ее официанту.

— Подождите, — говорит он Саксу.

Официант возвращается с бутылкой марочного французского коньяка. Президент приказывает наполнить два бокала. Затем поднимает свой, кивает Саксу и пьет за его здоровье.

— Алекс, вы хотите спасти нас от нацистов?

— Именно.

Рузвельт вызывает атташе, бригадного генерала Эдвина Уотсона по прозвищу Па. Указывает на письмо Сакса:

— Па, необходимо принять меры.

Дж. Эдгар Гувер, уже в течение шестнадцати лет возглавляющий Федеральное бюро расследований, полагает, что Альберт принадлежит к экстремистам и писал для коммунистических журналов. Гувер всячески противодействует привлечению Альберта к любым секретным разработкам, связанным с армией или флотом.

Альберт, Элен и Марго решают принять американское гражданство. Они проходят собеседование у федерального судьи в Трентоне, Нью-Джерси.

В Принстоне Альберт, Элен и Марго живут по строгому распорядку, узнавая о ходе войны из газет и по радио.

На отдыхе в горах Адирондак Элен Дюкас сообщает Альберту о Хиросиме.

— Боже мой.

Спустя три дня вторая бомба сброшена на Нагасаки.

На следующий день в Вашингтоне выходит статья о том, как на Рузвельта повлияло письмо Альберта.

Журнал «Тайм» помещает фото Альберта на обложку.

Весть распространяется по всему миру. За атомные бомбы несет ответственность Альберт.

Его причастность к этому событию, ставшая притчей во языцех, не дает ему покоя. На улицах его преследуют репортеры.

— Доктор Эйнштейн, как вы думаете, уничтожат ли атомные бомбы цивилизацию?

— Я не думаю, что война с применением атомных бомб уничтожит цивилизацию.

— Сколько людей погибнет?

— Возможно, погибнет треть населения Земли.

— Вы, должно быть, этим гордитесь, доктор Эйнштейн.

— Высвободившаяся энергия атома изменила все, за исключением нашего образа мыслей, и мы сползаем к беспримерной катастрофе.

Нобелевский комитет приглашает Альберта выступить 10 декабря 1945 года на пятом торжественном банкете в нью-йоркском отеле «Астор».

Он как может старается подготовить ясную и простую речь, которую нельзя будет истолковать двусмысленно.

"All the News That's Fit to Print"

The New York Times.

LATE CITY EDITION

NEW YORK, TUESDAY, AUGUST 7, 1945

FIRST ATOMIC BOMB DROPPED ON JAPAN; MISSILE IS EQUAL TO 20,000 TONS OF TNT; TRUMAN WARNS FOE OF A 'RAIN OF RUIN'

HIRAM W. JOHNSON, REPUBLICAN DEAN IN THE SENATE, DIES

Jet Plane Explosion Kills Major Bong, Top U. S. Ace

Flier Who Downed 40 Japanese Craft, Sent Home to Be 'Safe,' Was Flying New 'Shooting Star' as a Test Pilot

KYUSHU CITY RAZED

Kenney's Planes Blast Tanumizu in Record Blow From Okinawa

ROCKET SITE IS SEEN

125 B-29's Hit Japan's Koyagawa Naval Arsenal in Demolition Strike

REPORT BY BRITAIN

By God's Mercy' We Beat Nazis to Bomb, Churchill Says

ROOSEVELT AID CITED

Raiders Wrecked Nazis' Laboratory in Race for Key to Victory

Steel Tower 'Vaporized' In Trial of Mighty Bomb

Scientists Awe-Struck as Blinding Flash Lighted New Mexico Desert and Great Cloud Rose 40,000 Feet Into Sky

NEW AGE USHERED

Day of Atomic Energy Hailed by President, Revealing Weapon

HIROSHIMA IS TARGET

'Impenetrable' Cloud of Dust Hides City After Single Bomb Strikes

MORRIS IS ACCUSED OF TAKING A WALK

CHINESE WIN MORE OF INVASION COAST

ATOM BOMBS MADE IN 3 HIDDEN CITIES

TRAINS CANCELLED IN STRICKEN AREA

War News Summarized

Tanks Talk War II Russia Presses; Prefer Vain Battle to Surrender

Reich Exile Emerges as Heroine In Denial to Nazis of Atom's Secret

«Дамы и господа, в этом году проведение нобелевской церемонии имеет особое значение. После многих лет смертельной борьбы мы наконец достигли мира; или того, что мы должны считать миром. Еще большее значение это имеет для физиков, которые так или иначе были связаны с созданием и использованием атомной бомбы.

Ведь эти физики находятся в том же положении, что и сам Альфред Нобель».

Он объясняет, что Нобель изобрел самое мощное взрывчатое вещество, «средство разрушения невиданной силы. Дабы оправдать себя, успокоить свою совесть, он учредил премию за

укрепление мира и достижения в мирных целях».

Альберт полагает, что современные физики также чувствуют свою вину.

> Мы помогали создавать это оружие, дабы не позволить врагам человечества получить его первыми, что в противном случае означало бы, учитывая образ мышления нацистов, невообразимые разрушительные последствия и порабощение других народов.
>
> Физики передали оружие в руки американцам и британцам как доверенным лицам всего человечества, борцам за мир и свободу. Но пока что мы не наблюдаем гарантий мира. Мы не наблюдаем никаких гарантий обеспечения свободы, которую Атлантическая хартия сулила государствам. Мы достигли победы в войне, но не мира…
>
> Всем обещали свободу от нужды, но во многих частях света люди страдают от голода, тогда как другие живут в изобилии…
>
> Позвольте мне изложить некоторые детали истории, которая является не чем иным, как выражением ситуации в мире: это современная история моего народа — еврейского народа. Пока нацистская жестокость была направлена только или преимущественно на евреев, весь мир пассивно наблюдал за происходящим; и с правительством Третьего рейха, которое очевидно было вовлечено в преступную деятельность, даже заключались мирные договоры и соглашения…
>
> Но после всего того, что случилось и чего не удалось предотвратить, как дело обстоит сегодня?..
>
> …Является ли это чистой иронией, когда министр иностранных дел Великобритании советует множеству бедных европейских евреев оставаться в Европе, поскольку ей нужен их гений, и, с другой стороны, предостерегает их от попыток попасть в начало списка, иначе, мол, они снова столкнутся с неприятием — неприятием и притеснением. Что ж, боюсь, они ничего не могут с этим сделать; шесть миллионов из них было убито, и они попали в начало списка, списка жертв нацистов, в большинстве случаев — не по своей воле…
>
> В такой ситуации необходимы смелые действия, радикальные изменения в нашем отношении в рамках всей политической концепции. Пусть тот дух, что вдохновил Альфреда Нобеля на создание его

замечательного института — дух доверия и уверенности, щедрости и единства людей — преобладает в сознании тех, от чьих решений зависят наши судьбы. В противном случае человеческая цивилизация будет обречена.

Альберт скорбит о ста сорока тысячах погибших в Хиросиме и семидесяти четырех тысячах в Нагасаки. То, для чего используют атомную энергию, приводит в ужас.

По мнению общественности, уран — разрушительное взрывчатое вещество, а излучение и радиоактивные осадки — одно и то же. История показала Эйнштейну, что, если в общественном сознании устоялась неверная система взглядов, может потребоваться целое столетие, чтобы заменить ее более правильной.

Он пишет в газету «Нью-Йорк таймс», цитируя Рузвельта: «Никуда не деться от того важного факта, что для сохранения цивилизации мы должны выработать научный подход к взаимодействию между людьми — способности людей различных национальностей жить и работать вместе на одной планете, в мире. Мы смогли понять, и заплатили за это слишком высокую цену, что жить и работать вместе можно лишь в одном случае — в соответствии с законом. И если не будет обеспечено верховенство закона, если мы все вместе не научимся мыслить по-новому, человечество обречено».

Еженедельник «Ньюсуик» сообщает:

> Сквозь последовавшие за тем взрыв и пламя, сравнить которые ни с чем нельзя, интересующиеся причинно-следственными связями в истории смутно различат черты застенчивого, чем-то напоминающего святого, по- детски наивного маленького человека с мягкими карими глазами, с обвислыми, как у уставшей от жизни гончей, щеками и волосами, похожими на северное сияние… Альберт Эйнштейн непосредственно над бомбой не работал. Но Эйнштейн является отцом бомбы по двум важным причинам: 1) именно по его инициативе началась разработка бомбы в США; 2) именно его уравнение *(E = mc2)* указало на теоретическую возможность создания атомной бомбы.

— Если бы я знал, что немцам не удастся собрать атомную бомбу, то и пальцем не пошевелил бы.

Альберт захлопывает дверь перед репортерами.

Здоровье Милевы, находящейся в Цюрихе, ухудшается. Тэтэ до сих пор содержат в психиатрической лечебнице. Деньги, которые Альберт выделил ей из своей Нобелевской премии, почти закончились. В мае 1948 года она умирает в одиночестве в возрасте семидесяти двух лет. Под ее кроватью лежит пакет, а в нем восемьдесят пять тысяч франков.

Альберт жалуется на сильные боли в животе. Врачи диагностируют у него аневризму брюшной аорты. Вместе с Элен Дюкас он отправляется в Сарасоту, к югу от Тампы, на побережье Флоридского залива, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

В Принстоне к Альберту присоединяется сестра Майя. Она эмигрировала в Соединенные Штаты в 1939 году, несмотря на то что ее муж не смог поехать с ней из-за болезни. Он остается у родственников в Женеве, где умирает в 1952 году. Майя живет вместе с Альбертом на Мерсер-стрит, но в 1946 году из-за инсульта и артериосклероза оказывается прикована к постели.

Майя умирает в 1951 году в возрасте семидесяти лет.

Альберт продолжает посещать институт. Его коллеги заботятся о нем, и он очень рад получить от них подарок — радио AM/FM и проигрыватель.

Он полностью поседел. Лицо изрезали глубокие морщины. Глаза слезятся. Пальцы сгибаются с трудом, а потому играть на скрипке больше невозможно.

Альберт пишет Максу Борну: «Как правило, меня считают чем-то вроде ископаемого. Я не считаю эту роль столь уж неприятной, поскольку она очень хорошо соответствует моему темпераменту… Я просто получаю удовольствие, давая во всех случаях больше, чем получаю, не принимаю всерьез ни себя, ни поступки большинства, не стыжусь своей слабости и своих пороков и, конечно, со спокойствием и юмором принимаю все таким, какое оно есть».

> Посольство Израиля
> Вашингтон
> 17 ноября, 1952 год
> Уважаемый профессор Эйнштейн,
> предъявитель сего письма — доктор Давид Гойтейн из Иерусалима, который в настоящее время служит полномочным министром нашего посольства в Вашингтоне. Он хочет задать вопрос, с которым меня

попросил к Вам обратиться премьер-министр Бен Гурион, а именно: приняли бы Вы пост президента Израиля, если бы это было предложено в результате голосования в израильском парламенте? Положительный ответ подразумевал бы переезд в Израиль и принятие израильского гражданства. Премьер-министр уверяет меня, что в этом случае правительство и те, кто прекрасно осознает значимость Ваших трудов, обеспечили бы Вам полную свободу и необходимые условия для проведения важной научной работы.

Г-н Гойтейн сможет предоставить Вам любую необходимую информацию относительно вопроса премьер-министра.

Вне зависимости от Вашего решения, я был бы очень рад иметь возможность вновь побеседовать с Вами в ближайшие дни в любом удобном для Вас месте. Мне понятны обеспокоенность и сомнения, высказанные Вами этим вечером. С другой стороны, вне зависимости от ответа, мне бы очень хотелось, чтобы Вы поняли, что своим вопросом премьер-министр выражает свое глубочайшее уважение, которое израильский народ испытывает ко всем гражданам нашей страны. К этим словам почтения мы бы хотели добавить, что Израиль — небольшое государство по своим географическим масштабам, но способно на величие, представляющее собой возвышенные духовные и интеллектуальные традиции, которые еврейский народ накапливал благодаря лучшим умам и сердцам как в старину, так и в современную эпоху. Наш первый президент, как Вы знаете, научил нас видеть, какие широкие возможности нам уготованы, на что Вы сами часто обращали наше внимание.

Таким образом, несмотря на то, каким будет Ваш ответ на этот вопрос, я надеюсь, что Вы благородно будете думать о тех, кто его задает, и оцените благородные цели и мотивы, которые вдохновили их подумать именно о Вас в этот важный период в истории нашего народа.

С наилучшими пожеланиями,

Абба Эбан

На что Альберт отвечает:

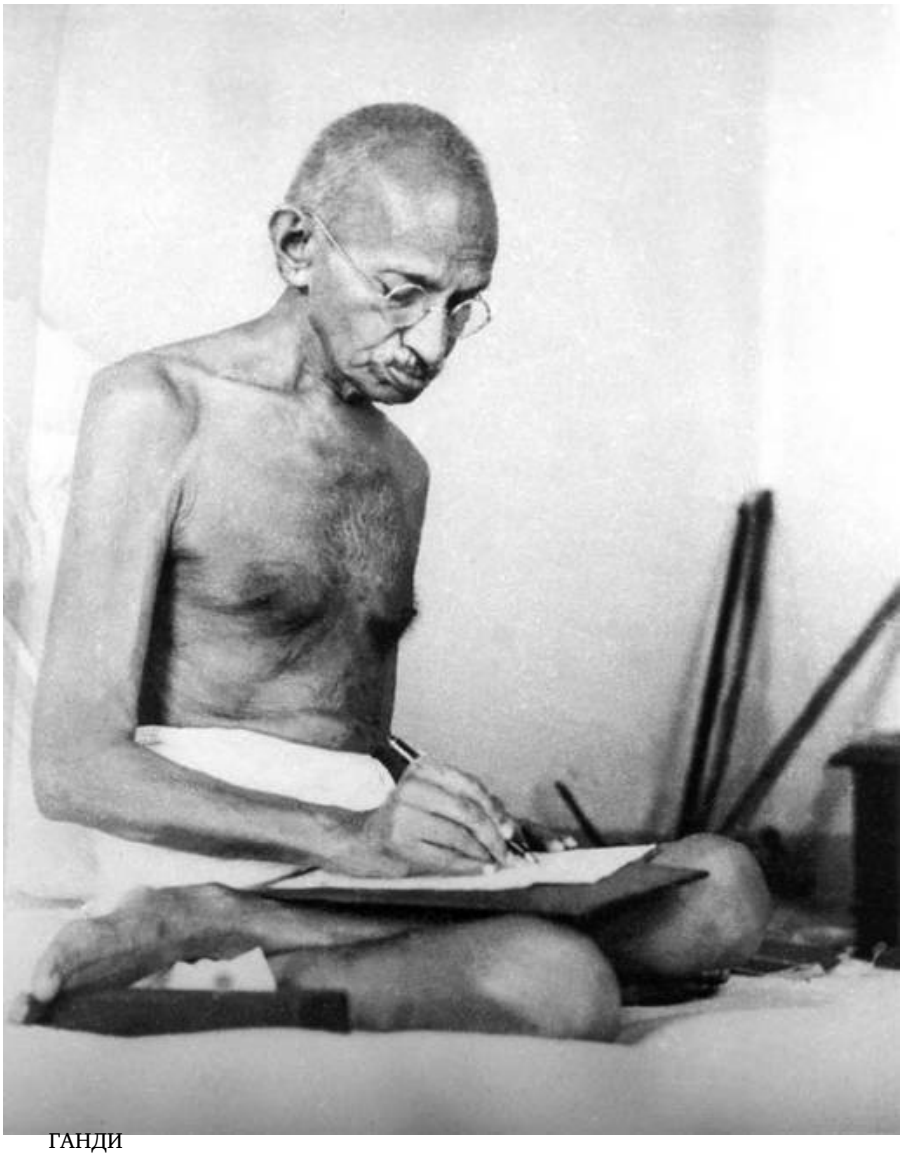
Я тронут предложением правительства Израиля и в

то же время расстроен и огорчен тем, что не могу его принять. Всю свою жизнь я имел дело с объективными вещами, посему не обладаю ни естественной предрасположенностью, ни опытом надлежащего взаимодействия с людьми и выполнения официальных функций. По одним лишь этим причинам я неподходящая кандидатура для исполнения обязательств такого высокого уровня, даже несмотря на то, что я еще не так слаб в силу возраста. Я еще больше опечален этими обстоятельствами, поскольку с тех пор, как мне стало известно о тяжелом положении нашей нации по сравнению с другими, между мной и еврейским народом установилась крепкая связь.

Проходит двадцать лет с тех пор, как нацисты жгли книги возле здания Берлинской государственной оперы. Среди них были книги Манна, Цвейга, Ремарка, Жида, Хемингуэя, Гейне, Фрейда, Маркса, Ведекинда, Набокова, Толстого, Эйнштейна.

Комитет по расследованию антиамериканской деятельности не спешит побеседовать с Альбертом. Но Альберт и сам не прочь сразиться с инквизиторами.

И у него появляется такая возможность, когда он получает письмо от преподавателя английского языка из Бруклина, Уильяма Фрауэнгласса. Сенатская подкомиссия по делам внутренней безопасности вызвала Фрауэнгласса в суд по поводу опубликованной им шесть лет назад лекции под названием «Приемы преподавания английского языка на основе принципа взаимодействия культур как средство преодоления предвзятости у школьников». Фрауэнгласс отказался давать показания, и это означает, что школьный совет города Нью-Йорка примет решение о его увольнении. Он пишет Альберту с просьбой о содействии, потому что это «очень помогло бы объединить просветителей и общественность против очередной обскурантистской атаки».



ГАНДИ

Ответ Альберта опубликован в газете «Нью-Йорк таймс»:

> Проблема, с которой сталкиваются образованные люди в этой стране, очень серьезная. Консервативные политики ухитрились вселить в умы людей недоверие к любым прогрессивным действиям, представив их как угрозу. Их попытки были успешными, теперь они собираются ограничить свободу в преподавании и лишить должностей всех тех, кто не станет подчиняться, иными словами, прижмут к стенке. Что же делать

> оказавшейся в меньшинстве группе образованных людей, чтобы побороть это зло? Честно говоря, я вижу выход лишь в радикальных мерах — отказе от сотрудничества в духе Ганди. Каждый образованный человек, которого вызывают предстать перед одним из комитетов, должен отказаться давать показания, то есть он должен быть готов отправиться в тюрьму и лишиться средств к существованию, проще говоря, пожертвовать своим благополучием в интересах культурного благополучия этой страны. Отказ давать показания должен основываться на утверждении, что это позор, когда ни в чем не повинный гражданин преследуется инквизицией, и что такая инквизиция противоречит духу конституции. Если достаточное количество людей согласится принять такие решительные меры, то они будут успешными. Если же нет, то интеллигенция в этой стране заслуживает быть порабощенной.

Сенатор Маккарти называет Альберта «врагом американского народа». Газета «Вашингтон пост» предупреждает, что если «граждане в целом последуют совету доктора Эйнштейна и отправятся в тюрьму вместо дачи показаний, то наша представительная система будет парализована. Если мы хотим порядка в правительстве, то каждый вызванный свидетель обязан выступить».

К настоящему моменту Альберт слишком слаб и истощен, чтобы его вызывали. Он сидит в своем кабинете, то и дело набивая и раскуривая трубку. Над его головой поднимается клуб дыма.

Глава 5

У порога дома 112 по Мерсер-стрит в застегнутом на все пуговицы костюме стоит худой, сутуловатый человек, разглядывая закрытые ставни.

Ростом около 170 сантиметров, одет в белый льняной костюм и фетровую шляпу в тон. Лицо совиное. Громоздкие очки с толстыми линзами увеличивают его пронзительные голубые глаза.

Он ходит туда-сюда по лужайке перед домом, отсчитывая вслух шаги до террасы, возвращается и пересчитывает снова. В руках у него дюжина не раз подсчитанных красных роз с карточкой: «Моему дорогому другу А. Э. Поздравляю с днем рождения. Курт Гёдель».

Мими и Изабелла Бофорт едут в школу Сент-Дэвидз на лимузине «крайслер-краун-империал», которым управляет шофер в форменной куртке.

Сестры отличаются стройностью и высоким ростом. Прически одинаковые: густые светлые волосы стянуты в конский хвост, перевязанный шелковым платком. На обеих платья в горошек, белые носочки и сандалии.

Усевшись на заднее сиденье, обитое плюшем, они принимаются читать последнее письмо от своего овдовевшего отца — Уитни Бофорта, который в сотый раз описывает жизнь поместья Бофорт-Парк в Гринвиче, штат Коннектикут, и особняка «Форт», где под надзором бесчисленных нянек выросли сестры Мими и Изабелла.

В последнее время затворник Уитни Бофорт сильно сдал, врачи обнаружили у него симптомы ранней деменции и ревматоидный артрит, приковавший его к инвалидному креслу. Дворецкий и медсестры удовлетворяют все его пожелания. Он появляется только ужину и ест в тишине. На него работают пожилой шофер, несколько садовников, повара, домашняя и кухонная прислуга. Уитни Бофорт не встает с постели, если не нужно принимать ванну, одеваться или пересаживаться в инвалидное кресло, чтобы спуститься к ужину.

До начала Второй мировой войны поместье Бофортов никогда не пустовало, здесь гостил даже Франклин Рузвельт — в ту пору губернатор Нью-Йорка.

Другим постоянным гостем был Эйвери Уиттингейл III — чудаковатый профессор Гарварда и основатель школы, где на

первых порах обучались Мими и Изабелла. Развлекая Рузвельта, Уиттингейл зачитывал эпиграммы Эдмунда Клерихью Бентли, которого особенно любил старик Бофорт: «Джеффри Чосер / Не увлечет вас нипочем, сэр: / Он вставил неприличнейшие фразы / В „Кентерберийские рассказы“».

В библиотеку Бофорта со всего мира стекаются исследователи средневековой литературы для изучения иллюминированной рукописи «Кентерберийских рассказов» начала XV века. Искусствоведы приезжали в его особняк ради «Венеры Урбинской» Тициана, героиня которой как две капли воды похожа на женщину, позировавшую и для «Красавицы», что в палаццо Питти во Флоренции, и для «Девушки в мехах» из венского Музея истории искусств, и для картины «Портрет молодой женщины в шляпе с пером» из Эрмитажа.

КУРТ ГЕДЕЛЬ

Увы, в 1939 году сначала пришлось продать

иллюстрированный манускрипт Чосера, а затем и полотно Тициана. В коллекции остались картины, которые, хотя и с большой натяжкой, можно причислить к американскому регионализму 1920-х годов: второстепенные работы Гранта Вуда, Джона Стюарта Карри, Томаса Гарта Бентона и раннего Эндрю Уайета.

Почти все книги и гравюры пострадали от сырости. Библиотечный каталог был предоставлен одному аукционному дому в Нью-Йорке на условиях аренды — и канул в Лету. К концу 1940-х годов хозяйство Бофорт-Парка пришло в упадок, впрочем, как и школа Мими и Изабеллы.

В доме Бофорта процветает снобизм. Если на семейном ужине произнести чье-то громкое имя, кто-нибудь обязательно спросит: «А это кто? Этот человек учился в школе Сент-Дэвидз, окончил Гарвард или Йель?» Никакие заслуги не имеют такого значения, как благородная кровь, связи, династии, особняки и поместья, признание общества, негласное состояние и родословная.

Отец всегда хотел, чтобы его девочки закончили школу Сент-Дэвидз в Принстоне. Однако адвокатам Уитни Бофорта запрещено разглашать информацию о плачевном финансовом положении семьи. В общем, все идет к тому, что деньги скоро закончатся.

Сестры спят и видят, как поедут учиться в Королевскую академию музыки в Лондоне. Жаль, но такие расходы Бофорт не потянет. Семейные юристы, обратившись в банк, и так еле договорились о ссуде на оплату обучения в Сент-Дэвидз.

На время учебы и семнадцатилетняя Мими, и Изабелла, годом младше сестры, переезжают за пределы Принстона в дом своего дяди Брэдли, где их опекают экономка и слуги. Именно отсюда Мими случайно набрала номер Эйнштейна.

Дядя Брэдли Бофорт появляется здесь редко. Он вхож в ближайший круг Эйзенхауэра и занимает какую-то секретную должность в ЦРУ, отвечая за связь с Белым домом.

По дороге в Сент-Дэвидз Мими вдруг понижает голос:

— Изабелла, ты умеешь хранить секреты? Не подумай, что я сочиняю. Я только что разговаривала с Альбертом Эйнштейном.

— Ты… что-что?

— Разговаривала с Альбертом Эйнштейном.

— Шутка такая?

— Да говорю же тебе. Честное слово.

— Ага, Эйнштейн, ты серьезно? Тот самый Эйнштейн?

— Клянусь. Я звонила в аптеку. И ошиблась номером. А на том конце отвечают: «Говорит Альберт Эйнштейн». У него номер

триста сорок один двадцать четыре ноль ноль. А в аптеке — триста сорок один двадцать четыре девяносто девять.

У Изабеллы округлились глаза.

— Ты разговаривала с Альбертом Эйнштейном?

— Да, разговаривала, — снова повторяет Мими.

— И какой он?

— Очень приветливый. С немецким акцентом. Голос такой, будто он все время улыбается. Кстати, у него сегодня день рождения. Семьдесят пять.

— С ума сойти, это что-то невообразимое, — искренне радуется Изабелла, которая давно привыкла, что все самое «невообразимое» происходит именно с Мими.

В сыром зале с высокими потолками Мими и Изабелла оттачивают вторую часть Сонаты Моцарта для фортепиано и скрипки ми минор, К. 304.

Отыграв, Изабелла говорит:

— Уже неплохо, сыграем еще разок?

— Нам пора, — отвечает Мими. — Физика. Забыла, что ли? Е равно эм цэ квадрат.

— Сколько раз тебе повторять — я ничего в этом не понимаю, — срывается Изабелла. — Уж прости, не понимаю.

— Да что с тобой, Изабелла?

— Трудно объяснить. Давай лучше ограничимся музыкой.

Тем же утром, в начале одиннадцатого, Альберт и его преданный спутник Курт Гёдель — тот худой, сутуловатый человек с букетом роз — совершают неспешный моцион, оживленно беседуя.

Как обычно, прогулка до Института перспективных исследований занимает у них полчаса. Они перечисляют названия цветов, которые попадаются им на пути.

— Форзиция, магнолия звездчатая, магнолия Суланжа. Розовые цветки, фиолетовые, белые, — начинает Эйнштейн.

— Вишня уже цветет, скоро распустятся тюльпаны, нарциссы, зацветет гамамелис и кизил, — подхватывает Гёдель.

— Дела Божьи, — говорит Альберт. — Дела Божьи.

— Дела Божьи, — повторяет Гёдель.

Их коллеги по институту давно подметили, что эти странные на вид приятели общаются между собой абсолютно на равных. Есть что-то дикое в гениальности Гёделя, другое мироощущение, которое притягивает Альберта. Гёдель умело оперирует самыми загадочными философскими и математическими понятиями.

С другой стороны, Гёдель равняется на Альберта как на

иудея, пацифиста, социалиста, ученого-философа.

Впрочем, они не всегда находят общий язык, когда дело касается предпочтений в области искусства. Альберт, само собой, преклоняется перед Моцартом и Бахом. У Гёделя свой кумир — Уолт Дисней.

Тем не менее они схожим образом понимают пространство-время, четвертое измерение. Вдобавок Гёдель поддерживает идею о том, что в зависимости от распределения материи структура пространства-времени изгибается и преломляется. Поэтому космический аппарат, двигающийся с достаточной скоростью, может достичь любой точки в прошлом, настоящем или будущем.

Родом из Брунна в Австро-Венгрии, Гёдель окончил Венский университет и получил там место приват-доцента. В 1930-е годы он остался без работы, поскольку нацисты сочли его убеждения «сомнительными». Гёдель сможет претендовать на новую должность только в том случае, если выдержит проверку на «политическую грамотность».

У нацистов уже были подозрения: Гёдель три раза выезжал в США.

После того как в 1936 году одержимый нацистскими идеями студент убивает своего научного руководителя Морица Шлика на ступеньках Венского университета, у Гёделя развивается параноидальный страх убийства.

Через три года его признали годным к военной службе, и тогда он вместе со своей женой Адель, не раздумывая, покидает страну.

По Транссибирской магистрали чета Гёдель добирается до Японии, а оттуда на пароходе в Сан-Франциско, куда они прибывают в марте 1940 года.

Они окончательно обживаются в Принстоне, когда Институт перспективных исследований предлагает Гёделю место, на которое он будет ежегодно переизбираться до 1946 года, пока не получит постоянную преподавательскую должность.

В 1948 году Гёдель становится американским гражданином, но во время собеседования он все-таки заявил, что в Конституции Соединенных Штатов есть немало логических противоречий. Альберт, поручитель, вынужден призвать его закрыть рот и в конце концов уводит его от этой темы избитыми анекдотами.

В Принстоне Гёделя душат острые приступы ипохондрии: детские страхи, связанные с перенесенной ревматической лихорадкой, провоцируют два нервных срыва, в результате которых он еще больше отгораживается от окружающего мира.

К себе он подпускает только Адель. В возрасте двадцати одного года Гёдель познакомился с ней в Вене, когда ей,

танцовщице в ночном клубе *Der Nachtfalter* («Ночная бабочка») на площади Петерсплац, было двадцать семь. Адель успела развестись, даром что католичка. На ее лице темнела довольно приметная родинка. Конечно, родители Гёделя не одобряли такой мезальянс, но терпели.

Казалось, Гёдель напрочь выпал из жизни, когда в его голове поселилась идея, будто холодильник и радиатор выделяют газы, которые отравляют его пищу. Избегая личных контактов, он предпочитает долгие телефонные разговоры по ночам с любым, кто готов его слушать, а если слушателя не находится, он раз за разом пересматривает «Белоснежку» Уолта Диснея на своем шестнадцатимиллиметровом звуковом проекторе «Кодак».

Гёдель настоятельно просит жену не давать ему ничего, кроме масла, детского питания и касторки Флетчера. Но Адель не оставляет попыток переключить его настроения на позитивный лад, поэтому на лужайке перед их домом на Линден-лейн однажды появляется садовая скульптура розового фламинго. Гёдель только пробормотал, что это необычайно мило.

Но главное — за ее мужем пока сохраняется место в институте, который она, впрочем, называет богадельней.

Похоже, только общение с Альбертом возвращает Гёделю душевный покой. Притом что Альберт — самый известный ученый в мире. А имя Гёделя — величайшего логика своего поколения, — по большому счету, миру неизвестно.

Тем утром, весной 1954 года, их маршрут пролегает по кварталам, где почти нет белого населения. Чернокожие местные жители, узнав Альберта, добродушно улыбаются, а он улыбается им в ответ. Когда он покупает мороженое в киоске на Нассау-стрит, прохожие замедляют шаг.

К Альберту подбегает темнокожий мальчонка, размахивая альбомом:

— Можно, пожалуйста, ваш автограф?

— Разве ты меня знаешь? — спрашивает Альберт.

— Вы похожи на доктора Эйнштейна.

Альберт снова раскуривает свою трубку:

— Верно. Дай-ка посмотреть, чьи у тебя тут автографы.

И открывает альбом.

— Ух ты. Идите сюда, Гёдель.

Гёдель видит подпись: Тони Галенто.

— Боксер-тяжеловес, — сообщает Альберт. — Двухтонный Тони Галенто. Живет в Нью-Джерси. Рост метр семьдесят шесть, сто восемь килограммов веса. Двухтонный Тони.

— Неверно утверждать, что он весит две тонны, — замечает

Гёдель.

— Благородный спорт — это всегда преувеличение, — говорит Альберт. — В тридцать втором Галенто выиграл десятидолларовую ставку, съев пятьдесят два хот-дога перед боем с Артуром Де Кухом. Секундантам пришлось даже сделать разрезы на его боксерских шортах — иначе они бы на него не налезли. А с Де Кухом он разделался в четыре раунда.

Альберт и мальчик помирают со смеху.

— Гляньте, Гёдель, — автограф Джерри Льюиса. Вы знаете его?

— Нет.

— И Фрэнк Синатра есть. Вы знаете Синатру?

— Он получил «Оскар» за лучшую мужскую роль второго плана, сыграв рядового Анджело Маджо в фильме «Отныне и вовеки веков».

Гёдель подражает Синатре в роли Анджело:

— «Пойдем в укромный угол? У меня с собой есть виски, я спрятал его под майкой».

— Ого, — восклицает мальчик. — Обалдеть!

С заметным немецким акцентом Гёдель начинает петь «Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес».

Альберт не упускает возможности лишний раз подтянуть и поплясать.

— Я и помыслить не мог, — поражается Альберт. — Откуда вы этого набрались?

— Адель пела. Еще в «Ночной бабочке». Мой дед Иосиф, кстати, тоже пел в мужском хоре Брунна.

— И как пел — весело? — спрашивает Альберт. — Браво, браво.

Гёдель мрачнеет:

— Существуют иные миры и разумные существа иного и высшего типа. Мир, в котором мы живем, не является единственным миром, в котором мы жили или будем жить.

— У вас, люди, ручка-то есть? — напоминает о себе парнишка.

— Есть, — говорит Альберт. — Но если ты собираешься стать серьезным коллекционером автографов, советую тебе обзавестись собственной.

Альберт достает свою авторучку «Уотерман»:

— Вот. Здесь вся моя лаборатория.

— Разве вы не подарили ее Паулю Эренфесту? — спрашивает Гёдель.

— То была ручка, которой я впервые вывел формулу «Е равно эм цэ квадрат».

Оставив свой автограф, Альберт наклонился, чтобы дать мальчишке пятицентовик.

Но не меньше радости доставила мальчишке лохматая голова Альберта, которую ему даже удалось потрепать, когда она оказалась у него перед носом.

— У моего друга, профессора Гёделя, ты тоже должен взять автограф, — подсказывает ему Альберт.

— Почему это?

— Да потому, что работа Курта Гёделя по основаниям математики изменила мир, в котором мы живем.

— Он придумал бомбу?

— Нет, этим он не занимался.

— Он такой же гений, как вы?

— Он просто гений. Да. Понимает ли он, как и я, всю Вселенную, от величайшей галактики до мельчайшей элементарной частицы, — не знаю. Найдет ли он, как и я, принципы, которые охватывают все в единой теории поля, — увидим…

— Уговорили, — соглашается мальчик. — Распишитесь здесь, Курт.

Написав свое имя, Гёдель добавляет: «2 + 2 = 4».

— Это я и сам знаю, — гордо заявляет ребенок.

— Следовательно, и ты гений математики, — логически заключает Гёдель.

— Ну, скажете тоже, — говорит мальчик. — Вы, ребята, просто атас.

Возвращая ручку, мальчик нечаянно задевает чернильную пипетку, и на руки Альберта брызгает черная струйка.

— Оставь ручку себе, дружок, — улыбается Альберт, вытирая руки о платок.

Мальчишка мчится по улице победителем, размахивая в воздухе своим альбомом и новой авторучкой.

Альберт и Гёдель идут дальше.

— Всем обездоленным я сочувствую, как родным, — говорит Альберт. — Быть может, они унаследуют Землю и присоединятся к нам в следующей жизни. Скажите, Курт, вы верите в жизнь после смерти?

— Верю. Конечно верю. За пределами нашего мира должен быть другой.

— Почему?

— А почему нет? — спрашивает Гёдель. — Стоило ли вообще создавать человека, чтобы позволить ему постичь только одну из тысячи вещей, которые он способен постичь? Согласитесь, мы с вами прибыли на Землю, не зная зачем и откуда. Кто возьмет на

себя смелость сказать, что уходить мы будет такими же невеждами? По всей видимости, Земля рано или поздно погибнет.

— Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, — говорит Альберт, — чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного слабого отзвука, — это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен.

— Как я уже сказал, этот мир все равно кончится.

— Так ведь я и не спорю, — немного теряется Альберт, сбитый с толку настойчивостью Гёделя относительно вероятного конца Земли.

— Полагаю, что в новый мир мы заберем воспоминания о мире прежнем, при этом основные идеи сохранятся с точностью до частицы. Какое уравнение, по-вашему, самое известное?

— Е равно эм цэ квадрат?

— Ошибаетесь, — отвечает Гёдель. — Два плюс два равняется четырем.

— Ха-ха, — говорит Альберт. — «Ибо Твое…»

— «Жизнь очень…» — подхватывает Гёдель.

— «Ибо Твое есть…» — продолжает Альберт.

Танцуя вприпрыжку, они скандируют:

— «Вот как кончится мир. Вот как кончится мир. Вот как кончится мир. Не взрыв но всхлип».

Не переводя дыхания, Альберт спрашивает:

— Скажите мне честно, Курт Гёдель, вы хоть что-нибудь едите?

Усмехнувшись, Гёдель будто крякнул.

— Шутки в сторону, доктор Гёдель.

— Вы употребляете пищу, дабы утешиться, — говорит Гёдель, — потому что вам не удалось найти единую теорию поля, чтобы объединить квантовую механику с общей теорией относительности.

— Вы ни во что из этого не верите? — спрашивает Альберт.

— Нет.

— Но почему?

— Потому что я вообще не верю в естественные науки, — говорит Гёдель. — Все, что они нам дали, — телевидение и бомбы. Разве вы не верите в математику?

Альберт оттягивает помочи, на которых держатся его мешковатые брюки.

— Я верю в свое чутье.

— То есть в Бога? — уточняет Гёдель.

— Бог со мной не советуется, — сетует Альберт. — А мог бы. Почему, например, Вселенная со временем расширяется? Ведь она

действительно расширяется. Существует новое пространство-время.

Гёдель смотрит в небо:

— Мы живем в мире, где уничтожается девяносто девять процентов всего прекрасного. Но сам мир этого не понимает. Мир не понимает ни словечка из того, что мы ему пытаемся сказать.

— Так вы потому отказываетесь принимать пищу, Курт?

— Я не ем потому, что мне неверно выписали лекарства. Потому что мои доктора вообще разучились писать. Им проще упечь меня в сумасшедший дом. Там и будет моя могила. А вы уже думали о своей?

— Боюсь, моя могила, — говорит Альберт, — обречена стать местом паломничества.

Гёдель смеется:

— Где будут выставляться ваши святые мощи?

— Ага, — улыбается Альберт. — А как вы поступите со своими останками, Курт?

Гёдель фыркает себе под нос:

— Я хочу, чтобы меня кремировали в течение девяноста минут при температуре от семисот шестидесяти до тысячи ста пятидесяти градусов Цельсия. И никакого надгробия не надо. Никакого «Покойся с миром». *Requiescat in pace*. Как нам удостовериться, в мире мы покоимся или нет? Я доверяю только математике. А языку — нет.

— И никто не доверяет нам обоим, — говорит Альберт. — В Принстоне меня уже давно окрестили деревенским дурачком. Чего же вы хотите, Курт?

— Чтобы меня запомнили как человека, который открыл, что языку доверять нельзя. А вы?

— Чтобы меня не запомнили как человека, который изобрел атомную бомбу. Знаете, какую главную ошибку я совершил в своей жизни?

— Расскажите, — говорит Гёдель.

— Когда, подписав то письмо президенту Рузвельту, я своей рукой одобрил создание бомбы.

— Вас можно простить. Все-таки немцы, вероятнее всего, уже задумывали нечто подобное, и, добейся они своего, ничто бы не отвратило их от применения этого гнусного оружия ради того, чтобы стать высшей расой. Так что же, у вас есть план «Б»?

— Напишу Бертрану Расселу в Англию. Он предаст гласности то, что, по нашему мнению, необходимо сделать. «Должны мы уничтожить человеческий род или человечество откажется от войн? Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну». Я же не должен стыдиться, что

пытался предотвратить гибель жизни на Земле?

На подходе к институту Гёдель заприметил высокого и очень худого человека с хмурым лицом.

— Вот это да, — шепчет Гёдель. — Угадайте, что я вижу. Начинается на «О».

— Хм, а я думал, он еще на Сент-Джоне, в Виргинском архипелаге, — говорит Альберт.

— Могу я поздравить вас с днем рождения? — приветствует его Оппенгеймер.

— Искренне признателен, мой любезный директор.

Благородный идальго Оппенгеймер, который родился за год до того, как Альберт вывел свое $E = mc2$, протягивает Альберту сверток.

— Заходите в перерыве ко мне в кабинет, отметим юбилей. И вы тоже, Курт.

— Можно ли рассчитывать на ваш прославленный мартини? — интересуется Гёдель.

— Определенно, — бросает Оппенгеймер, уходя по своим делам.

Несколько студентов толпятся у дверей института, наблюдая за этой встречей.

Альберт разворачивает сверток от Оппенгеймера. Внутри — «Бхагават-гита».

Вместо открытки Оппенгеймер оставил в ней закладку с надписью: «Линия фронта приблизилась к нам вплотную. С днем рождения, величайший из ученых. Дж. Р. О.».

Альберт читает: «В разгаре битвы, в лесу, в горном ущелье, / Посреди огромного темного моря, в гуще копий и стрел, / Когда спит, когда растерян, когда полон стыда, / Добрые дела, сделанные прежде человеком, защитите его».

Стоило Альберту с Гёделем переступить порог института, как толпа студентов и преподавателей взрывается аплодисментами. Многие прихватили фотоаппараты, чтобы запечатлеть Альберта в такой день.

С юмором и характерным спокойствием Альберт исполняет то, ради чего, собственно, и собрались студенты-фотографы, то, что он сделал, отмечая в Принстонском клубе свой семьдесят второй день рождения, когда Артур Сассе, фотограф агентства «Юнайтед пресс», выпрашивал у Альберта разрешение на еще один снимок: он показывает язык.

Под пение «С днем рожденья тебя» по институту разносится всеобщее ликование.

Во второй половине дня в дом на Мерсер-стрит заглядывает Йоханна Фантова, чтобы привести в порядок голову Альберта.

Они познакомились еще в 1920-е годы. Йоханна родилась в Чехословакии и была на двадцать лет моложе Эйнштейна, но сейчас, с начала 1950-х, она работает в картографическом отделе Принстонской библиотеки, а в свободное время разделяет с фрау Дюкас обязанности личного помощника и секретаря Альберта.

Ему приятно, когда она нежно разглаживает копну его непослушных седых волос, отстригая лишнее, когда заботливо ровняет усы. Отрезанные пряди падают в импровизированный капюшон, который она соорудила на его плечах из куска материи. Монотонные движения ее рук пробуждают в нем излишнюю словоохотливость.

— Мне пишут все безумцы этого мира. Так жалко иногда на них смотреть. Вот одна женщина просит выслать для ее детей полдюжины автографов — мол, ей больше нечего им оставить.

— И вы ей верите?

— Разумеется, нет. Но давай отправим на всякий случай. А еще какой-то физик говорит, что я математик, а математик считает меня физиком. Может, пусть тогда Джозеф Маккарти со своим комитетом решит, кем меня считать. Я по горло сыт его нападками на Оппенгеймера. Почему бы не вспомнить, сколько Гейзенберг сделал для Гитлера?

— Зато он хороший пианист.

— С таким же успехом и Гитлера можно называть неплохим художником.

— Гейзенберг хочет с вами встретиться.

— Вот еще. Когда он придет, скажите, что меня нет.

— А еще сын Нильса Бора.

— Уге Бор, конечно, не такой пакостник, как Гейзенберг, но уж слишком много говорит.

Альберт резко поворачивается к пианино, не замечая, что Йоханна продолжает орудовать ножницами.

— Я живу, предаваясь мечтам о музыке. Да и вообще, не представляю без нее своей жизни.

— Я знаю.

— Правда? Тогда послушайте.

Он исполняет Сонату Моцарта для фортепиано № 16 до мажор, K. 545.

— Ничто не приносит мне такой радости, как музыка.

Йоханна слушает, покачивая головой в такт упоенным движениям Альберта.

Фрау Дюкас носится по дому со скоростью света.

Она с головой ушла в подготовку праздничного концерта, не менее важного события, чем в 1952 году, когда в гостях у Альберта был Джульярдский струнный квартет, исполнявший Бартока, Бетховена и Моцарта. Тогда они уговорили Альберта сыграть вместе с ними.

Для предстоящего концерта у него припасен небольшой сюрприз. Пока фрау Дюкас возится со своими делами, он набирает номер, записанный на письме Борна.

Мими Бофорт снимает трубку.

— Это Мими?

— Да.

— Говорит Альберт Эйнштейн.

— Я как чувствовала. Поздравляю с днем рождения.

— Ах да, спасибо. Спасибо, Мими.

ЙОХАННА

— Как ваши дела, доктор Эйнштейн?

— В общем неплохо, если учесть, что я практически безболезненно пережил нацизм и двух жен. А вы чем сейчас занимаетесь?

— Репетирую.

— Что играете?

— Вторую часть Сонаты Моцарта для фортепиано и скрипки ми минор, Ка триста четыре.

— А скрипка у вас под рукой?

— Конечно, — отвечает Мими.

— Можете сыграть для меня немного?

— Ну конечно.

Альберт слушает, забыв обо всем на свете.

— Браво, — говорит он, чуть не плача. — Это прекрасно. — Волнуясь, как подросток, он тараторит будто заученный текст. — Через десять дней вы должны прийти ко мне в гости. Компания прекрасных музыкантов дает небольшой концерт по поводу моего дня рождения. Я хочу, чтобы вы были здесь. Обещаете прийти и сыграть для меня?

— Конечно приду. А во сколько?

— Семь тридцать, знаете, куда приходить?

— Я посмотрела в справочнике.

— А мороженое вы любите?

— Кто же не любит.

— Вот и я люблю. Будем играть Моцарта и есть мороженое.

— Можно, я возьму свою сестру Изабеллу? Мы бы вместе исполнили эту сонату Моцарта.

Покинув кабинет, Альберт бродит по дому в поисках фрау Дюкас. Она на кухне.

— Отлучусь на пару часиков, — предупреждает ее Альберт.

— Куда это вы?

— В институт пойду, с Гёделем, — говорит Альберт. — У тебя сейчас столько хлопот. Не буду мешаться под ногами. И вот еще что, Элен, вечером придет мой душеприказчик, Отто Натан. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы в доме было достаточно мороженого для сегодняшних гостей.

Эйнштейн выходит из дома и радостно идет по Мерсер-стрит, напевая «Маленькую ночную серенаду» Моцарта: Там-та-дам-та-да-та-да-та-дам! Там-та-дам-та-да-та-да-та-дам!

Он даже не замечает припаркованный на улице черный седан «форд-тюдор», водитель и пассажир которого исподлобья провожают его взглядом.

Оба ждут, пока Альберт скроется из виду; затем выходят и направляются к его дому.

Фрау Дюкас открывает дверь, услышав звонок.

Она сразу подумала, что это, наверное, очередные «свидетели

Иеговы» или кто-то из «Христианской науки» или от сайентологов.

Один из них, с бычьей шеей, скалит желтые зубы:

— Вы не могли бы уделить нам несколько минут?

— Извините, сейчас у меня нет времени, — отвечает фрау Дюкас.

— Вы Элен Дюкас? — спрашивает второй.

— Да, это я. Что вам угодно?

— Вы секретарь и экономка доктора Эйнштейна?

— Все верно. Но доктора Эйнштейна сейчас нет дома. Если хотите, я могу записать вас к нему на прием.

— Дело в том, — говорит первый, — что мы бы хотели поговорить именно с вами.

— Со мной? Интересно о чем? А вы, собственно, кто?

Они синхронно достают свои документы в черных футлярах и предъявляют жетоны специальных агентов Федерального бюро расследований из офиса ФБР в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Специальный агент Джон Руджеро и специальный агент Ян Гжескевич.

— ФБР? — удивляется фрау Дюкас. — А что случилось?

— Ничего особенного, фрау Дюкас, — объясняет желтозубый Руджеро. — Мы просто хотели кое-что прояснить с вашей помощью.

— Ладно. Только недолго. Давайте зайдем внутрь.

— Где мы можем переговорить с глазу на глаз? — спрашивает Гжескевич.

Она отводит их в кабинет Альберта.

Гжескевич поворачивается спиной к фрау Дюкас и своему напарнику. Засунув руку во внутренний карман пиджака, он включает диктофон «Протона минифон». Микрофон встроен в его наручные часы. Руджеро вынимает блокнот и шариковую ручку. Начинает задавать вопросы:

— Вы работаете на доктора Эйнштейна с двадцать восьмого года?

— Да.

— Секретарем и экономкой?

— Да. Раньше эти обязанности выполняла жена доктора Эйнштейна, и она же, конечно, готовила.

— Эльза. Еще в Берлине?

— Да, Эльза, — отвечает фрау Дюкас. — Но это было почти двадцать пять лет назад. В Берлине. А сейчас доктору Эйнштейну семьдесят пять. Он слаб. У него плохое сердце. Впрочем, джентльмены, мне нужно закончить свои дела.

— Как и нам, мэм, — усмехается Руджеро. Достает пачку

«Кэмел». — Сигарету?

— Нет, — отвечает фрау Дюкас.

Руджеро закуривает.

— Мы должны спросить у вас, говорит ли вам о чем-нибудь имя Георгий Михайлович Димитров. Что вы можете о нем сказать?

— О Димитрове? Его вместе с другими коммунистами обвиняли в поджоге Рейхстага. Но потом оправдали.

Руджеро начинает читать, глядя в свой блокнот.

— Димитров перебрался в Москву и, будучи генеральным секретарем исполкома Коминтерна, поощрял формирование движений народного фронта против нацистов, за исключением того периода, когда Сталин сотрудничал с Адольфом Гитлером. В сорок четвертом году он руководил сопротивлением болгарскому правительству, поддержавшему страны «оси», а в сорок пятом вернулся в Болгарию, где был немедленно назначен председателем «Отечественного фронта», подконтрольного коммунистам. Сконцентрировав в своих руках единоличный контроль над политической ситуацией, он объединил коммунистические силы, что в сорок шестом году привело к образованию Народной Республики Болгария. Он звонил доктору Эйнштейну в Берлин.

— Этого я не помню. В любом случае, доктор Эйнштейн редко пользовался телефоном, предпочитая решать свои дела по почте.

— У вас есть копии его писем?

— Под рукой нет.

— Вы интересуетесь политикой, фрау Дюкас?

— Только в том смысле, что я была против Гитлера в Германии. Все мои друзья — евреи. Поэтому в первую очередь меня беспокоил еврейский вопрос. Вообще, все, что мне небезразлично в жизни, — это еврейский вопрос и доктор Эйнштейн. Вы полагаете, доктор Эйнштейн симпатизирует коммунистам?

— А вы считаете, что для этого есть основания? — заискивающе спрашивает Руджеро.

— Нет, не считаю.

— Но согласитесь, фрау Дюкас, что по прошествии многих лет память может вам изменять?

— Вы о чем?

— Имена, даты, места, — объясняет Руджеро. — Которые связаны с жизнью доктора Эйнштейна в Берлине с двадцать восьмого по тридцать третий год. Мы располагаем информацией, что прежняя секретарша доктора Эйнштейна — либо Эльза, либо

его старшая падчерица — поддерживала контакты с советскими агентами.

— Его падчерица работала секретарем до двадцать шестого года, пока не вышла замуж. В любом случае, она уже умерла. И Эльза тоже.

— Вы помните квартиру доктора Эйнштейна?

— Разумеется.

— Ведь в ней было два входа. Парадная лестница выходила на Габерландштрассе. А черный ход?

— На Ашаффенбургерштрассе.

— То, что нужно, чтобы агенты приходили и уходили, не привлекая внимания?

— Вам виднее. Я об этом никогда не задумывалась.

— А вот я задумался, — говорит Руджеро. — Из-за ухудшения здоровья доктора Эйнштейна в марте двадцать восьмого года ему пришлось нанять нового секретаря. Эльза Эйнштейн переговорила с вашей сестрой Розой из Еврейской организации помощи сиротам. Роза порекомендовала вас. И в пятницу тринадцатого апреля двадцать восьмого года вы пошли на собеседование в дом номер пять по Габерландштрассе.

— Да. Но я, вообще-то, хотела отказаться от этой работы.

— Почему?

— Я же ничего не понимаю в физике.

— Но вы поддерживали связь с коммунистами?

— Конечно нет.

— А вот ваш зять Зигмунд был коммунистом, и его племянник Альберт Волленбергер тоже. И когда доктор Эйнштейн переехал в США, Волленбергер оказывал ему финансовую помощь. Я уж не говорю о том, что доктор Эйнштейн поддерживал многочисленные коммунистические организации, о чем было известно и в самой Германии, и за ее пределами. Он был попечителем фонда помощи детским домам «Красная помощь», членом Общества друзей новой России, Международного комитета помощи рабочим и Всемирного комитета против империалистической войны.

— Возможно. Всего не упомнишь.

— Значит, вы утверждаете, что доктор Эйнштейн никогда не был коммунистом?

— Безусловно, не был.

— И антикоммунистом тоже?

— Точно не знаю.

— А вы?

— Я — как и он.

— Вы не антикоммунисты?

Фрау Дюкас молчит.

Руджеро поворачивается к записывающему Гжескевичу:

— У тебя есть какие-нибудь вопросы?

— Нет, — отвечает Гжескевич.

— Хорошо, фрау Дюкас, — говорит Руджеро. — Благодарю за сотрудничество. Было очень любезно с вашей стороны.

— Всегда пожалуйста.

— Могу я взять с вас честное слово, что эта беседа останется между нами?

— А если нет?

— Тогда нам придется арестовать вас на основании закона «О шпионаже». Стоит ли говорить, как это навредит репутации доктора Эйнштейна. Вы же не хотите повторить судьбу Розенбергов?

Фрау Дюкас из последних сил сдерживается, чтобы не сорваться.

— Неужели вы забыли? Неужели вы забыли, что Сартр назвал этот процесс юридическим линчеванием, вымазавшим кровью целую страну?

— И доктор Эйнштейн был против, верно, фрау Дюкас? И Бертольт Брехт, и Дэшил Хаммет, и Фрида Кало.

— Думаю, вам пора уходить, — говорит фрау Дюкас.

— Тогда, фрау Дюкас, не упоминайте о нашем визите, хорошо? — говорит Руджеро. — Сюда никто не приходил, понятно?

Фрау Дюкас молча указывает им на дверь.

— Приятного вечера, фрау Дюкас, — говорит Руджеро.

От страха она проглотила язык. Какое-то время постояла без движения, наблюдая, как вальяжно они идут в сторону машины, довольные проделанной работой.

Фэбээровцы уезжают не сразу.

Руджеро поворачивается к Гжескевичу:

— Ты думаешь о том же, о чем и я?

— Какого дерьма она только не наговорила?

— Ага.

— Вот именно, братишка.

Гжескевич вытаскивает из кармана записывающее устройство и, перемотав катушку, включает запись в случайном месте — убедиться, что во время разговора техника не подвела.

«Все, что мне небезразлично в жизни, — это еврейский вопрос и доктор Эйнштейн. Вы полагаете, что доктор Эйнштейн симпатизирует коммунистам?»

— Да, полагаем, — отвечает сам себе Руджеро, трогаясь с

места.

— Теперь он наш с потрохами, пускай готовят камеру.

— «Старина Спарки»? — щерится Гжескевич.

— Все к тому идет.

— Ты когда-нибудь видел, как работает эта штуковина?

— А то! — отозвался Руджеро. — Парня пристегивают ремнями. Дают последнее слово. Потом — шум вытяжного вентилятора. Вспышка, хлопок, тело конвульсивно дергается секунд пятнадцать. Потом снова пускают ток. Это делается, чтобы заклеймить позором грязные преступления против человечества. Потому что мы должны знать свою историю.

— Какими были его последние слова?

— Да разве я запоминал?

— Как думаешь, что будет с Эйнштейном?

— Понятия не имею.

— Может быть, е равно эм цэ квадрат?

— Обхохочешься. А может, ты и прав.

— Ты вообще знаешь, что это такое?

— Е равно эм цэ квадрат?

— Да, что это значит?

— Да откуда же мне знать?

— Какая-то жидовская ересь?

— Жидовско-коммунистическая.

— Одна фигня.

— Мы его прибьем к стенке.

— Так он сам себя прибил.

— Как Иисус.

— Эй, полегче, приятель. Здесь Соединенные Штаты Америки.

В среду утром, 24 марта 1954 года, Мими и Изабелла приезжают за новыми нарядами в недавно открывшийся магазин «Энн Тейлор» на Палмер-Сквер.

Мими останавливает свой выбор на гладком коктейльном платье из черного шелка. Кринолин, вшитый в подкладку, придает юбке дополнительный объем. Нижний край отделан лентой. К платью она покупает туфли-рюмочки цвета темного серебра.

— Похоже на Грейс Келли? — спрашивает Мими сестру.

— Скорее, на Еву Мари Сент, — говорит Изабелла. — Из «В порту».

Для Изабеллы они вместе выбирают платье в цветочек.

— А я на кого похожа? — спрашивает Изабелла.

— На Дорис Дэй.

— Какие они все старые, — вздыхает Изабелла. — Мы скорее как Одри Хепберн.

— «Это все равно что дотянуться до луны».

— Это из «Сабрины»?

— Ага.

Альберт пребывает в добром расположении духа среди своих друзей, собравшихся в музыкальной гостиной на первом этаже его дома на Мерсер-стрит.

Он аккомпанирует на пианино «Бехштейн» яркому контральто Мариан Андерсон.

МАРИАН АНДЕРСОН

Двадцать лет назад Андерсон постоянно разъезжала с концертами. Но никуда не денешься от расовых предрассудков: многие гостиницы и рестораны закрывали перед ней двери.

На расовую дискриминацию в отношении Мариан Альберт реагировал особенно резко. В 1937 году он принял ее в своем доме, потому что накануне выступления в Принстонском университете ей отказались предоставить номер в гостинице. А теперь поговаривают, что она ждет приглашения от

Метрополитен-опера, на сцене которой никогда еще не выступал темнокожий артист.

На вечере у Альберта она исполняет «Аве Марию» Шуберта.

Публика восторженно рукоплещет.

Несмотря на то что многие гости давно знакомы друг с другом, Альберт начинает представлять их одного за другим:

— Моя падчерица Марго. Роберт Оппенгеймер, он же Оппи, его жена Китти и дети Тони и Питер. Курт и Адель Гёдель. Янош Плеш, мой лечащий врач, его жена Мелани и дети Андреас Одило, Дагмар Гонория и Питер Хариольф. Доктор Отто Натан, мой душеприказчик. Первый темнокожий профессор Принстонского университета Чарльз Т. Дэвис, литературовед и критик, а также Жанна, Энтони и Чарльз… Мой гость из Японии — Тоитира Киносита, физик-теоретик… Гости из Швеции — математик Арне Карл-Август Бёрлинг и Карин… Искусствовед Эрвин «Пан» Панофски, а также Дора, Вольфганг и Ганс… Из Китая физик Янг Чжэньнин и его жена Ту Чили… Йоханна Фантова… Мими и Изабелла Бофорт.

Все приветствуют друг друга аплодисментами.

— Мой врач запретил мне сегодня прикасаться к скрипке, — посмеивается Альберт. — Поэтому встречайте: вторая часть Сонаты Моцарта для фортепиано и скрипки ми минор, Ка триста четыре, в исполнении мисс Мими и мисс Изабеллы Бофорт.

Сестры Бофорт играют безукоризненно.

Гости, встав со своих мест, устраивают им овацию.

Из рук фрау Дюкас каждой достается по букету красных роз невероятного размера.

Подняв руку, Альберт просит тишины:

— А теперь я попрошу сестер Бофорт сыграть Анданте из Концерта Моцарта для фортепиано с оркестром номер двадцать один до мажор, Ка четыреста шестьдесят семь, но на этот раз под аккомпанемент. К ним присоединятся флейта, два гобоя, два фагота, две валторны, две трубы, литавры и струнные.

Под дальнейшие аплодисменты оркестр кое-как рассаживается в тесноте.

Альберт берет на себя роль дирижера.

Музыка волной растекается по Мерсер-стрит.

На тротуаре, наслаждаясь звуками, одиноко сидит чернокожий мальчонка с альбомом для автографов и черной авторучкой «Уотерман».

После выступления снова раздаются шумные аплодисменты.

Каждый из скрипачей берет свой смычок. Альберт, Мими и

Изабелла держатся за руки.

Стоило аплодисментам немного стихнуть, как Альберт вполголоса спрашивает:

— Придете ко мне завтра вдвоем?

— Конечно, — соглашается Мими. — А давайте как-нибудь прокатимся на лодке все вместе?

— Надо поразмыслить… — сомневается Альберт. — Вы умеете плавать?

— А как же, — говорит Мими. — А вы?

— Нет, — отвечает Альберт. — Так и не научился.

С другого конца комнаты фрау Дюкас наблюдает за горничными, которые выставляют блюда на стол. Любимый суп Альберта — с яичной паутинкой. Спаржа. Свиная вырезка со сладкими каштанами. Лосось под майонезом. Отдельный стол для клубники, мороженого и безе.

— Мы не были официально представлены, — подходит фрау Дюкас к Изабелле. — Я Элен Дюкас, секретарь доктора Эйнштейна. Вы играли превосходно.

— Благодарю вас.

— Вы из музыкальной семьи?

— Вовсе нет, — отвечает Изабелла. — Лучше сказать, из военной. Мой дядя, Брэдли Бофорт, служит в Лэнгли, занимается чем-то секретным и отвечает за контакты с Белым домом. Он дружит с Эйзенхауэром и Первой леди.

— Так-так, — слышится чей-то голос. — Меня зовут Отто Натан. Рад, что вы уже познакомились с фрау Дюкас. Она мой прекрасный сораспорядитель завещания доктора Эйнштейна.

— Представляю, какая это ответственность, — говорит Мими.

— Вы правы, — соглашается Натан. — Для меня это большая честь.

Мими не совсем понимает, зачем строго одетый Натан вдруг об этом заговорил. Впрочем, на вид он не менее загадочен, чем Альберт.

В воскресенье, 28 марта, Мими снова приходит к Альберту на Мерсер-стрит.

Поделившись впечатлениями от прошедшего музыкального вечера, она начинает рассказывать ему о том, что хочет представить в школе проект с фотографиями под названием «Доктор Альберт Эйнштейн».

— Вы согласитесь поучаствовать?

— Я к вашим услугам, — охотно соглашается Альберт. — Задавайте свои вопросы.

— Мы можем начать с вашей семьи? — спрашивает Мими.

Альберт набивает трубку табаком, закуривает.

— Да. Да. У меня, кстати, много семейных фотографий. Фотографии ведь никогда не стареют. Мы с вами меняемся. Люди меняются, но фотография времени неподвластна. Всегда приятно разглядывать старые фотографии отца с матерью. Ты видишь их такими, какими запомнил. Двигаясь по жизни, люди меняются кардинально. Именно поэтому я думаю, что фотография — хорошее дело.

— И я так думаю.

Вместе они садятся за его стол. Альберт достает несколько альбомов с семейными фотографиями.

Сделав кое-какие записи, Мими берет свою фотокамеру «Энско Шур-флэш», чтобы переснять подборку семейных фотографий из альбомов Эйнштейна.

— Моего отца звали Герман Эйнштейн. Он немецкий еврей. Родился в тысяча восемьсот сорок седьмом году. А умер в тысяча девятьсот втором.

— Чем он занимался?

— Чем занимался? Продавал перины. — Эйнштейн показывает Мими несколько фотографий, тонированных сепией. — В детстве, когда мне было четыре или пять лет, отец показал мне компас. То, что стрелка вела себя так определенно, никак не подходило к тому роду явлений, которые могли найти себе место в моем неосознанном мире понятий… Я помню еще и сейчас… что этот случай произвел на меня глубокое и длительное впечатление. — Он вздыхает. — У них с моей матерью, Паулиной, было двое детей. Я и моя сестра Майя. Она скончалась в пятьдесят первом году.

— А вот здесь кто? — спрашивает Мими.

— Это Милева, мы поженились в тысяча девятьсот третьем. У нас было трое детей. Одной, Лизерль Мари, больше нет. Двое других — наши сыновья: Ганс Эйнштейн появился на свет в Берне, а Эдуард Эйнштейн — в Цюрихе, ему поставлен диагноз «шизофрения». Когда в девятнадцатом году мы с Милевой развелись, я сразу женился на своей двоюродной сестре, Эльзе Эйнштейн-Левенталь, у которой было двое детей от первого брака с Максом Левенталем. Падчериц, Марго и Ильзе, я взял под свое крыло. У меня есть один внук, сын Ганса Альберта, Бернхард Эйнштейн (второй внук, Клаус, умер в детстве от дифтерии), и внучка, приемная дочь того же Ганса. Это и есть моя семья. Вроде как ничего особенного, правда?

— Я бы так не сказала, — возражает Мими. — А еще мне нужно поговорить с доктором Оппенгеймером.

— Ваше право… а зачем?

— Я хочу расспросить его о вашем участии в разработке ядерной бомбы.

Альберт вздрагивает:

— Мое участие в создании ядерной бомбы состояло в одном-единственном поступке. Я подписал письмо президенту Рузвельту, в котором подчеркивал необходимость проведения в крупных масштабах экспериментов по изучению возможности создания ядерной бомбы. Оппенгеймер скажет вам, что я полностью отдавал себе отчет в том, какую опасность для человечества означает успех этого мероприятия. Однако вероятность того, что над той же самой проблемой с надеждой на успех могла работать и нацистская Германия, заставила меня решиться на этот шаг. Я не имел другого выбора, хотя я всегда был убежденным пацифистом. Я уверен, что убийство во время войны ничем не отличается от обычного убийства.

— Вы и сейчас так думаете?

— Разумеется. Запомните это, Мими. Самая прекрасная эмоция, которую нам дано испытать, — ощущение тайны.

Он указывает на рамку с эмблемой джайнизма, символом учения о ненасилии.

— Ладонь раскрыта. В положении «абхаямудра», это такой индуистский и буддистский жест, видите? Колесо в центре ладони — это колесо Сансары, закона дхармачакры. Слово в центре колеса читается «ахимса», то есть «непричинение вреда». Никакого насилия. Мы живем на этой маленькой планете все вместе, но каждый человек считает себя ее центром. Мы существуем параллельно, но иногда пересекаемся, вы согласны? Мы встречаемся в пространстве-времени. Все дело в относительности, Мими.

— Е равно эм цэ квадрат?

— Именно, однако я заговорился. Предлагаю вам с Изабеллой прокатиться со мной на лодке. Вам будет весело. А значит, и мне тоже.

В конце марта Альберт, Мими и Изабелла отправляются в плавание на его парусном ботике «Тинеф»[10] по местному водохранилищу — озеру Карнеги.

Он протягивает Мими карандаш и лист бумаги:

— Держите под рукой, возможно, понадобятся кое-какие расчеты.

Он ловит ветер, не замечая волн и пены. Мими с Изабеллой сидят прямо на палубе по обе стороны от шверта.

— Помните, как у Мелвилла? — выкрикивает им Альберт. — «Вы только подумайте, до чего коварно море: самые жуткие существа проплывают под водой почти незаметные, предательски

прячась под божественной синевой… Подумайте обо всем этом, а затем взгляните на нашу зеленую, добрую, смирную землю — сравните их, море и землю, не замечаете ли вы тут странного сходства с тем, что внутри вас?»

Вжимаясь в сиденья, сестры крепче ухватываются за борта маленькой лодки.

Альберт знает, что надо делать. Знать-то он знает — теоретически. Брызги тем временем обдают всех троих с головы до ног.

— Успех нашего предприятия зависит от направления парусника относительно направления ветра. Нельзя плыть прямо против ветра. Но, развернувшись к ветру под сорок пять градусов, мы пойдем нужным галсом.

Ботик несется по гладкой воде озера. Невозмутимый кормчий Альберт, закусив в зубах трубку, пропускает мимо ушей обеспокоенные выкрики со встречных яхт. У него на все один ответ: «Суета сует, все суета».

Увидев, что Альберта колотит, как в ознобе, сестры Бофорт, сами напуганные до смерти, пытаются спасти ситуацию.

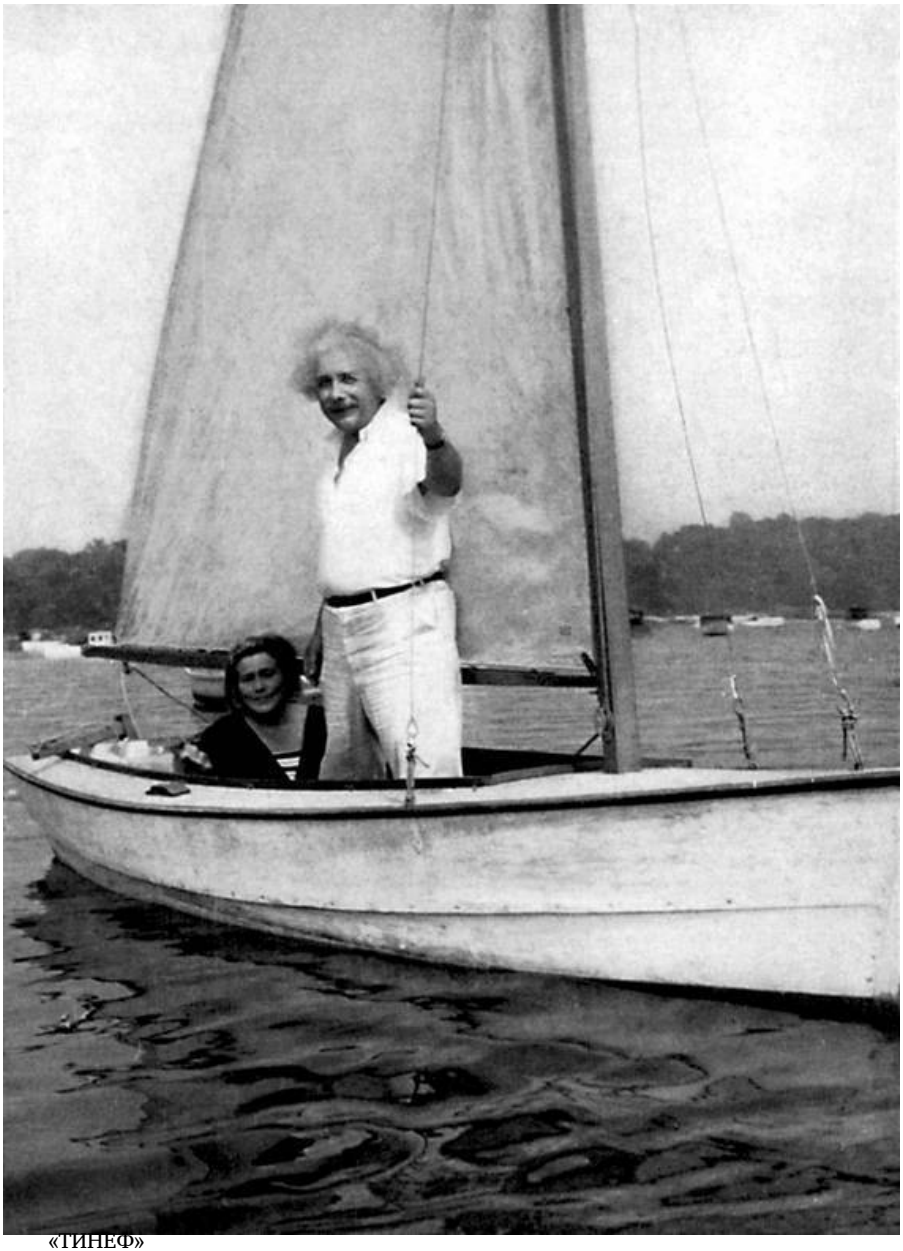
— Давайте я возьму румпель? — предлагает Мими.

— Вы меня очень обяжете, — соглашается Альберт.

— Пустяки, — говорит Мими.

Чтобы Мими взяла румпель, всем троим нужно пересесть. Парусник продолжает бороться с ветром. За что ни схватишься — все выскальзывает из рук. Теперь трудно выполнить даже простой, казалось бы, маневр. Изабелла замерла без движения.

Альберт кое-как удерживает равновесие, стоя на полусогнутых. Одной рукой он опирается на румпель, а второй тянется к Мими.



«ТИНЕФ»

Изабелла подается вперед, чтобы помочь. Центр тяжести ботика резко смещается. «Тинеф» подскакивает и дает сильный крен.

Альберт гнется набок, придавая ботику более крутой наклон. Когда, потеряв равновесие, он выпускает руку Мими, его тело скатывается к борту и через мгновение исчезает в волнах.

— О господи! — вопит Мими.

Она отплывает на безопасное расстояние, чтобы дно парусника не задело Альберта, затем делает быстрый поворот через фордевинд и, потравливая парус, двигается к ветру.

Прямиком к тому месту, где в панике барахтается Альберт. Мими тормозит ход судна против ветра, выталкивая гик на подветренную сторону, чтобы снизить скорость. Подойдя к Альберту, лодка почти полностью остановилась.

Мими навалилась на один борт, пока Изабелла на другом пытается ухватить Эйнштейна за куртку. Вцепившись в него со всей силой, она втаскивает его обратно в лодку.

— Поворачиваем к дому! — выкрикивает Мими против ветра.

Изабелла гладит промокшего насквозь Альберта по голове, как маленького, и вдруг он говорит:

— «Ах, зачем я так ревела! — подумала Алиса, плавая кругами и пытаясь понять, в какой стороне берег. — Вот глупо будет, если я утону в собственных слезах! И поделом мне! Конечно, это было бы очень странно! Впрочем, сегодня все странно!»

Нет такой двери, которая не откроется перед Альбертом. Так полагает фрау Дюкас, и кабинет Брэдли Бофорта не исключение.

Район Фогги-Ботом в Вашингтоне встретил ее влажным удушливым воздухом — Фаренгейт показывал 85 градусов. Из кабинета Бофорта в одном из зданий ЦРУ открывается вид на государственный департамент США на E-стрит, 2430. Ясно видны логотип и печать ЦРУ.

В своем кабинете Бофорт встречает фрау Дюкас, демонстрируя свои великосветские манеры.

— Я очень ценю, что вы смогли выделить для меня время, — говорит фрау Дюкас.

После обмена любезностями он просит фрау Дюкас перейти к делу, и тогда она рассказывает ему о своем разговоре с агентами ФБР.

Секретарь ведет стенограмму.

Бофорт перебирает папки на своем столе.

— Понимаете, фрау Дюкас, ЦРУ и ФБР — две разные структуры.

— Да, я знаю, — отвечает она.

— Досье на доктора Эйнштейна впечатляет, — говорит Бофорт. — Ученый. Философ. Активист. Непримиримый противник шовинизма и расизма.

— Да-да, — говорит фрау Дюкас. — Он выступал в защиту «Скоттсборо бойз», пострадавших от расизма в Алабаме, а после того линчевания в сорок шестом году он поддержал Пола Робсона

в «Американском крестовом походе против линчевания».

Бофорт открывает другую папку.

— Здесь говорится, что он симпатизирует коммунистам.

— Если он и позволяет себе высказывания в защиту Коммунистической партии, это не значит, что он оправдывает сталинизм. Он всего лишь выступал за свободу слова. Только не говорите, что это преступление.

— Допустим, нет.

— Поймите, он никогда не одобрял курс, заданный русской революцией.

Бофорт смотрит на нее в упор:

— Но он считает себя социалистом. Послушайте, что он написал для «Мансли ревью»: «Действительным источником этого зла, по моему мнению, является экономическая анархия капиталистического общества… Для простоты изложения я буду называть „рабочими“ всех тех, кто не владеет средствами производства. Поскольку трудовой договор является „свободным“, то, что рабочий получает, определяется не действительной стоимостью произведенной им продукции, а его минимальными нуждами и соотношением между потребностью капиталиста в рабочей силе и числом рабочих, конкурирующих друг с другом за рабочие места».

Все это время фрау Дюкас сдерживается, чтобы не разнести его кабинет.

— Я понимаю, — выдавливает она.

— Слушайте дальше, — настаивает Бофорт. — «Более того, при существующих условиях частные капиталисты неизбежно контролируют, прямо или косвенно, основные источники информации (прессу, радио, образование). Таким образом, для отдельного гражданина чрезвычайно трудно, а в большинстве случаев практически невозможно прийти к объективным выводам и разумно использовать свои политические права. Производство осуществляется в целях прибыли, а не потребления».

— К чему все это?

— Он пишет… «В такой экономике средства производства принадлежат всему обществу и используются по плану. Плановая экономика, которая регулирует производство в соответствии с потребностями общества, распределяла бы необходимый труд между всеми его членами, способными трудиться, и гарантировала бы право на жизнь каждому мужчине, женщине и ребенку».

— Вы закончили? — спрашивает фрау Дюкас.

— Пожалуй, да, — говорит Бофорт. — Но я всего лишь повторяю слова доктора Эйнштейна.

— Мне ли не знать, — говорит фрау Дюкас. — Я сама печатала эту статью.

— По крайней мере, мы должны составить объективную картину визита агентов ФБР.

— Вам виднее.

— Вы даже не представляете насколько.

Фрау Дюкас собирается уйти.

— Постойте, фрау Дюкас, — продолжает Бофорт.

Он показывает ей папку с ярлыком: «Федеральное бюро расследований. Секция законов о свободе информации и конфиденциальности. Тема: Альберт Эйнштейн. Номер: 61-7099».

Бофорт протягивает ее своему секретарю.

— Проводите фрау Дюкас, — говорит он. — После чего можете бросить эту папку в печь.

— Вы хотите уничтожить это, сэр? — недоумевает секретарь.

— Печь для этого и предназначена, — объясняет ей Бофорт.

Он улыбается фрау Дюкас:

— У директора ФБР все равно останется копия. Пускай. До тех пор пока правительство Соединенных Штатов небезразлично к этому вопросу, никакого дальнейшего расследования против доктора Эйнштейна не будет.

— Вы меня не разыгрываете? — шепчет фрау Дюкас.

— Утром я успел переговорить с президентом. Между нами нет разногласий. Поверьте, Дуайт Эйзенхауэр — человек слова. Что ж, фрау Дюкас, — говорит Бофорт, — обязательно передайте привет Мими и Изабелле.

— С радостью.

— Они очень талантливые, да вообще просто замечательные.

— Это правда, — соглашается фрау Дюкас. — Они на одной волне с доктором Эйнштейном. Я подозреваю, что они, быть может, влюблены в него, самую малость. Впрочем, не только они. Ведь доктор Эйнштейн никогда не был равнодушен к слабому полу.

— Наслышан. А слабый пол — к доктору Эйнштейну. Так или иначе, свободный мир в неоплатном долгу перед ним. Он один из величайших людей, что когда-либо жили.

Раздается звонок.

Секретарь, подняв трубку, цепенеет.

— Сэр? — говорит она. — Это вас.

Фрау Дюкас, большая любительница подслушивать, ненадолго задерживается за дверью.

— Кто? — слышит она; это Бофорт обращается к секретарю.

— Президент, сэр, — отвечает секретарь. — Он спрашивает, как прошла встреча.

До конца 1954 года Альберт и пальцем не пошевелит, чтобы поправить свое здоровье.

По крайней мере, так считает франтоватый доктор Янош Плеш, который подвергает своего пациента всестороннему обследованию.

Когда Плеш спрашивает, беспокоят ли Альберта боли в области сердца, он, конечно, все отрицает.

Доктору ничего не остается, как уложить раздетого до кальсон пациента на кушетку, потом Альберт приподнимается, а Плеш слушает его дыхание.

— В груди побаливает, — признается Альберт. — Почему мне так больно?

— Потому что вокруг вашего сердца набухает мешок, наполненный жидкостью. Это перикардит.

— Правда?

— Можете не сомневаться.

— Мне надо ехать в больницу?

— Необязательно. Но вам нужен покой. Откажитесь от соли и принимайте мочегонное. Хорошо бы еще не курить.

— Не курить?

— Оставляю это на ваше усмотрение.

— Я не могу бросить курить.

— Смотрите сами. Но, пожалуйста, несколько дней просто отдохните дома. Без посетителей. Без работы.

— Еще у меня печень болит, — говорит Альберт.

— О печени можете не беспокоиться — уверяет его Плеш. — Но за сердцем надо понаблюдать.

Передав указания доктора фрау Дюкас, Альберт и сам старается их выполнять. Вместе с тем он настаивает, чтобы ему не мешали отвечать на звонки Мими и Изабеллы, нежно желающих ему скорейшего выздоровления.

Мими никак не может избавиться от мысли, что Альберт подорвал здоровье именно из-за того случая на озере Карнеги.

— Простите, — говорит она. — Это случилось по моей вине.

— Уж сто лет прошло, — подбадривает ее Альберт. — Никто не виноват. А вы тем более.

— Я так перепугалась. Это какая-то нелепая случайность.

— Страх смерти — самый необоснованный из страхов, — говорит Альберт, — потому что, когда ты мертв, ничего плохого с тобой уже не случится. Кстати, Мими, как продвигается ваш проект, от меня еще что-нибудь требуется?

— Просто замечательно, — говорит Мими. — Если вы не

возражаете, я бы хотела узнать, сможет ли доктор Оппенгеймер уделить мне несколько минут?

Альберт соглашается посодействовать.

Наконец Мими дозванивается в приемную Оппенгеймера в институте. Но секретарь уверяет, что у того все дни расписаны по минутам.

Прервать подготовку своего проекта Мими вынуждают новости, пришедшие из дома.

В последнее время несчастный Уитни Бофорт сильно недомогает, поэтому врачи переводят его в госпиталь.

На все каникулы Мими с Изабеллой уезжают к отцу в Бофорт-Парк.

Иногда Мими созванивается с Альбертом и играет ему на скрипке. Соната Моцарта для скрипки ми минор, К. 304. Это становится своего рода ритуалом. А Изабелла перенимает у нее эстафету.

Курт Гёдель тоже поддерживает с ними связь. По его рассказам, Альберт, конечно, очень переживает, что сестры не могут приходить к нему в гости, как раньше, но главным образом его интересует их дальнейшая судьба.

— Он просит присмотреть за вами, в случае чего, — говорит Гёдель. — Он считает вас прекрасными музыкантами. И я с ним соглашусь. Поэтому мой вам совет: постигайте теорию и применяйте ее на практике, пока не придете к совершенству. Как это делает доктор Эйнштейн.

С наступлением осени сестры Бофорт регулярно заглядывают к Альберту на Мерсер-стрит, не пренебрегая сложившейся традицией даже на протяжении холодной принстонской зимы.

Их музыка услаждает его слух.

Мими заводит новую тетрадь для полюбившихся цитат и переписывает туда строки Уильяма Карлоса Уильямса: «Остается лишь одно, во что можно верить: в кого-нибудь, кто кажется красивым».

И:

Альберту
дым костра тополиный уголек
костер сжигает листья
искрами — всплеск багряного дуба

тюльпановое дерево хромовая желтизна
оттенки дуба и гикори
от махогона ясеня зарделись грибы
позолота черного гикори
Мими Бофорт
1954

В пятницу, 17 декабря, в обычный пасмурный день, Мими, Изабелла и Эйнштейн на Мерсер-стрит слушают радиотрансляцию того, как в Вашингтоне президент Эйзенхауэр участвует в церемонии зажжения рождественской елки, знаменуя начало праздничных мероприятий, которые продлятся в течение месяца. Главная елка стоит в окружении 56 подсвеченных деревьев меньшего размера, которые символизируют каждый из пятидесяти штатов, пять территорий Соединенных Штатов и округ Колумбия.

Президент говорит:

— Даже в это счастливое время года мы не имеем права забывать о преступлениях против правосудия, об отказе в милосердии, об оскорблении человеческого достоинства… Мы не смеем забывать и о наших благоденствиях.

— Вы думаете, что все это пойдет Америке на пользу? — спрашивает Мими Альберта.

— По крайней мере, не навредит, — говорит он.

— Что вам подарить на Рождество? — спрашивает Изабелла.

— Карманное радио, я видел в газетах. Транзисторный радиоприемник «Ридженси Ти-Ар-один».

В канун Рождества Мими и Изабелла дарят ему радиоприемник *Regency TR-1*.

Альберт в свою очередь вручает им по экземпляру своей новой, еще не поступившей в продажу книги «Идеи и мнения».

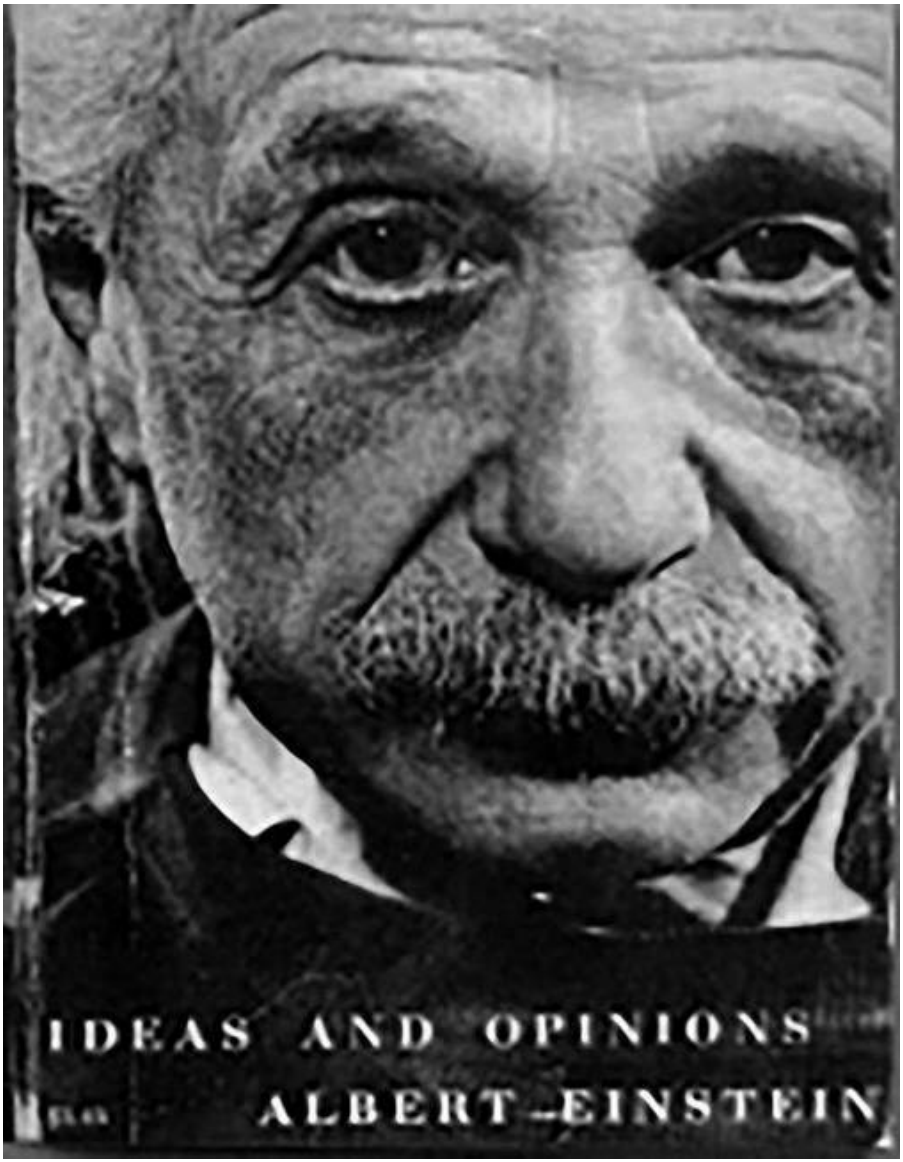
В каждом он оставил посвящение:

> Ваша преданность идеалам и музыка освещали мой путь, и время от времени придавали мне смелости бодро смотреть жизни в лицо. Вы само воплощение Доброты, Красоты и Истины. Без чувства родства с подобно мыслящими людьми, без общения с окружающим миром и вечных исканий и недостижимости на поле искусства и науки жизнь казалась бы мне пустой.
>
> Глядя на Вас, я вспоминаю красоту «Венеры» Боттичелли, выходящей из воды в створке раковины. Как и Венера, Вы прекрасны, потому что не знаете о своей

красоте.

В новом, 1955 году доктор Оппенгеймер наконец находит время для Мими.

Радушно встретив, он провожает ее в свой кабинет в институте. За дверью стоит вешалка для головных уборов, на которой висит его широкополая шляпа. При виде шляпы глаза Мими озаряются восторгом.



— Я носил ее еще в Лос-Аламосе, — объясняет Оппенгеймер.

Он высокий и тоненький до хрупкости, на его строгом лице

выделяются длинный нос и яркие голубые глаза, одновременно хмурые и проникновенные.

Сидя за своим столом на фоне меловой доски, исписанной лабиринтом уравнений, Оппенгеймер курит сигарету за сигаретой и грызет ногти.

Он нервно поправляет воротник синей рубашки и вдруг вскакивает с места, взметнув тонкими, как спицы, руками, и начинает взад-вперед расхаживать по комнате.

Торопливо и немного истерично он бросает ей пару вопросов об инциденте на озере, но, изменив тон, участливо интересуется самочувствием Эйнштейна. Мими кажется немного странным, что до этого момента он, похоже, так и не справился о здоровье Альберта.

Она рассказывает ему про свой школьный проект.

— Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

— Спрашивайте меня о чем угодно, — говорит он, проявляя все свое обаяние.

Мими открывает блокнот.

— Что связывает вас с доктором Эйнштейном? — спрашивает она.

— Начнем с того, что и мои, и его предки — нерелигиозные евреи-ашкеназы.

— Вы по-прежнему занимаетесь физическими исследованиями?

— Нет. Теперь я всего лишь директор этого института. Естественно, я и журналы читаю, и вообще слежу за тем, что происходит в физике высоких энергий и квантовой теории поля. Неведение — мать страха.

— Вы чувствуете, что оказались за бортом, как и доктор Эйнштейн?

— Постольку-поскольку. Можно и так сказать. Хоть мы и принадлежим к разным поколениям, но да, я полагаю, у нас есть немало общего.

— Вы ведь впервые встретились около двадцати лет назад?

— В тридцать втором году в Калтехе. Мы действительно более или менее сдружились только в течение последних семи лет или около того, когда начали работать здесь, в институте. Он всегда меня очень поддерживал.

Вдруг Оппенгеймер замолкает. Он начинает издавать чудаковатые звуки, бормоча себе под нос что-то вроде «ним-ним-ним» и «хум-хум-хум».

— Вы слышали эту историю, как меня недавно отстранили от секретных разработок?

— Кое-что знаю.

— В прошлом году мне сказали, что мой допуск к секретной информации — ним-ним-ним — был отозван из-за того, что у кого-то возникли сомнения насчет моей лояльности. И тогда, воспользовавшись своим правом, я потребовал надлежащего слушания. К сожалению, после этого меня начали таскать в различные квазисудебные органы и устраивать там унизительные допросы. Конечно, они не могли обойти стороной и мое противостояние ускоренной программе разработки водородной бомбы, и мои контакты с коммунистами в тридцатых-сороковых годах. Доктор Эйнштейн встал на мою защиту.

— Именно тогда он сказал, что восхищается вами не только как ученым, но и как великим человеком?

— Да. Ним-ним-ним. Он очень великодушен. После этого я возглавил институт, продолжая писать статьи и читать лекции. Вы знаете, иногда на лекциях студенты мне аплодируют, выражая сочувствие и негодование по поводу того, как со мной обошлись. Но это не отменяет того, что мое легкое отношение, мое душевное спокойствие и мое счастье были попраны.

— Доктор Эйнштейн не считает легкость и счастье самоцелью. Как Шопенгауэр.

— Знаю, по его мнению, одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей. И мне близка эта позиция.

— Но ведь правда, что более двух десятилетий научное сообщество физиков-теоретиков игнорировало доктора Эйнштейна?

— Может, и так. Но это не мешает ему оставаться самым обаятельным человеком в мире именно потому, что он являет собой образец великого ученого. Пожалуй, ничего более великого миру видеть не доводилось.

— Если говорить о характере, в чем разница между вами и доктором Эйнштейном?

Оппенгеймер растягивает уголки рта в некое подобие улыбки.

— Я же не Зигмунд Фрейд. Но раз вы спрашиваете, я полагаю, что его окружает облако различных домыслов. Он был почти лишен хитрости и совершенно лишен светскости. В Англии сказали бы, что у него нет манер, а в Америке — что он плохо воспитан. Он даже не был столь хорошим скрипачом. Он не умел легко и непринужденно обращаться с государственными мужами и власть имущими. А я умею, потому что верю в дисциплину ума и тела. Хум-хум-хум. Дисциплина. Да. Авторитет. Дисциплина.

— И вы, стало быть, полагаетесь на истину авторитета?

— Да.

— А доктор Эйнштейн — нет?

Оппенгеймер смотрит на Мими с вымученной улыбкой. Закуривает очередную сигарету.

— Можно и так сказать.

— Этот факт как-нибудь повлиял на ваше решение участвовать в разработке ядерной бомбы?

— Дайте я сперва скажу кое-что другое. В «Бхагават-гите», индуистском священном писании, есть строчка. Она многое объясняет. Вишну уговаривает царевича Арджуну, чтобы тот выполнил свой долг. Чтобы впечатлить его, он принимает свое многорукое обличье и говорит: «Я — Смерть, великий разрушитель миров». Я полагаю, что все мы, так или иначе, подумали о чем-то подобном. Вы должны понять, что я выбрал место, где была создана ядерная бомба. К сорок пятому году высокая столовая гора стала домом для четырех с половиной тысяч душ, работающих над проектом. Все основные решения принимал лично я. И все они были правильными.

— Вам было страшно?

— А чего бояться? — Оппенгеймер стряхивает мизинцем пепел с горящей сигареты; Мими замечает, что от этой привычки на его пальце вырос бугорок.

Она спрашивает:

— Вы боялись, что бомба не сработает?

— Я боялся последствий, с которыми мы столкнемся, если она не сработает. Поймите одну простую вещь. Не сделать бомбу было невозможно.

— Это правда?

— В жизни трудно говорить правду. Правда зависит от случая. Подчас правда приходит неожиданным путем. Видите ли, правда и ложь иногда становятся синонимами. Но подлинная наука и технические решения дополняют друг друга. Если вы придумываете что-то действительно ценное, рано или поздно оно находит свое применение. А это уже высшее качество.

— Какое главное качество доктора Эйнштейна, я имею в виду то качество, которое исходит из его сердца?

Оппенгеймер глубоко затягивается своей сигаретой.

— Доброта и необыкновенная самобытность… ним-ним-ним… интеллектуальная, — говорит он. — Его понимание того, что ни один сигнал не может распространяться быстрее света. Его блестящая физическая концепция. Общая теория относительности. Открытие того, что световой луч будет искривляться в гравитационном поле…

Он смотрит вдаль.

— Просто быть рядом с ним — уже интересно. Он человек доброй воли по отношению к человечеству. Как бы лучше сказать? Ведь он абсолютно безвреден. Говоря одним словом, «ахимса» в переводе с санскрита — «не ранить, не делать больно». Изумительная наивность, ребяческая и очень упрямая. Христиане говорят: «Слава в вышних Богу, и на Земле мир, в человеках благоволение». А еще в бомбе и в уравнении… хум-хум-хум. Потом он написал письмо Рузвельту об атомной энергии. Я думаю, это было связано как с его терзаниями перед лицом нацистской напасти, так и с нежеланием кому-либо навредить. Но письмо ни на что не повлияло. Он не несет ответственности за все, что произошло впоследствии. Я имею в виду Хиросиму и Нагасаки.

— Все думают с точностью до наоборот.

— Может, и так.

— Получается, что ответственность лежит на вас?

— Может, и на мне. Ним-ним-ним. В любом случае Эйнштейн знает, что он не ответствен. Он непричастен к той высшей жестокости, воплощением которой является ядерное оружие. Эйнштейн открыл кванты: глубокое понимание того, что ни один сигнал не может распространяться быстрее света. Общая теория относительности до сих пор не проверена окончательно. О чем вообще можно говорить, если по достоинству мы смогли оценить открытие Эйнштейна лишь в последнее десятилетие. Я говорю об искривлении светового луча под действием гравитационного поля.

— С каким историческим персонажем вы могли бы его сравнить?

— С Екклезиастом.

— С Екклезиастом?

— Да. Он Екклезиаст двадцатого века. Еврейский Когелет, оратор, учитель, проповедник, который говорит нам, неизменно улыбаясь: «Суета сует, все суета».

— А как же вы… отец ядерной бомбы — как вообще получилось, что вы стали отцом этого чудовища?

— Когда вы видите что-нибудь технически аппетитное, вы устремляетесь вперед и делаете это, а спорить о том, что с этим делать, начинаете уж после того, как достигли технического успеха. Так же и с бомбой.

— Зачем сбросили бомбу и на Нагасаки?

— До сегодняшнего дня я не понимаю, зачем это понадобилось. О да, конечно, кое-кто действительно думает, что в Японии были фанатики, которые даже после Хиросимы отказывались признавать поражение. Количество жертв не

укладывается в голове. А главное, точно никто не знает. Кто-то говорит, что в Хиросиме сто сорок тысяч погибших и сто тысяч числится пострадавшими, а в Нагасаки погибло семьдесят четыре тысячи и еще семьдесят пять тысяч пострадали от ожогов, травм и гамма-радиации. Излучение прожигало кожу до костей. Все между кожей и костью было мгновенно уничтожено. Знаете, как пахнет жженая человеческая плоть?

Мими наблюдает, как Оппенгеймер закуривает очередную сигарету.

Он говорит:

— А некоторые вроде бы искренне считают, что Нагасаки со всем его населением уничтожили, возможно, лишь для того, чтобы пригрозить пальцем Советскому Союзу, этакий жест холодной войны. Ну ладно. Почему бы тогда не узнать, что об этом думают дети, играющие на улицах Принстона?

— Думаете, они действительно понимают, что произошло?

— Почему нет? Есть такие дети, которым под силу решить некоторые из моих главных головоломок в физике. И знаете почему?

— Поведайте.

— Потому что они знают то, что я давно забыл. Давным-давно.

В феврале Мими договаривается о встрече с Куртом Гёделем.

Они уславливаются на четверг, 3 февраля, и в этот день столбик термометра показывает 1,4 градуса по Фаренгейту — ниже этой отметки градусник в этом году не опустится.

Для разговора Гёдель выбрал кабинет Альберта в институте.

Меловая доска испещрена записями. Книги на полках разложены в каком-то неведомом порядке. Кресло Эйнштейна стоит под углом к столу.

Странная встреча, прямо скажем. Мими, разодетая в кашемировое пальто с широким воротником из овчины и зимние сапожки с меховой отделкой, и тощий, в чем дух держится, Гёдель стоят и смотрят друг на друга.

Гёдель разматывает свой шарф, снимает пальто.

— Он ощущает вселенную во всей ее полноте, — говорит он, глядя на Мими сквозь свои круглые очки. — Эйнштейн обладает набором принципов, с помощью которого можно рассказать обо всем. Он в шаге от Бога. Когда он пытается что-то постичь, он размышляет. Размышляет. Размышляет. Сколько раз я от него слышал: «Надо поразмыслить». Ведь я состою из чисел, абстракций и форм, которых не существует в так называемом реальном мире. Загадайте число. А теперь скажите мне.

— Десять.

— Десять чего?

— Моих пальцев.

— Вы видите свои десять пальцев. Но вы не можете увидеть десять. Вы не можете увидеть геометрические фигуры. К примеру, перед вами изображение треугольника. Это не треугольник. На земле нет никаких треугольников. Они существуют только в вашем сознании. Подумайте о времени. Хорошенько подумайте.

— Я думаю.

— Так. Теперь понимаете? Его не существует.

Мими замечает, что мысль Гёделя уносится вдаль. Вдруг он спрашивает:

— Вы встречались с Оппенгеймером?

— Да.

— И как он вам?

— Довольно хладнокровный. Сдержанный. Но при этом весьма любезный.

— Его голова забита вашингтонскими играми. Он сгорел без остатка. А Эйнштейн — нет. У Гёте в «Эпилоге к Шиллерову „Колоколу“» есть строки, которые будто с Альберта списаны: «То, чем велик, своеобычен он. / Он нам блестит, кометой исчезая, / Со светом вечности свой свет сливая». Аж сердце щемит. Четырнадцатого марта ему исполнится семьдесят шесть лет. Он слишком истощен. И с каждым днем угасает…

Гёдель оглядывается вокруг себя, сильно прищуривая глаза и размахивая руками, как изможденная птица своими крыльями.

— Он больше никогда не увидит свой кабинет А эти стены не увидят его. «Не верь дневному свету, / Не верь звезде ночей, / Не верь, что правда где-то, / Но верь любви моей».

Опустив руки, Гёдель прислоняется к стене.

— Что станет с моей жизнью… а с вашей? Вы мечтаете о чем-нибудь?

— Мечтала, — отвечает Мими, — я хотела поехать с сестрой в Лондон и там учиться музыке. В Королевской академии. Но мы не можем себе этого позволить. Оборвалась мечта.

— Сочувствую вам, — говорит Гёдель. — Не отчаивайтесь. Да поможет вам Всемогущий.

— Только на Него и уповаю.

— Чем больше я размышляю о языке, — продолжает Гёдель, — тем больше поражаюсь, как люди вообще друг друга понимают. Но вы все-таки никогда не теряйте надежду… Вам холодно?

— Да.

— В этом мы похожи. Но «старости не сжиться с юностью

шальною»… знаете, кто это сказал?

— Шекспир, по-моему.

— А может быть, и нет, — говорит Гёдель. — «Юность так беспечна, старость так грустна; / Юность — утро лета, старость — ночь зимою; / Юность — летний жар, а старость холодна».

Он улыбается:

— Верьте в загадочное и волшебное. Помните, как у Гёте: «Магия в том, чтобы верить в себя. Если вы можете сделать это, вы можете осуществить все, что угодно». Ведь Альберт прав. Самая прекрасная эмоция, которую нам дано испытать, — ощущение тайны. Это основополагающая эмоция, стоящая у истоков всякого истинного искусства и науки. Не забывайте об этом.

В середине марта фрау Дюкас сама звонит Мими и Изабелле.

— Доктор Эйнштейн просит вас заглянуть в нему в гости, — говорит она. Голос выдает ее смятение. — Он хочет, чтобы вы сыграли для него Сонату для скрипки ми минор, Ка триста четыре. Курт Гёдель тоже придет.

Когда Мими с Изабеллой приезжают на Мерсер-стрит, фрау Дюкас уже не выглядит такой удрученной, как это казалось по телефону.

Альберт счастлив, что они пришли.

— Посмотрите, — говорит он. — Один британский физик из Принстона подарил мне на семьдесят шестой день рождения эту штуковину.

Хитроумное устройство представляет собой пятифутовую палку. На верхушке этой палки закреплена пластиковая сфера, внутри которой находится небольшая трубка. Из трубки торчит маленький шарик.

— Эта модель иллюстрирует принцип эквивалентности. Шарик болтается на конце струны, приделанной к пружине. Он дергается в разные стороны. Посмотрите, пружина не может преодолеть силу притяжения, которая действует на шарик.

Альберт резко поднимает палку вверх, почти касаясь потолка.

— Когда я ее отпущу, силы тяжести не будет. А шарик залетит в трубку. Смотрите!

Он разжимает ладонь, позволяя устройству падать до самого пола. Разумеется, шарик удобно устраивается в трубке.

— Вуаля! — хохочет он, заражая остальных своим смехом. — Помните… Я рассказывал, что около семидесяти лет назад отец подарил мне магнитный компас. Этому компасу я обязан буквально всем.

— Как только вы его ни крутили, пытаясь перехитрить, — проговаривает Мими, — чтобы стрелка указывала в другом направлении. Но она всегда возвращалась на свое место, указывая на север. Компас показал, что за всем есть что-то еще, скрытое во Вселенной.

— Да. Именно так. «Выходи, — шепнул бы я. — Где ты прячешься?» — говорит Альберт.

Сколько любви сейчас в глазах Мими и Изабеллы.

Историю про компас они слышали и раньше. Но Мими, конечно, знала ее наизусть.

Теперь их захлестывает радость, ведь в скрипичном футляре Мими лежит купленный ими для Альберта особенный подарок.

Но вручить его они намерены после того, как исполнят Моцарта.

— А теперь, — объявляет Альберт, — время Моцарта. Мими, Изабелла, помогите мне спуститься. И где только пропадает Гёдель, фрау Дюкас?

— Он уже едет, — отвечает та.

Мими и Изабелла, поддерживая его под руки, преодолевают с ним все препятствия по пути в музыкальную гостиную.

Фрау Дюкас опережает их, чтобы открыть дверь Гёделю.

— А вот и Курт! — восклицает Альберт. — Мой долговязый полубог. Величайший логик со времен Аристотеля.

Гёдель сводит брови:

— Это недоказуемо.

— Итак, сегодня я продиктовал письмо будущим поколениям, — объявляет Альберт. — Йоханна, прочтите нам, пожалуйста.

Покопавшись в своем блокноте, Фантова зачитывает письмо:

— Дорогие потомки! Если вы не стали справедливее, миролюбивее и вообще разумнее, чем мы, — что ж, в таком случае черт вас возьми. Это благочестивое пожелание с глубоким уважением изрек тот, кто был Альбертом Эйнштейном.

В гостиной звучит Соната Моцарта для скрипки ми минор, К. 304 в исполнении Мими и Изабеллы.

Альберт выкрикивает:

— Браво, браво, браво!

— Спасибо, — произносит Мими. — Но мы для вас еще кое-что приготовили.

— Дорогие Мими и Изабелла, — говорит Альберт. — Пока вы не преподнесли мне новую радость… Прошу вас. За все время нашей нежной дружбы никто из вас ни разу не назвал меня Альбертом. Пожалуйста. Зовите меня Альберт.

Сестры улыбаются, глядя в его глаза, Альберт улыбается им в

ответ.

Они протягивают небольшой сверток, перевязанный лентами.

— Нашему дорогому Альберту, — говорит Мими. — Этот предмет сделан в Британии на фабрике «Дж. М. Глаузер и сыновья».

— Новая жидкостная модель с двойным корпусом, — добавляет Изабелла, — будет улавливать пузырьки воздуха, прежде чем жидкость потребуется долить.

— Британские ученые изобрели прибор, чтобы пускать мыльные пузыри? — спрашивает Альберт.

Сестры смеются.

Мими рассказывает подробнее:

— Такие вещицы использовались во время экспедиции на Эверест в двадцать втором году.

— И в двадцать четвертом тоже, — подхватывает Изабелла. — Но ваш гораздо современнее.

Альберт разворачивает обертку, а внутри само совершенство — призматический компас «Глаузер», четвертая модель.

— Это чудо я назову «Мими и Изабелла».

В начале апреля раздается звонок.

Дела семейные вынуждают фрау Дюкас уехать на Манхэттен и на сутки оставить Альберта одного. Йоханны тоже нет в городе. Тогда, возможно, Мими с Изабеллой смогут присмотреть за доктором Эйнштейном в ближайшие двадцать четыре часа? Ну как тут откажешь.

На обед они готовят феттучини, заправляя их оливковым маслом, как он любит.

Позже они уложили его в постель, аккуратно устроив голову на подушки.

Попеременно они дежурят у его постели. И только бой дедушкиных часов и случайные вздохи Альберта нарушают тишину.

Врачи обнаруживают у Альберта внутреннее кровотечение, вызванное аневризмой брюшной аорты.

После консилиума они предлагают ему лечь на операцию, которая вполне может восстановить аорту.

— Я уйду, когда сам того захочу, — говорит им Альберт. — Искусственно продлевать жизнь — бездарно. Я сделал свое, пора уходить. Я хочу уйти красиво.

Альберт уходит из жизни в 1:15 утра 18 апреля 1955 года,

находясь в Принстонской больнице. Ему семьдесят шесть лет.

"All the News That's Fit to Print"

The New York Times.

LATE CITY EDITION

Copyright, 1955, by The New York Times Company.

VOL. CIV No. 35314 NEW YORK, TUESDAY, APRIL 19, 1955 FIVE CENTS

TRANSPORT PANEL URGES FREER REIN FOR COMPETITION

Eisenhower Advisory Group Asks Loosening of Power to Regulate Rates

RAILS WOULD BE HELPED

Weeks Sees Public Benefits in Pattern Established to Spur Rivalry

By WILLIAM M. BLAIR

Dr. Albert Einstein Dies in Sleep at 76; World Mourns Loss of Great Scientist

Rupture of Aorta Causes Death—Body Cremated —Memorial Here Set

PRINCETON, N. J., April 18 —Dr. Albert Einstein, one of the great thinkers of the ages, died in his sleep here early today.

DR. ALBERT EINSTEIN

TRUMAN ASKS U. S. TO TAKE THREATS TO PEACE TO U. N.

Tells Senate Group World Organization Has Averted 'Unlimited' Warfare

By WILLIAM S. WHITE

WASHINGTON, April 18—

Jordan and Israel Set Up Jerusalem Security Zone

Arrangement to Prevent Hostile Actions Follows Slaying of American

By HARRY GILROY

JERUSALEM, April 18—

HUNGARIANS NAME HEGEDUS PREMIER

One of Top Reds Succeeds

REBELS OPEN FIRE ON VIETNAM FORCE

Truce Imported by Saigon

REBUFFS TO REDS AND NEHRU BRING BANDUNG DISCORD

Asian-African Parley's Ever Course Is Being Disrupted by Procedural Disputes

WEST RECEIVES SUPPORT

Iraqi Denounces Colonialism, Zionism and Communism—Cambodia Joins Neutrals

By TILLMAN DURDIN

BANDUNG, Indonesia, Tues., April 19—

Из речи президента Эйзенхауэра:

«Никакой другой человек не внес столь весомый вклад в расширение знаний людей двадцатого века. При этом ни один другой человек не был более осторожным в распоряжении силы, которую представляет собой знание, и более уверенным в том, что применение силы без здравого смысл несет только разрушение. Для всех живущих в ядерном веке Альберт Эйнштейн стал примером великого творческого таланта, которым обладает человек в свободном обществе».

Разгар весны, полный радости и печали, Мими и Изабелла встречают в Бофорт-Парке.

Уход Альберта стал для них невыносимой реальностью.

На стенах своей комнаты они развешивают вырезки из газет и журналов с его фотографиями.

Днями напролет Изабелла музицирует, исполняя Моцарта.

Мими в это время бьется над завершением своего проекта, пытаясь охватить все работы, которые попадают ей в руки.

Она покупает портативную пишущую машинку «Смит-Корона Скайрайтер» в комплекте с аудиоруководством «„Смит-Корона Скайрайтер“ за 10 дней» для граммофона.

Изабелла помогает разобраться в инструкциях, чтобы Мими поскорее села печатать.

Больше всего на свете они бы хотели показать эти страницы тому, кому они посвящены.

Будущее сестер пока что представляется довольно безрадостным.

Окончательно стало известно, что у них нет таких средств, которые покрыли бы расходы и на обучение в Королевской академии музыки, и на проживание, и даже на проезд.

Они, совершенно выбитые из колеи, не представляют, что их ждет впереди.

В среду, 22 июня, почтальон доставляет сестрам конверт. В нем лежит приглашение в кино от Курта Гёделя. Он выбрал новый мультфильм Уолта Диснея «Леди и Бродяга».

Кроме приглашения, сестры находят в конверте письмо на их имя с пометкой «Вручить в собственные руки».

Кому: Мисс Мими Бофорт и мисс Изабелла Бофорт

От кого: Д-р Отто Натан, адвокат. Распорядитель наследственного имущества д-ра Альберта Эйнштейна

Сораспорядитель: Мисс Элен Дюкас

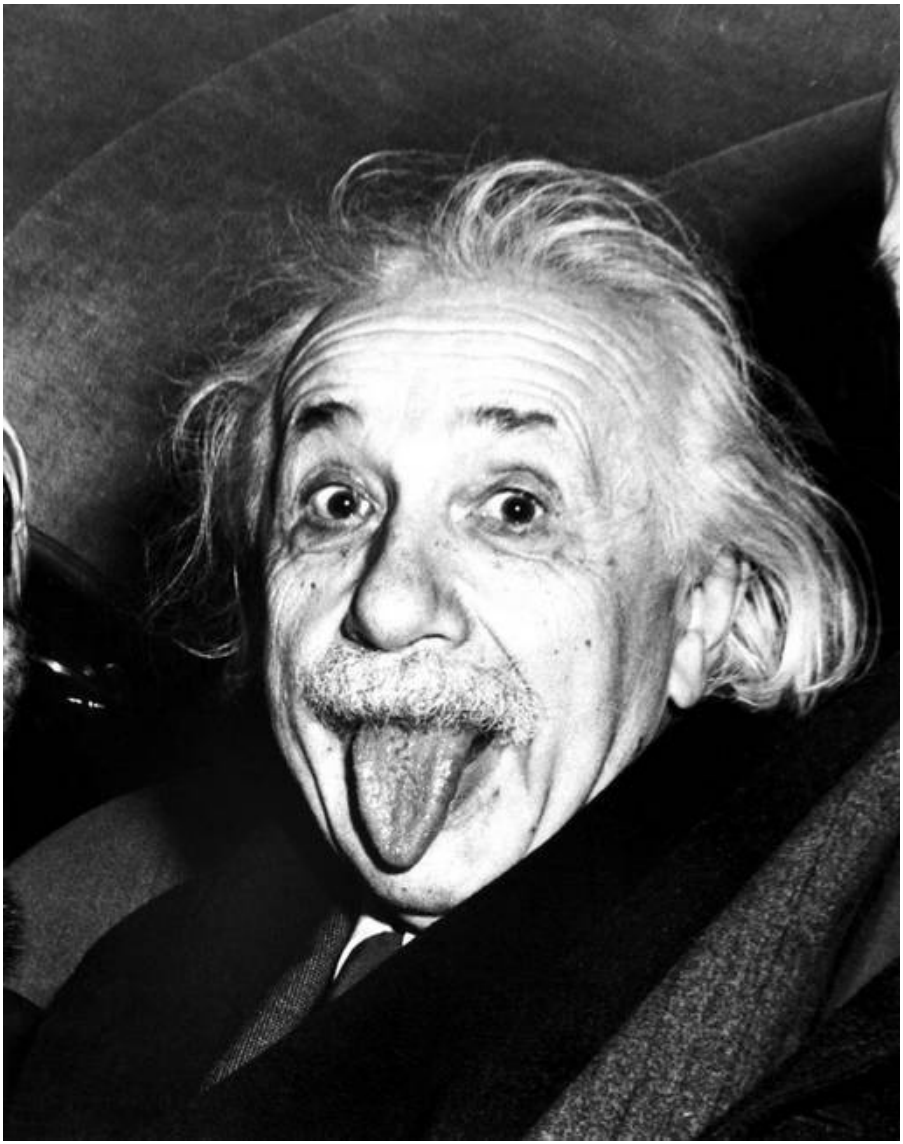
По делу о наследственном имуществе д-ра Альберта Эйнштейна

Мне поручено довести до вашего сведения, что покойный доктор Альберт Эйнштейн, проживавший в Принстоне, штат Нью-Джерси, пожелал, чтобы финансовые ограничения ни при каких условиях не помешали вам продолжить обучение в Королевской академии музыки по адресу: Мэрилебон-роуд, Лондон, Соединенное Королевство.

Моей конторе вверено в полном объеме оплатить обучение и необходимые расходы на проезд и проживание. Доктор Эйнштейн хотел передать вам следующие слова:

«Желаю вам в жизни всяческих успехов. Да хранит вас Бог. Надеюсь, на просторах Вселенной и я смогу вас опекать. И сделаю все возможное».

В конверт вложена черно-белая фотография.



С посвящением:

Для Мими и Изабеллы Бофорт
Говорит Альберт Эйнштейн.

Фотографии

С. 17. Эйнштейн и Элен Дюкас, 1930 г. (Bettmann / Getty Images)

С. 33. В возрасте около двух лет (Universal Historical Archive / Getty Images)

С. 51. Гимназия Луитпольда (Granger)

С. 61. Арау (Art Collection 3 / Alamy)

С. 63. Любимая фотография Мари (CPA Media-Pictures from History / Granger)

С. 73. Милева (Granger / Alamy)

С. 75. Генрих Фридрих Вебер (ETH-Bibliothek Zurich)

С. 79. Марсель Гроссман (ETH-Bibliothek Zurich)

С. 93. Берн (Paul Popper / Popperfoto / Getty Images)

С. 111. Альфред Кляйнер (ETH-Bibliothek Zurich)

С. 117. С Хендриком Лоренцем (Paul Ehrenfest)

С. 125. Первый Сольвеевский конгресс (Couprie / Hulton Archive / Getty Images)

С. 127. (Слева) Мария Кюри (Hulton-Deutsch Collection / Corbis / Getty Images)

С. 127. (Справа) Поль Ланжевен (Keystone-France / Gamma-Keystone / Getty Images)

С. 133. Альберт и его дорогая Эльза (Library of Congress / Getty Images)

С. 139 (Слева) Макс Планк (Debschitz-Kunowski / UllsteinBild / Getty Images)

С. 139 (Справа) Вальтер Нернст (Ullstein Bild / Getty Images)

С. 147. Сараево (Imagno / Getty Images)

С. 161 (Слева направо) Тэтэ, Милева и Ганс Альберт (Granger / Alamy)

С. 163. Вход в главный лекторий (Andrea Praefcke)

С. 177 (Вверху) Эльза и Альберт, 2 июня 1919 г. (Bettmann / Getty Images)

С. 177 (Внизу) «Нью-Йорк таймс», 10 ноября, 16 ноября и 3 декабря 1919 г.

С. 187. Хаим Вейцман (Bettmann / Getty Images)

С. 205. Палестина, 1922 г. (С разрешения архива Альберта Эйнштейна, Еврейский университет, Иерусалим)

С. 207. Нобелевская лекция, Гётеборг, 11 июля 1923 г. (Gothenburg Library Archive)

С. 223. Элен (Bettmann / Getty Images)

С. 225 (Вверху) Гранд-каньон (С разрешения архива Альберта Эйнштейна, Еврейский университет, Иерусалим)

С. 225 (Внизу) Индейцы-хопи (С разрешения архива Альберта Эйнштейна, Еврейский университет, Иерусалим)

С. 227. Чарли Чаплин (Imagno / Getty Images)

С. 235. Землетрясение, Лос-Анджелес, 10 марта 1933 г. (Bettmann / Getty Images)

С. 243. С Уинстоном Черчиллем (Time Life Pictures / Getty Images)

С. 245. В Роял-Альберт-Холле (Imagno / Getty Images)

С. 255. Счастливая чета (Georg Pahl / Bundesarchiv)

С. 259. Обитатель повседневности (Alan Richards / Camera Press)

С. 263. С Лео Сцилардом (The March of Time / The Life Picture Collection / Getty Images)

С. 275. Ганди за составлением документа в Бирла-хаус, Мумбаи, август 1942 г. (Kanu Ghandi)

С. 281. Курт Гёдель (Alfred Eisenstaedt / LIFE Picture Collection / Getty Images)

С. 297. Йоханна (Princeton University Library)

С. 307. Мариан Андерсон (Metronome / Getty Images)

С. 315. «Тинеф» (Ann Ronan Pictures / Print Collector / Getty Images)

С. 341. Коллаж «Альберт Эйнштейн» (слева направо: Universal History Archive / Getty Images; Photo12 / UIG / Getty Images; Ullstein bild / Getty Images; Granger / Alamy; Bettmann / Getty Images; Paul Fearn / Alamy; Universal History Archive / Getty Images; Corbis / Getty Images; Pictures from History / Granger)

С. 343. Альберт Эйнштейн (Bettmann / Getty Images)

Примечания

С. 9. *…Если бы все жили, как я, не было бы приключенческих романов. / Двадцатилетний Альберт Эйнштейн в письме к сестре Майе, 1899.* — Цит по: *Дюкас Э., Хофман Б.* Альберт Эйнштейн как человек / Перев. А. Лука // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 61–100.

С. 13. *…характерный акцент бостонских браминов.* — Бостонские брамины — элитарная социальная прослойка Бостона, восходящая к первым поселенцам Новой Англии. Для бостонских браминов характерен замкнутый, квазиаристократический образ жизни. Внешними атрибутами представителей этой прослойки считаются новоанглийский (бостонский) акцент и диплом Гарвардского университета.

С. 15. *Лайнус Полинг* (1901–1994) — американский химик, кристаллограф, лауреат двух Нобелевских премий: по химии (1954) и Премии мира (1962), а также Международной Ленинской Премии «За укрепление мира между народами» (1970).

С. 15–16…*эмблема джайнизма, символ учения о ненасилии.* — Набор символов, каждый из которых наделяется глубоким значением. Наибольшее распространение получила свастика, заимствованная в XX в. нацистскими и фашистскими организациями.

С. 16. *Так говорит Борн…* — Аллюзия к заглавию философского произведения Ф. Ницше (1844–1900) «Так говорил Заратустра» (1891).

С. 20. *Британский поэт Джон Донн писал: «…смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит по тебе».* — Цит. по: *Донн Дж.* Обращения к Господу в час нужды и бедствий (Медитация XVII) / По ком звонит колокол: Обращения к Господу в час нужды и бедствий; Схватка смерти, или утешение душе, ввиду смертельной жизни и живой смерти нашего тела / Перев. А. Нестерова, О. Седаковой. М.: Энигма, 2004. С. 227.

С. 20–21. *…перспективы развития человечества беспредельно мрачны. Человечество столкнулось с необходимостью выбора: либо мы все погибнем, либо должны будем проявить немного здравого смысла. — Рассел Б.* Из комментария газете «Glasgow Forward» от 18 августа 1945 г. Цит. по: *Кучин В.* Всемирная волновая история от 1943 г. по 1962 г.: В 10 т. Т. 3, часть 2. 2015 г. [цифровая книга]

С. 21. *Поэтому вот вопрос… который мы ставим перед вами, — вопрос суровый, ужасный и неизбежный: должны мы*

уничтожить человеческий род или человечество откажется от войн? Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну… — Манифест Рассела — Эйнштейна. 1955. Цит. по: Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН // http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html.

А мамочка моя… <…> Где мамочка твоя? — Отрывок из традиционной афроамериканской детской песенки «Aunt Jenny Died», исполняемой в разных вариантах.

С. 22. *Чем больше я чувствую… избавиться от ощущения соучастия.* — Цит. по: *Айзексон У.* Эйнштейн. Его жизнь и вселенная / Перев. И. Кагановой, Т. Лисовской. М.: АСТ, 2015. С. 406.

С. 23. *Мой сын, мой сын…* — В 1954 г. вышла песня Гордона Мелвилла Риза, Боба Говарда и Эдди Калверта «My Son, My Son» в исполнении Веры Линн.

С. 24. *…в честь Иоганна Фихте…* — Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814) — представитель немецкой классической философии, общественный деятель. Считается отцом немецкого национализма. В своих сочинениях Фихте не раз высказывает острую неприязнь к еврейству, полагая, что предоставление евреям гражданских прав нанесет вред немецкому обществу, поскольку в таком случае они начнут создавать «государство в государстве», разрушающее единство нации. По словам Фихте, «предоставить им гражданские права можно лишь при одном условии: в одну ночь отрубить им всем голову и приставить другую, в которой не будет ни одной иудейской идеи».

Дитрих Эккарт (1868–1923) — немецкий политик и поэт, один из членов Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), участник Пивного путча (1923). Учитель, идейный наставник и близкий друг А. Гитлера.

Арнольд Фанк (1889–1974) — немецкий кинорежиссер, отец «горного фильма» (*нем.* Bergfilm). В своих работах поэтизировал преодоление стихии, эстетику горного восхождения как ритуального восхождения к смерти. Основные документальные и игровые фильмы: «Чудо лыж» (1920), «Борьба с горой» (1921), «Гора судьбы» (1924), «Священная гора» (1926). Режиссерская карьера Фанка завершилась вместе со Второй мировой войной, когда были запрещены его фильмы, снятые для НСДАП, в которой он состоял с 1940 г.

С. 25. *Религиозный рай молодости представлял первую попытку освободиться от пут «только личного»… <…> Дорога… оказалась надежной, и я никогда не жалел, что по ней пошел.* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Творческая автобиография / Перев. В. Фока,

А. Лермонтовой // Успехи физических наук. 1956. № 59. Вып. 1. С. 72.

С. 32. *Номер двести двадцать четыре. <…> Регистратор: Хартман.* — Цит. по: *Пайс А.* Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Перев. В. Мацарского, О. Мацарского. М.: Наука, 1989. С. 43.

С. 36. *«Нет случайностей. Что в мире / мы все считаем случаем слепым, / то рождено источником глубоким…»* — Цит. по: *Шиллер Ф.* Смерть Валленштейна / Перев. К. Павловой // Вестник Европы. 1868. Т. IV.

«Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет». — Цит. по: *Шиллер Ф.* Письма об эстетическом воспитании человека / Перев. Э. Радлова // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 302.

«Там, где книги жгут, / Там и людей потом в огонь бросают». — Цит. по: *Гейне Г.* Альманзор / Перев. В. Зоргенфрея // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., 1956. С. 211.

С. 37. *«У римлян, наверное, не осталось бы времени для завоевания мира, если бы им сначала пришлось изучать латынь».* — Цит. по: *Гейне Г.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4: Путевые картины / Перев. В. Зоргенфрея. М., 1957. С. 118.

С. 39. *За вещами должно быть что-то еще, глубоко скрытое.* — Цит. по: *Гернек Ф.* Альберт Эйнштейн / Перев. И. Рожанского. М.: Мир, 1966. С. 31.

С. 45. *Галаха* (тж. алаха) — совокупность иудейских законов и правил, содержащихся в торе и Талмуде, которые регламентируют религиозную, семейную и гражданскую жизнь верующих евреев.

Кидуш — молитва, которая произносится над бокалом вина перед вечерней и утренней трапезой Шаббата и других праздников.

Хала — субботний и праздничный хлеб с форме косички.

Авдала — молитва, произносимая над бокалом вина на исходе субботы (праздника), которая «отделяет» субботу от будней.

Латкес — картофельные оладьи, они же драники; классическое ханукальное блюдо.

Кугель — одно из коренных блюд ашкеназской кухни, которое представляет собой запеканку из вермишели с овощной или фруктовой начинкой.

С. 46–47. *Ай да диво, что за грива! <…> Ай растрепка!* — Цит. по: *Гофман Г.* Степка-Растрепка: Стихи для детей. Репринт.

М.: Карьера-Пресс, 2012.

С. 47. *«Вчера Альберт получил табель, он снова закончил первым, отметки у него превосходные».* — Цит. по: *Пайс А.* Указ. соч. С. 45.

Гвозди, которыми Иисуса прибивали к кресту, выглядели так же. — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 28.

За веру в правду и справедливость они дразнят его Честным Джоном. — Честный Джон — подпись Джона Лильберна (1618–1657), участника английской буржуазной революции, автора серии памфлетов, критикующих действия как короля, так и парламента в период первой гражданской войны в Англии 1642 г.

С. 48. *Генрих фон Трейчке* (1834–1896) — немецкий историк, литературный критик. Известен как противник либерализма, идеолог «прусского духа». В статье «О нашем еврействе» (1879) он занял позицию нетерпимости по еврейскому вопросу, ставшему актуальным после объединения Германии (1870).

…в каких только преступлениях не обвиняли евреев — и в отравлении колодцев… — Миф о заговоре евреев, задумавших истребить христиан путем отравления колодцев, был распространен в Германии во время чумы, свирепствовавшей в Европе в 1348–1351 гг.

С. 49. *В 1888 году… в Соединенном Королевстве опубликовали повесть Конан Дойла «Долина Страха».* — Имеется в виду скорее первое произведение о Шерлоке Холмсе — повесть «Этюд в багровых тонах», опубликованная в конце 1887 г.; а «Долина Страха», опубликованная в 1915 г., является последним произведением крупной формы о Холмсе.

С. 52. *Постоянным гостем на семейных ужинах Эйнштейнов по четвергам становится Макс Талмуд, бедный польский студент-медик…* — По традиции субботнюю трапезу необходимо разделить с бедным учащимся иешивы. Нерелигиозные Эйнштейны слегка изменили этот обычай.

С. 53. *Вы увидите такой луч света как покоящееся, переменное в пространстве электромагнитное поле.* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Творческая автобиография. С. 89.

С. 54. *В своем эссе «Mes Projets D'Avenir» («Мои планы на будущее») он признается, что теория ему ближе, чем практика. А еще: «меня привлекает независимость, которую дают занятия наукой».* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 38.

С. 55. *«Человек посредственного таланта всегда остается посредственным… но человеку исключительного таланта… невыносимо, если он безвыездно остается на одном и том же месте».* — Цит. по: *Вольфганг Амадей Моцарт.* Полное собрание писем / Перев. И. Алексеевой, А. Бояркиной, С. Кокошкиной,

В. Кислова. М.: Междунар. отношения, 2006. С. 166.

С. 56. *И контракт перехватывает Иоганн Шуккерт из Нюрнберга.* — Иоганн Зигмунд Шуккерт (1846–1895) — пионер электротехнической промышленности, один из основателей корпорации «Сименс».

С. 58. *…в большом доме, где некогда жил поэт Уго Фосколо.* — Никколо Уго Фосколо (1778–1827) — итальянский писатель и поэт. В 1815 г. по окончании Неаполитанской войны бежал из Италии в Швейцарию, не желая присягать восстановленному австрийскому феодально-абсолютистскому режиму.

…поступать в Швейцарский политехнический институт. — В те годы официальным названием этого учебного заведения было *Eidgenossische Polytechnische Schule* (Швейцарская политехническая школа). В 1911 г., добившись права присуждать докторские степени, учреждение стало называться *Eidgenossische Technische Hochschule* (Швейцарский технический институт), сокращенно ETH. Эйнштейн обычно называл его Цюрихским политехом или Политехникумом.

С. 60. *…«мамерль» или «мамуля № 2».* — Деминутив в немецком языке. Мать Эйнштейна ласково называла его Альбертль. Ср. Гензель и Гретель.

…цитирует «Крысолова» Гёте: «По струнам проведу рукой, и все они бегут за мной». — Цит по: *Гёте И. В.* Крысолов / Перев. В. Бугаевского // Избранные произведения. Минск: Изд-во БГУ, 1977.

С. 64. *Шлемиль* — убогий, неудачник *(идиш)*. Шлемиль — персонаж восточноевропейского фольклора, крайне невезучий. Есть другой персонаж из еврейского фольклора — Шлемазл, тоже неудачник. Они различаются по следующему принципу: Шлемазл — тот, кто опрокидывает бокал с вином на брюки. Шлемиль — тот, на чьи брюки Шлемазл пролил вино.

…«Никого у меня нет ближе тебя, никто не знает меня так хорошо, как ты, никто так не расположен ко мне, как ты». — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 64.

С. 68. *Fin de siècle* (*фр.* конец века) — период рубежа XIX и XX вв. в истории европейской культуры, характеризующийся утонченностью переживаний, нервной обостренностью ощущений, пессимизмом, усталостью от жизни.

…Стефан Малларме экспериментирует со звуковым обликом стихотворного текста и случайным выбором. — Имеется в виду поэма Стефана Малларме (1842–1898) «Удача никогда не упразднит случая» («Un coup de dés jamais n'abolira le hasard», 1897), которая представляет собой одну фразу без знаков препинания, записанную «лесенкой» на развороте двух листов

шрифтом разного размера.

В 1901 году… в Мюнхене Кандинский создает художественное объединение «Фаланга». — «Фаланга» возникла с целью объединения художников, уставших от консервативной и ограниченной культурной жизни Мюнхена. В. Кандинский стал ее президентом. Общество Мюнхена встречало выставки «Фаланги» в лучшем случае молчанием, в худшем — бранью, что привело к закрытию объединения в 1904 г.

С. 70. *Юнг… считает, что «связи Цюриха с миром строились не на культуре, а на торговле»…* — Цит. по: *Юнг К.* Воспоминания, сновидения, размышления / Перев. В. Поликарпова. Минск: Харвест, 2003.

…Пикассо переосмысливает живопись картиной «Авиньонские девицы». — Пикассо написал это полотно, вдохновившись картиной Поля Сезанна «Купальщицы». Принято считать, что с «Авиньонских девиц» начался кубизм.

С. 71. *«Дело в том, что моя посылка с этим глупым маленьким чайником… из всех уголков твоего письма».* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 47.

«Негодник стал ужасно ленивым… я должна буду устроить ему хорошенькую взбучку, когда он приедет домой». — Там же.

С. 71–72. *«Это было бы более чем недостойно, если бы несколько дней блаженства были оплачены новой болью… чтобы избежать опасности».* — Там же.

С. 72. *В институте Милева сдружилась с Хеленой Славич из Вены.* — В других источниках Элен Кауфлер-Савич.

С. 74. *…построенную Готфридом Земпером институтскую обсерваторию…* — Готфрид Земпер (1803–1879) — немецкий архитектор, по проекту которого было построено новое здание для Политехникума в Цюрихе (1860–1864). Работал в стиле неоренессанс. Возглавлял архитектурное отделение Политехникума (1855–1871), который первоначально располагался в здании Цюрихского университета.

…на концерте Теодора Бильрота, исполняющего Брамса. — Теодор Бильрот (1829–1894) — немецкий хирург, основоположник абдоминальной хирургии. Бильрот был талантливым пианистом и скрипачом. Сблизившись с Брамсом, стал его доверенным лицом, которому композитор нередко высылал рукописи своих музыкальных произведений, чтобы узнать мнение Теодора.

С. 78. *Тамбурица* — музыкальный инструмент, который иногда называют хорватской мандолиной. Разновидность мандолины с четырьмя струнами.

Посмотреть на мир с вершины цюрихского Утлиберга. <…>

…доезжают до Утли… — Утли — так местные жители называют Утлиберг.

С. 80. *…во времена правления Сфорца и Висконти…* — Сфорца и Висконти — правящие династии в Италии. Висконти правили в Милане с 1277 по 1447 г., Сфорца — с 1450 по 1535 г., пока Миланское герцогство не вошло в состав владений Священной Римской империи.

С. 81. *…нигде в мире больше нет такого города, в самом центре которого зеленел бы виноградник. <…> Самое примечательное — владельцем виноградника в свое время был не кто иной, как Леонардо да Винчи.* — Виноградник Леонардо да Винчи — одна из достопримечательностей современного Милана. На протяжении четырех столетий после смерти да Винчи (1452–1519) о винограднике забыли. Раскопки на предполагаемом участке бывшего виноградника (полностью уничтожен бомбардировками по время Второй мировой войны) позволили обнаружить органический материал, с помощью которого ученые распознали ДНК виноградной лозы, которую возделывал Леонардо: это оказалась Мальвазия-ди-Кандия-Ароматика. В 2015 г. семена винограда были посажены вновь. Скорее всего, во времена А. Эйнштейна виноградник был заброшен.

Альберт мысленно переносится в 1490 год, когда Леонардо начал сажать виноградные лозы. — Леонардо да Винчи получил участок земли с виноградником по завершении работы над картиной «Тайная вечеря» в 1498 г.

Испытай один раз полет, и твои глаза навечно будут устремлены в небо. Однажды там побывав, на всю жизнь обречен тосковать о нем. <…> Жалок тот ученик, который не превзошел своего учителя. <…> Если Господь — свет всего сущего — удостоит меня просветлением, я осмелюсь трактовать свет; и потому разделю нынешнюю работу на три части… Линейная Перспектива, Перспектива цвета, Перспектива исчезновения. — Вольная цитата из «Трактата о живописи» Леонардо да Винчи. «Трактат» представляет собой собрание разрозненных записей за 1492–1510 гг. Впервые опубликован в 1651 г.

С. 82. *…семейный особняк «Кула»…* — По-сербски «kula» означает «башня».

С. 83–84. *Мне бы стоило сразу ответить и отблагодарить Вас за жертвоприношение в виде Вашего письма, возвратив тем самым частицу того удовольствия, что Вы доставили мне во время нашего совместного похода; но Вы утверждали, что писать нужно лишь тогда, когда соскучишься… Я все ждала и ждала, когда же скука замаячит на горизонте, но до сегодняшнего дня ожидание было тщетным…* — По некоторым сведениям, Милева писала

официальным слогом, обращаясь к Эйнштейну на «Вы». Также ср.: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 49: «Прошло уже порядочно времени с тех пор, как я получила от Вас письмо, — пишет она, — и я бы ответила немедленно и поблагодарила Вас за то, что Вы пожертвовали своим временем и написали целых четыре страницы, а также за удовольствие, которое мне доставило наше совместное путешествие. Но Вы сказали, что я должна написать Вам, когда мне станет скучно. А я очень послушна и все жду и жду, когда мне наконец станет скучно, но до сих пор все мои ожидания были напрасны».

С. 84. *Неккар* — река, на которой стоит Гейдельберг.

С. 85. *…Альберт… переходит на игривое «Liebes Doxerl» — «Любимая Собачка». Милева в переписке называет его Johanzel, то есть Джонни.* — «Dackerl» или «doxerl» — «маленькая такса», баварский уменьшительно-ласкательный диалектизм. Так же и *Johanzel.*

С. 86. *В немецком языке девушка лишена пола, хотя у репы, скажем, он есть. <…> Оно пошло в театр*. — Цит. по: *Твен М.* Пешком по Европе / Перев. И. Гальпериной // Собрание сочинений: В 12 т. Т. 5. М.: Гос. изд. худ. лит., 1960. С. 411.

…Курпфальский музей искусства и археологии во дворце Морас. — Тж. Музей Пфальца. Центральная экспозиция посвящена периоду, когда Германия входила в состав Священной Римской империи. Музей расположен в стенах роскошного дворца Морас, возведенного в 1712 г. в стиле барокко по проекту архитектора Йохана Адама Бройнига.

С. 88. *«Новая сербская арифметика» Василия Дамиановича.* — Василий Дамианович (1734–1792) — сербский писатель, просветитель, купец, муниципальный судья. «Новая сербская арифметика» (1767) — первый сербский учебник по математике для студентов, написанный доступным (народным) языком (Сербия в те годы находилась под властью Венгрии).

С. 90. *У копии со скульптуры Антонио Кановы «Амур и Психея»…* — Оригиналы находятся в Лувре и Государственном Эрмитаже.

С. 94. *Какие у нее глазки? <…> Я ее уже так люблю, но даже не знаю ее совсем!* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 75.

С. 97. *Грюйер* — традиционный швейцарский сыр, производимый в округе Грюйер.

«Ну вот, теперь я женатый человек…» — Там же. С. 83.

«Я сейчас даже ближе к своему любимому…» — Там же.

…заседания Бернского общества естествоиспытателей… — По аналогии со Швейцарским обществом естествоиспытателей *(Schweizerische Naturforschende Gesellschaft)*. Очень вероятно, что это

одно и то же. 18 декабря 1786 г. семь членов — основателей «частного общества друзей научных исследований в Берне» впервые встретились в доме Якоба Самуэля Виттенбаха (1748–1830), наместника церкви Святого Духа в Берне. Встречи проходили каждую неделю. Участники обменивались научными знаниями. Это частное общество превратилось в *Naturforschende Gesellschaft in Bern*. В 1815 г. Бернское общество было интегрировано в созданное Швейцарское научное общество (сегодня — Швейцарская академия наук) в качестве дочернего.

С. 105. *«Первая посвящена излучению и энергии света и очень революционна».* — Там же. С. 89.

«Согласно предположению <…> только неделимыми порциями». — Там же. С. 92.

«Я хочу понять, как Бог создал этот мир… все остальное — мелочи. По-настоящему меня интересует, мог ли бы Бог сотворить мир иным, то есть оставляет ли вообще какую-либо свободу требование логической простоты». — Цит. по: *Зелиг К.* Альберт Эйнштейн / Перев. Н. Бабановой, М. Запольской, Г. Рабиновича. М.: Атомиздат, 1966. С. 221.

С. 107. *«Приведенные рассуждения и расчеты принадлежат к самым трудным в гидродинамике».* — Цит. по: *Зелиг К.* Указ. соч. С. 91.

«Подход к задаче показывает, что автор в совершенстве владеет необходимыми для решения вопроса математическими методами». — Там же.

С. 110. *…доктор Готлиб Буркхардт практикует… экспериментальные операции лоботомии…* — Йохан Готлиб Буркхардт (1836–1907) — швейцарский психиатр, пионер психохирургии.

С. 112. *«Впечатления нашего коллеги Кляйнера, основанные на личном знакомстве, крайне важны как для комиссии, так и для факультета в целом, поскольку доктор Эйнштейн является чудеем… <…> Исходя из этого, и комитет, и факультет в целом считают несовместимым со своим достоинством принять антисемитизм в качестве руководства к действию».* — Цит. по: *Пайс А.* Указ. соч. С. 178.

С. 115. *Тэтэ* — уменьшительное от «Эдуард».

С. 115–116. *Предположим… такую гипотезу? — Эта гипотеза была бы экономной.* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 147.

С. 116. *Я восхищаюсь этим человеком, как никем другим… Я бы даже сказал, что люблю его.* — Цит. по: *Пайс А.* Указ. соч. С. 164.

С. 116–118. *Профессор Эйнштейн имеет удивительный талант представления наиболее сложных проблем теоретической*

физики в таком ясном и понятном виде, что для нас большая радость следить за его рассуждениями на лекциях. Кроме того, он легко находит общий язык с аудиторией. — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 146.

С. 118. *«Тут прекрасный институт, в котором приятно работать, — пишет он Бессо. — Только люди здесь совсем чужие».* — Цит. по: *Пайс А.* Указ. соч. С. 185.

С. 123. *…первый Сольвеевский конгресс в Брюсселе.* — Сольвеевские конгрессы, инициированные бельгийским химиком и промышленником Эрнестом Сольве (1838–1922), — серия международных конференций по обсуждению фундаментальных проблем физики и химии в Брюсселе. Первый Сольвеевский конгресс (1911), в котором приняли участие Макс Планк, Анри Пуанкаре, Мария Кюри, Эрнест Резерфорд, Хендрик Лоренц, Альберт Эйнштейн и др., считается поворотным пунктом в развитии физики XX в.

С. 124. *Пуанкаре заявляет, что Альберт — «один из самых оригинальных мыслителей, которых я знал. Особое восхищение вызывает та легкость, с которой он воспринимает новые концепции и делает из них все возможные выводы».* — Там же. С. 165–166.

С. 126. *Конгресс, по его словам, «напоминал плач на развалинах Иерусалима».* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 152.

…Пьер погибает под колесами конного экипажа неподалеку от Пон-Нёф. — Pont Neuf (*фр.* Новый мост) — старейший мост Парижа (открыт в 1607 г.) через Сену неподалеку от Парижского университета, где Пьер Кюри (1859–1906) заведовал кафедрой общей физики и радиоактивности, образованной специально для него.

С. 128. *«Эволюция пространства и времени». — Ланжевен П.* Эволюция пространства и времени // Новые идеи в математике. Вып. 2. СПб., 1913.

С. 129. *«Я полагаю, что нет никакой связи между моей научной работой и фактами личной жизни».* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 153.

«Она простой, честный человек с блестящим интеллектом. Несмотря на страстность ее натуры, она не так привлекательна, чтобы представлять опасность для кого-либо». — Там же.

…не смейтесь надо мной из-за того, что я пишу Вам, хотя мне и нечего особенно толкового сказать. <…> Если эти ничтожества продолжат лезть в Вашу жизнь, просто не читайте эту чушь, пусть этим занимаются глупцы, для которых это и было состряпано. — Там же.

С. 130. *С помощью комической остроты я обнаружил*

статистический закон, по которому двухатомная молекула двигается в магнитном поле Планка, естественно принимая во внимание законы классической механики. Правда, в то, что закон работает в реальности, я верю слабо. — Цит. по: http://www.lookatme.ru/mag/live/document/210253-document-einsteins-letter-to-curie.

Генрих Цангер (1874–1957) — давний цюрихский друг Эйнштейна, занимавшийся исследованиями в области медицины.

«Он не является хорошим педагогом для умственно ленивых господ… все это он объясняет в своих лекциях и они заставляют аудиторию думать». — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 156.

Альберт пишет Цангеру: «Оставьте Политехникум на волю Божью». — Там же.

С. 132. *На городской электричке они доезжают до озер Большое Ванзее и Малое Ванзее на реке Хафель.* — S-bahn (Stadtbahn) — система наземного городского, пригородного электротранспорта в Германии, Австрии и Швейцарии. Официальной датой открытия сети в Берлине считается 8 августа 1924 г.

С. 134. *Заходит солнце. Звезд часы настали.* — Цит. по: *Гёте И. В.* Близость любимого / Перев. Н. Григорьевой // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975. С. 253.

Итак, я пишу тебе сегодня в последний раз… несу свой крест без надежды. — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 155.

С. 136. *…Гёте. Близость любимого.* — См. выше.

С. 137. *…прусский министр по делам религии, образования и медицины Август Бодо Вильгельм Клеменс Пауль фон Тротт цу Зольц.* — Отец Адама фон Тротт цу Зольца (1909–1944), участника заговора против Гитлера (Заговор генералов, или Заговор 20 июля), который окончился неудачной попыткой покушения на жизнь фюрера 20 июля 1944 г. Большинство участников было предано суду и казнено.

С. 138. *Густав Крупп фон Болен унд Гальбах* (1870–1950) — немецкий промышленный магнат. С 1933 г. стал оказывать финансовую поддержку нацистскому движению, в частности программе перевооружения. На предприятиях Круппа, где в промышленных масштабах производились танки и военная артиллерия, широко использовался труд военнопленных и узников концлагерей.

Людвиг Дельбрюк (1860–1913) — немецкий банкир, глава банкирского дома «Дельбрюк, Шиклер и К°», через посредство которого с 1933 г. промышленники, частные бизнесмены и другие банкиры перечисляли средства в распоряжение нацистской

партии.

Генрих Теодор фон Боттингер (1848–1920) — немецкий промышленник, член НСДАП.

Адольф фон Гарнак (1851–1930) — немецкий богослов, церковный историк. В некоторых источниках называется «придворным богословом», составившим воззвание кайзера Вильгельма II к народу, оправдывающее необходимость начала Первой мировой войны. Директор Прусской королевской библиотеки (1905–1921).

Кведлинбургская Итала — древнейшая из сохранившихся иллюстрированная рукопись V в. со старолатинским переводом Библии. Фрагменты были обнаружены в разные годы второй половины XIX в.

Библия Гутенберга. — Библия Иоганна Гутенберга, выпущенная в первой половине 1450-х гг., традиционно считается точкой отсчета истории книгопечатания в Европе.

С. 140. *Гехаймрат* — тайный советник.

С. 142. *Моя жена постоянно жалуется мне на Берлин, кроме того, она боится родственников.* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 161.

С. 143. *Я отношусь к своей жене как к работнику, которого не могу уволить. У меня есть собственная спальня, и я избегаю оставаться с ней наедине.* — Там же.

С. 143–144. *А. Ты будешь следить за тем… <…> Г. Ты обязуешься не унижать меня перед нашими детьми ни словесно, ни своим поведением.* — Там же. С. 163.

С. 145. *В такие моменты понимаешь, к какой мерзкой породе зверей мы принадлежим.* — Там же. С. 180.

С. 148. *За кайзеровской империей числится немало бесчеловечных даже по нынешним меркам кампаний.* — Цит. по: *Хейстингс М.* Первая мировая война: Катастрофа 1914 года / Перев. М. Десятовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. С. 120.

Европа в своем безумии теперь затеяла что-то невероятно нелепое… — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С.180.

…на улицах Шойненфиртеля. — Шойненфиртель («Квартал сараев») — квартал в центре Берлина, где проживали преимущественно бедные евреи. После холокоста и англо-американских бомбардировок долгое время был заброшен. Реконструкция началась лишь в конце 1980-х гг. Сегодня бывший Шойненфиртель — часть Митте, берлинского делового и туристического центра.

С. 149–151. *Мы, представители немецкой науки и искусства, заявляем перед всем… миром протест… <…> В том порукой наше имя и наша честь!* — «Манифест 93-х» — открытое письмо

93 немецких интеллектуалов, преимущественно ученых, в защиту действий Германии в начинающейся Первой мировой войне. Опубликован 4 октября 1914 г. под заголовком «К культурному миру». Цит. по: *Пуанкаре Р.* На службе Франции / Перев. с фр. Ф. Капелюша. М.: Госсоцэкономиздат, 1936. С. 504–505.

С. 152. *«Воззвание к европейцам»* — антивоенное обращение, написанное известным врачом, физиологом, профессором Берлинского университета Георгом Фридрихом Николаи (1874–1964) в ответ на «Манифест 93-х». Воззвание подписали четыре человека, среди которых был А. Эйнштейн.

С. 152–154. *Благодаря технике мир стал меньше… <…> … мы просим вас не отказать нам в своей подписи.* — Цит. по: *Николаи Г. Ф.* Биология войны / Перев. Г. Генкеля. СПб.: Манускрипт, 1995. С. 18–19.

С. 155. *…Грауденц, к югу от Данцига. — Польск.* Грудзёндз и Гданьск.

Рене Шикеле (1883–1940) — немецкий поэт, прозаик, публицист. Один из зачинателей и ведущих представителей экспрессионистского движения, «генерал экспрессионизма», как называл его Т. Манн. Роман Шикеле «Бенкаль, утешитель женщин» (*Benkai, der Frauentröster*, 1914), где впервые в немецкоязычной прозе возникают мрачные видения надвигающейся мировой войны, принято считать эстетическим и политическим манифестом раннего экспрессионизма.

Гарри Кесслер (1868–1937) — англо-немецкий граф, дипломат, писатель, галерист. Кесслер был одним из основателей Немецкого союза художников и одним из лидеров пацифистского движения, «человеком, который любил людей», как отзывался о нем композитор Николай Набоков. Автор биографии «мученика Веймарской республики» Вальтера Ратенау.

Вальтер Ратенау (1867–1922) — немецкий промышленник и либеральный политик еврейского происхождения, министр иностранных дел Германии (1922). Убит членами нацистских и антисемитских организаций.

Курт Тухольский (1890–1935) — немецкий журналист и писатель еврейского происхождения. Выступал с резкой критикой милитаристских идей, политических убийств левых, либералов и пацифистов (К. Либкнехт, Р. Люксембург, В. Ратенау).

Якоб Вассерман (1873–1934) — немецкий писатель, реформатор немецкого романа.

Бруно Вальтер (1876–1962) — немецкий пианист, оперный и симфонический дирижер. С приходом Гитлера к власти покинул Германию.

Вальтер Беньямин (1892–1940) — немецкий философ-

марксист, литературный критик, переводчик еврейского происхождения. Будучи антифашистом и левым радикалом, после прихода к власти нацистов эмигрировал во Францию. Когда немецкая армия вторглась во Францию, покончил с собой, ожидая перехода через Пиренеи в Испанию.

С. 156. *…я никогда не откажусь от одинокой жизни, которая представляется мне неописуемым блаженством.* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 197.

С. 162–164. *Макс Борн называет это событие «величайшим успехом человеческих попыток понять природу, наиболее удивительным сочетанием философского понимания, физической интуиции и математического мастерства».* — Там же. С. 193.

С. 164. *Зоммерфельду пишет: «…это самое ценное открытие в моей жизни».* — Там же.

«Недружелюбный тон твоего письма очень сильно разочаровывает меня. Я вижу, что мой приезд принесет тебе мало радости, поэтому я думаю, что мне нечего трястись в поезде два часа двадцать минут». — Там же. С. 195.

«Я думаю, что этот роскошный подарок стоимостью 70 франков не соответствует нашим скромным возможностям». — Там же.

С. 165. *Есть слабый шанс порадовать Альберта своим приездом* — Там же. С. 196.

«Роль жены гения никогда не бывает легкой»… «не только мелочность, но и великодушие». — Там же. С. 195.

«Это давит на меня… мы должны оформить официальный брак. Попробуй разочек представить себя на моем месте». — Там же. С. 197.

«Вы понятия не имеете о природном лукавстве этой женщины». — Там же. С. 198.

С. 166. *«Имперский союз молота»* — влиятельное антисемитское движение, основанное в 1912 г. Теодором Фричем, объединившее под своим началом мелкие антисемитские группировки. Использовало свастику как свой отличительный знак. Считается предтечей нацистской партии.

С. 168. *«Циклон Б»* — боевое отравляющее вещество, разработанное в Германии в 1922 г., которое нацисты использовали в лагерях смерти как для дезинфекции вещей заключенных, так и для уничтожения людей в газовых камерах. Впервые применено в Освенциме в 1941 г.

С. 169. *Ипрский выступ* — местность в окрестностях бельгийского города Ипр, известная тяжелейшими сражениями Первой мировой войны.

Я думаю, что причина таких диких взрывов в половых

особенностях мужчин. — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 182.

С. 173–174. *«Вчера внезапно был поднят вопрос о том, желает А. жениться на маме или на мне… <…> Он признался мне однажды, как трудно ему держать себя под контролем…»* — Там же. С. 208.

С. 179. «*Альберт Эйнштейн — новый гигант мировой истории. Его исследования… можно сравнить с открытиями Коперника, Кеплера и Ньютона».* — Цит. по: *Пайс А.* Указ. соч. С. 294.

С. 180. *Союзные державы, чью победу во время войны я воспринимал бы безусловно меньшим злом, на поверку оказываются лишь немного меньшим злом.* — Цит. по: *Чертанов М.* Эйнштейн. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 154.

С. 182. *…реакционная деятельность со всеми ее мерзостями, украшенными отвратительной революционной маскировкой.* — Там же.

Я больше радуюсь появлению еврейского государства в Палестине. Мне кажется, что наши собратья более добры (по крайней мере, менее жестоки), чем эти ужасные европейцы. Может, лучше бы на свете остались одни китайцы, которые всех европейцев зовут бандитами. — Там же.

Я против национализма, но за сионизм… Когда у человека есть обе руки и он все время хвастает, что у него есть правая рука, то он шовинист. Однако, если правой руки у него нет, он должен что-то делать, чтобы восполнить ее недостаток. — Там же.

Как человек, я противник национализма. Но как еврей, я с сегодняшнего дня сторонник сионизма. — Там же.

С. 184. *«От Принстона и Висконсина <…> можно начихать».* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 243.

С точки зрения психологии корни антисемитизма в том, что евреи — группа, живущая по своим правилам. Еврейство явно проступает в их облике, а еврейские традиции находят отражение в интеллектуальной деятельности. — Там же. С. 238.

С. 184–185. *«Я нисколько не стремлюсь в Америку, но делаю это только в интересах сионистов, которые будут просить денег для строительства образовательных учреждений в Иерусалиме и для которых я как первосвященник и приманка… Я делаю что могу, чтобы помочь моему племени, к которому везде относятся так ужасно».* — Цит. по: *Чертанов М.* Указ. соч. С. 179.

С. 185. *«В субботу я уезжаю в Америку — не для того, чтобы выступать в университетах (хотя, вероятно, придется заниматься и этим), а чтобы помочь основать Еврейский университет в Иерусалиме. Чувствую настоятельную потребность сделать что-нибудь для этого».* — Там же.

«Люди здесь воспримут это как доказательство нелояльности

евреев», — пишет Габер, узнав о решении Альберта посетить Америку. — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 244.

С. 185–186. *«Несмотря на четко выраженные интернационалистские убеждения… я всегда чувствовал себя обязанным выступать в защиту моих гонимых и угнетаемых морально соплеменников. Особенно радует меня перспектива построения Еврейского университета, поскольку за последнее время я видел множество примеров предвзятого и немилосердного отношения к способным еврейским юношам, которых пытались лишить возможности получить образование».* — Там же.

С. 186. *Всю свою жизнь… я пытаюсь сделать это в одной книге, а вы хотите, чтобы я это сделал в одном предложении.* — Там же. С. 245.

С. 188. *…Метрополитен-опера на углу Бродвея и 39-й стрит.* — Расположение старого здания Метрополитен-опера (1880–1966). С 1966 г. театр перенесен в специально построенное здание Линкольн-центра на Бродвее. В том же году старое здание было снесено.

«Ха-Тиква» (тж. «Атиква», *ивр.* «Надежда») — гимн сионистского движения, де-факто ставший после образования Израиля и гимном страны (официально — лишь с 2004 г.). В основе гимна лежит написанное в конце 1870-х гг. в Яссах (Румыния) стихотворение галицийца Нафтали Герца Имбера «Тихватейну» («Наша надежда»), посвященное созданию поселения Петах-Тиква («Врата надежды») в Палестине и в 1888 г. положенное бессарабцем Шмуэлем Коэном на молдавскую мелодию, восходящую к итальянскому мадригалу XVI в. «Ла Мантована» (композитор Джузеппино дель Бьядо).

…для журнала «Американ хибрю». — «American Hebrew» *(англ.)* — «Евреи Америки».

С. 202. *«Конец, конец, огарок догорел! Жизнь — только тень, она — актер на сцене. Сыграл свой час, побегал, пошумел — и был таков. Жизнь — сказка в пересказе глупца. Она полна трескучих слов и ничего не значит».* — Цит. по: *Шекспир У.* Макбет. Акт V, сц. 5 / Перев. Б. Пастернака // Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 8. М.: Терра, 1994.

Вспомним Марка Твена: «Боги не дают вознаграждения за интеллект. Никогда никто еще не проявлял к нему интереса». — Из «Записных книжек», опубликованных уже после смерти писателя, в 1925 г.

С. 203. *Дзюн Исивара* (Джун Ишивара; 1881–1947) — японский физик-теоретик. В 1921 г. во время визита в Японию Эйнштейн гостил в доме Исивары, который записал и опубликовал несколько его выступлений. Редактор первого

собрания научных трудов Эйнштейна, выпущенного на японском языке в 1922–1924 гг.

ИМКА (YMCA: Young Men's Christian Assosiation) — Юношеская христианская ассоциация — молодежная организация, основанная в 1844 г. в Лондоне. Издательство «ИМКА-Пресс» впервые напечатало сочинения А. Солженицына, В. Набокова, М. Булгакова.

С. 208. *Специальная теория относительности представляет собой результат приспособления основ физики к электродинамике Максвелла — Лоренца. Из прежней физики она заимствует предположение о справедливости евклидовой геометрии для законов пространственного расположения абсолютно твердых тел, инерциальную систему и закон инерции.* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Основные идеи и проблемы теории относительности // Сборник научных трудов: В 4 т. Т. 2. М.: Наука, 1965. С. 122.

Специальная теория относительности привела к значительным успехам. Она примирила механику с электродинамикой. Она сократила число логически независимых друг от друга гипотез в электродинамике. — Там же. С. 123.

С. 209. *Она сделала неизбежным методологический анализ основных понятий. Она объединила законы сохранения импульса и энергии, выявила единство массы и энергии.* — Там же.

Но если когда-нибудь в результате решения квантовой проблемы форма общих уравнений и претерпит дальнейшие глубокие изменения, — пусть даже совершенно изменятся самые величины, с помощью которых мы описываем элементарные процессы… — Там же. С. 128.

…от принципа относительности отказываться никогда не придется; законы, выведенные с его помощью до сих пор, сохранят свое значение по меньшей мере в качестве предельных законов. — Там же. С. 128–129.

С. 210. *Нацисты сообщают, что в столкновениях с врагами было ранено около десяти тысяч их головорезов.* — Цит. по: *Эванс Р.* Третий рейх: Зарождение империи / Перев. Б. Кобрицова. М.: У-Фактория, Астрель, 2010. С. 335.

Представьте Бременский митинг Германа Геринга. — Бременский митинг (1931), в ходе которого произошли жестокие столкновения между военизированными группировками коммунистов и нацистов.

В ход пошли дубинки, кастеты, палки, тяжелые ремни, бутылки и «розочки». — Валтин Ян. Из мрака ночи. Цит. по: *Эванс Р.* Указ. соч. С. 336.

Герман Геринг спокойно стоял на сцене с кулаками, упертыми в бедра. — Там же.

С. 212. *Объявленная война на уничтожение против моих беззащитных еврейских братьев вынуждает меня бросить на чашу весов все мое влияние, которое есть у меня в мире.* — Цит. по: *Беркович Е. М.* Альберт Эйнштейн и Томас Манн в начале диктатуры // Нева. 2009. № 5.

С. 212–213. *…я с радостью согласился с предложением написать для «Таймс» что-нибудь о теории относительности. <… > …проверить смысл теории, которая была… опубликована во время войны в стране Ваших врагов. / Некоторые утверждения в Вашей газете, касающиеся моей жизни и моей личности, обязаны своим происхождением живому воображению журналистов. <…> …я оказался бы «швейцарским евреем» для немцев и «немецким ученым» для англичан.* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Что такое теория относительности // Сборник научных трудов: В 4 т. Т. 1. С. 677, 681. Из длинного письма здесь приведены только первый и последний абзацы.

С. 214. *Альберт Великий* (1200–1280) — известный немецкий философ и теолог, а также естествоиспытатель.

С. 214–215. *…колыбельную «Сияй, сияй, маленькая звездочка», положенную на мелодию Моцарта…* — Мотив широко известен как алфавитная песенка английского языка.

С. 216. *Эрнст Герке* (1878–1960) — немецкий физик-экспериментатор.

Зоммерфельд, Арнольд (1868–1951) — немецкий физик-теоретик. Научный руководитель семи лауреатов Нобелевской премии. Сам же ученый не был удостоен этой награды, хотя его номинировали более 80 раз.

С. 219. *Герман Вейль* (1885–1955) — немецкий математик и физик-теоретик, лауреат премии Лобачевского; в его честь назван кратер на обратной стороне Луны.

Густав Ми (1868–1957) — немецкий физик; в его честь назван кратер на Марсе.

Макс фон Лауэ (1879–1960) — немецкий физик, лауреат Нобелевской премии; в его честь назван кратер на обратной стороне Луны.

Леонард Гребе (1883–1967) — немецкий физик, основатель и руководитель Рентгеновского научно-исследовательского института про Боннском университете (1922–1945). В 1933 г. вступил в НСДАП.

«И кровь и гибель будут так привычны, / Ужасное таким обычным станет, / Что матери смотреть с улыбкой будут, / Как четвертует их детей война»… «„Пощады нет!“ — и спустят псов войны». — Цит. по: *Шекспир У.* Юлий Цезарь. Акт III, сц. 1 / Перев. М. Зенкевича // Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 7. М.:

Терра, 1994.

С. 220. *…очаровательной феминистки Эльзы Иерузалем, автора бестселлера «Красный дом» о жизни венских проституток.* — Эльза Иерузалем, урожденная Котаний (1876–1943) — провокативная немецкая писательница, поднимавшая щепетильные темы проституции и сексуального образования, с которой Эйнштейн познакомился во время поездки в Южную Америку весной 1925 г. В своем дневнике он называет ее «Panther Cat» («пантера»). Автор романа «Der heilige Skarabäus» (1909), вышедшего на русском языке одновременно под разными заглавиями («Красный дом». Перев. под ред. Я. Бермана. М., 1910; «Навозный жук». Перев. Э.[К.] Пименовой. СПб., 1910; «Красный фонарь». Перев. с послед. нем. изд. М., 1910).

…«нельзя строить теории на основании большого числа всяческих „если“. Это глубоко неправильно, даже если основывается на опыте и логически непротиворечиво». — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 284.

С. 222. «*Эйнштейн, перестаньте указывать Богу, что Ему делать!*» — Там же. С. 269.

Я верю… что ограничения, накладываемые статистическими законами, будут сняты. — Там же. С. 286.

С. 222–224. *Как представитель научной общественности стран, говорящих на немецком языке, как представитель Прусской академии наук и, прежде всего, как ученик и преданный почитатель, стою я у могилы величайшего и благороднейшего из наших современников. <…> Образ и труды его будут служить на благо и просвещение еще многих поколений. — Эйнштейн А.* Речь у могилы Лоренца // Собрание научных трудов: В 4 т. Т. 4. С. 95.

С. 224. *С благодарностью вспомним армию безвестных техников, упростивших радиоприборы и настолько приспособивших их к массовому производству, что радио стало общедоступным. Стыдно должно быть тому, кто пользуется чудесами науки, воплощенными в обыкновенном радиоприемнике, и при этом ценит их так же мало, как корова те чудеса ботаники, которые она жует. — Эйнштейн А.* О радио // Собрание научных трудов: В 4 т. Т. 4. С. 141.

С. 226–228. *…он ел с каждым, разговаривал с каждым, позировал каждому, у кого еще оставалась пленка, посещал каждый завтрак, каждый обед, каждую кинопремьеру, каждую свадьбу и две трети разводов. В общем, он показал себя таким хорошим парнем, что ни у кого не хватало духу спросить, в чем же состоит его теория.* — Цит. по: *Каку М.* Космос Эйнштейна. Как открытия Альберта Эйнштейна изменили наши представления о пространстве и времени / Перев. Н. Лисовой. М.: Альпина нон-

фикшн, 2016.

С. 228. *В своем дневнике Альберт запишет: «Сегодня я принял решение отказаться от места в Берлине, и теперь мне предстоит быть пташкой перелетной всю оставшуюся жизнь!»* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 323.

«Существует ли для человечества путь, позволяющий избежать опасности войны?» — Цит. по: *Чертанов М.* Указ. соч. С. 261.

Как долго еще придется <…> разочаровали Вас. — Цит. по: *Фрейд З.* Неизбежна ли война? Письмо Альберту Эйнштейну / По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 338.

С. 230–232. *«Я уважаю в Ленине человека, который с полным самопожертвованием отдал все силы осуществлению социальной справедливости. Я не считаю его метод целесообразным. Но одно бесспорно: подобные ему люди являются хранителями и обновителями совести человечества».* — Цит. по: *Чертанов М.* Указ. соч. С. 221.

С. 232–234. *«До тех пор пока у меня есть возможность выбора, я буду жить только в той стране, где превалируют гражданские свободы, толерантность и равенство всех граждан перед законом».* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 329.

С. 237. *«При сложившихся обстоятельствах я чувствую, что зависимость от прусского правительства будет для меня непереносима».* — Там же. С. 331.

«Возбуждение формальной процедуры… <…> в стенах нашей академии». — Там же.

С. 238. *…секретарь академии… жестко критикует Альберта за «участие в клеветнической кампании и за агитационную деятельность в чужой стране. Поэтому нет причин сожалеть об отступничестве Эйнштейна».* — С изм. цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 331.

«Настоящим я заявляю, что никогда не принимал участия в какой-либо клеветнической кампании. Я описывал положение дел в Германии как состояние массового психического расстройства». — Там же.

Но Ленард подливает масла в огонь: «Самый важный пример опасного влияния еврейских кругов на изучение природы продемонстрировал герр Эйнштейн». — С изм. цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 332.

Гитлер рвет и мечет: «Даже если увольнение еврейских ученых означает ликвидацию современной немецкой науки, несколько лет мы проживем и без нее!» — Там же.

«По мне… гораздо лучше иметь дело с несколькими чистопородными евреями — несколько тысячелетий цивилизации

что-нибудь да значат». — Там же. С. 333.

С. 240. *«Боюсь, как бы эта эпидемия ярости и жестокости не распространилась повсюду. Кажется, будто все снизу доверху захвачено наводнением, и уровень воды все повышается, до тех пор, пока все, что находятся наверху, не будут изолированы, запуганы, деморализованы и не захлебнутся в этом потоке».* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Письма Морису Соловину // Собрание научных трудов: В 4 т. Т. 4. С. 554.

С. 242. *К сожалению, как я уже говорил Бессо, все указывает на то, что наследственность проявляется очень явно. <…> В таких случаях внешние воздействия играют незначительную роль в сравнении с гормонами, а с этим никто ничего сделать не может.* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 340.

С. 244. *«Черчилль поистине мудр… Мне стало ясно, что эти люди готовы и намерены действовать решительно и быстро».* — Там же. С. 341.

«Германия разрушает свою собственную культуру и угрожает безопасности своих величайших мыслителей. Она выгоняет самого прославленного из своих граждан — Альберта Эйнштейна». — Там же.

С. 246. *Я рад, что вы дали мне возможность выразить вам здесь свое глубокое чувство благодарности как человеку, как доброму европейцу и как еврею. <…> Только свободные люди могли стать авторами тех изобретений и творений духа, которые на наших глазах признают ценность жизни.* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Наука и цивилизация // Собрание научных трудов: В 4 т. Т. 4. С. 187–188.

С. 247. *«Я убежденный демократ… И именно поэтому я не еду в Россию, хотя получил очень радушное приглашение. Мой визит в Москву наверняка был бы использован советскими правителями в политических целях. Сейчас я такой же противник большевизма, как и фашизма. Я выступаю против любых диктатур».* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 342.

…организации, которые притворяются пацифистскими или гуманитарными, но «на самом деле занимавшиеся не чем иным, как закамуфлированной пропагандой на службе русского деспотизма. <…> Я выступаю против власти, порабощающей личность с помощью террора и насилия, проявляются ли они под флагом фашизма или коммунизма». — С изм. цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 342.

С. 248. *«За несколько часов мы стали настоящими друзьями, будто наши чаяния и мечты были одинаковыми».* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Памяти Пауля Эренфеста // Собрание научных трудов: В 4 т. Т. 4. С. 191.

С. 258–260. *«Поднимаясь на еще не взятую математическую вершину… <…> …где может храниться главный ключ, открывающий тайну творения».* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 376.

С. 260. *…«Вместе с моими молодыми коллегами я работаю над одной крайне интересной теорией, с помощью которой я надеюсь преодолеть теоретико-вероятностную мистику и связанный с ней отход от понятия реальности в современной физике».* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Письма Морису Соловину // Собрание научных трудов: В 4 т. Т. 4. С. 556.

С. 262. *…Лео Сцилард и Юджин Вигнер обращаются к Альберту. Они хотят, чтобы тот написал обращение к президенту Рузвельту.* — Так называемое «письмо Эйнштейна Рузвельту» (1939), которое было составлено физиками Лео Сцилардом и Юджином Вигнером, содержало предупреждение о возможной разработке Германией мощной бомбы нового типа. Авторы письма призывали США обеспечить накопление запасов урановой руды и финансирование исследований в области цепных ядерных реакций. Письмо было доставлено президенту Франклину Рузвельту за подписью Альберта Эйнштейна.

С. 266. *Высвободившаяся энергия атома изменила все, за исключением нашего образа мыслей, и мы сползаем к беспримерной катастрофе.* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 394.

С. 270. *Сквозь последовавшие за тем взрыв и пламя… <…> …именно его уравнение… указало на теоретическую возможность создания атомной бомбы.* — Там же. С. 390.

С. 271–272. *«Как правило, меня считают чем-то вроде… <…> …со спокойствием и юмором принимаю все таким, какое оно есть».* — Там же. С. 416.

С. 276. *Сенатор Маккарти называет Альберта «врагом американского народа».* — Джозеф Маккарти (1908–1957) — американский политический деятель, сенатор-республиканец правых взглядов, с чьим именем связывают период политических гонений, получивший название «маккартизм» (первая половина 1950-х гг.). Гонения были направлены против любого инакомыслия, но в первую очередь против коммунистов, «красной угрозы». Маккарти предоставил сенату списки людей, которые, по его мнению, представляют угрозу американским ценностям. В списки попали не только рядовые госслужащие, но и крупные деятели искусства и науки, в том числе Чарли Чаплин, объявленный в США персоной нон-грата, Роберт Оппенгеймер и Альберт Эйнштейн.

С. 280. *…эпиграммы Эдмунда Клерихью Бентли…* — Эдмунд Клерихью Бентли (1875–1956) — британский журналист, поэт и

автор детективов; изобрел форму шуточной, зачастую абсурдной стихотворной эпиграммы из четырех строк, получившую название по его фамилии — «клерихью». Клерихью имеет форму четверостишия схемы AABB со строками неравной длины, причем первая обычно ограничивается именем и фамилией исторического лица.

С. 282. *Регионализм* — художественное направление в искусстве США 1920–1940-х гг., которое проистекало из стремления создать подлинно американское искусство в противовес идущим из Европы авангардным течениям.

Грант Вуд, Джон Стюарт Карри, Томас Гарт Бентон, Эндрю Уайет — ведущие представители регионализма. Наибольшую известность получило полотно Гранта Вуда «Американская готика» (1930), породившее немало разноречивых толкований, а затем и пародий.

С. 288. *Джерри Льюис* (1926–2017) — американский комик, режиссер, писатель.

…Фрэнк Синатра… <…> …получил «Оскар» за лучшую мужскую роль второго плана… в фильме «Отныне и вовеки веков». — Американский фильм режиссера Фреда Циннемана о буднях солдат накануне нападения на Пёрл-Харбор, снятый в 1953 г. по одноименному роману (1951) Джеймса Джонса (1921–1977). Фильм был представлен в тринадцати номинациях на «Оскар» и получил восемь из них, в том числе «За лучший фильм».

«Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес» («There is no Business like Show Business») — песня Ирвинга Берлина из мюзикла «Annie Got a Gun» («У Энни есть ружье», 1946). В одноименной музыкальной комедии 1954 г. с Мэрилин Монро эту песню исполняла Этель Мерман.

С. 289. *Мир, в котором мы живем, не является единственным миром, в котором мы жили или будем жить.* — Цит. по: *Цвелик А.* Гений рядом с Эйнштейном // https://snob.ru/profile/18467/print/123158.

С. 291. *Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями… чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного слабого отзвука, — это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен.* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Мое кредо // Сборник научных трудов: В 4 т. Т. 4. С.176.

«Ибо Твое…» <…> «Вот как кончится мир. Не взрыв но всхлип». — Цит. по: *Элиот Т. С.* Полые люди // Бесплодная земля. Избранные стихотворения и поэмы / Перев. А. Сергеева. М.: Прогресс, 1971.

С. 293. *«Должны мы уничтожить человеческий род или человечество откажется от войн? Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну».* — Цит. по: Манифест Рассела — Эйнштейна. См. с. 21 и соотв. примеч.

Угадайте, что я вижу. Начинается на «О». — «I spy with my little eye…» — детская игра, в которой надо угадать предмет, находящийся в поле зрения игроков. В качестве подсказки называется начальная буква предмета или его цвет.

С. 294. *Можно ли рассчитывать на ваш прославленный мартини?* — Мартини Оппенгеймера — знаменитый крепкий коктейль, придуманный физиком в 1940-е гг. и подававшийся в его доме в Лос-Аламосе на вечеринках для участников «Манхэттенского проекта» (кодовое название программы США по разработке ядерного оружия). Основными ингредиентами коктейля были джин, вермут, сок лайма и мед.

…«В разгаре битвы, в лесу, в горном ущелье, / Посреди огромного темного моря, в гуще копий и стрел, / Когда спит, когда растерян, когда полон стыда, / Добрые дела, сделанные прежде человеком, защитите его». — За два дня до первого в истории испытания ядерного оружия «Тринити» Оппенгеймер выразил свои надежды и страхи в переведенном с санскрита стихе из «Бхагават-гиты». Цит. по: *Редфрен Н.* Пирамиды и Пентагон. СПб.: Питер, 2013.

С. 304. *Вы же не хотите повторить судьбу Розенбергов?* — Супруги Юлиус и Этель Розенберг, американские коммунисты, первые и единственные гражданские лица в истории Америки, казненные (19 июня 1953 г.) за шпионаж в пользу иностранной державы: их обвинили в краже секретов ядерного оружия и передаче их Советскому Союзу.

Неужели вы забыли, что Сартр назвал этот процесс юридическим линчеванием, вымазавшим кровью целую страну? — Цит. по: *Козловский В.* Супруги Розенберг: вспоминая «атомных шпионов» // Русская служба Би-би-си. 5 апреля 2011 г.

С. 305. *«Старина Спарки»* (Old Sparky) — «Старина Спарки» или «Старый Спарки» — название электрического стула («спарки» — электрик на сленге), применявшегося в 1924–1964 гг. в штатах Арканзас, Коннектикут, Флорида, Джорджия, Иллинойс, Кентукки, Небраска, Огайо, Оклахома, Нью-Йорк, Техас и Виргиния. Позже этим термином обозначали любой электрический стул. В комедийном фильме «Мошенники» (2002) фигурирует плакат с надписью «Техас. Родина „Старины Спарки“. 361 довольный клиент».

С. 306. *…24 марта 1954 года, Мими и Изабелла приезжают за*

новыми нарядами в недавно открывшийся магазин «Энн Тейлор»… — «Ann Taylor» — сеть магазинов женской одежды, основанная в 1954 г. Специализируется на одежде классического кроя для деловых женщин.

Похоже на Грейс Келли? — Грейс Келли (1929–1982) — американская актриса, обладательница премии «Оскар» за лучшую женскую роль в фильме Джорджа Ситона «Деревенская девушка» (1954). С 1956 г. — супруга князя Монако Ренье III, 10-я княгиня Монако, мать ныне правящего князя Альбера II.

Скорее, на Еву Мари Сент… Из «В порту». — Ева Мари Сент (р. 1924) — американская актриса, обладательница премии «Оскар» за роль второго плана в фильме Элии Казана «В порту» (1955), с которой она дебютировала в кино.

Мы скорее как Одри Хепберн. <…> Это из «Сабрины»? — «Сабрина» (1954) — американская черно-белая комедия Билли Уайлдера с Одри Хепберн в главной роли. В основе фильма лежит пьеса Сэмюэля А. Тэйлора «Красавица Сабрина».

С. 310. *…служит в Лэнгли…* — В городе находится штаб-квартира ЦРУ. Слово «Лэнгли» употребляют как синоним ЦРУ.

С. 311. *То, что стрелка вела себя так определенно, никак не подходило к тому роду явлений, которые могли найти себе место в моем неосознанном мире понятий… Я помню еще и сейчас… что этот случай произвел на меня глубокое и длительное впечатление.* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Творческая автобиография. С. 73.

С. 312–313. *Мое участие в создании ядерной бомбы состояло в одном-единственном поступке. <…> Я не имел другого выбора, хотя я всегда был убежденным пацифистом.* — Цит. по: *Иойрыш А., Морохов И., Иванов С.* А-бомба. М.: Наука, 1980.

С. 313. *Самая прекрасная эмоция, которую нам дано испытать, — ощущение тайны.* — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 316.

С. 313–314. *Помните, как у Мелвилла?.. «Вы только подумайте, до чего коварно море: самые жуткие существа проплывают под водой почти незаметные, предательски прячась под божественной синевой… Подумайте обо всем этом, а затем взгляните на нашу зеленую, добрую, смирную землю — сравните их, море и землю, не замечаете ли вы тут странного сходства с тем, что внутри вас?»* — Цит. по: *Мелвилл Г.* Моби Дик, или Белый Кит / Перев. И. Бернштейн. М.: Художественная литература, 1967. С. 305.

С. 314. *«Суета сует, все суета».* — Екк. 2: 22.

С. 316. *«Ах, зачем я так ревела! <…> Впрочем, сегодня все странно!»* — Цит. по: *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в Стране

чудес / Перев. Н. Демуровой. М.: Наука, 1978.

С. 317…*Фаренгейт показывал 85 градусов.* — То есть плюс 30 градусов по Цельсию.

Он выступал в защиту «Скоттсборо бойз»… — Суд над десятью чернокожими юношами, обвиняемыми в изнасиловании двух белых девушек. Все обвиняемые, кроме двенадцатилетнего мальчика, были приговорены к смерти. Когда в процесс вмешалась общественность, дело было пересмотрено: с четверых сняли обвинения, пятеро получили сроки от 75 лет до пожизненного заключения (1931).

…после того линчевания в сорок шестом году… — В 1946 г. в городе Колумбия расисты пытались линчевать афроамериканца и участника войны Джеймса Стефенсона.

…поддержал Пола Робсона в «Американском крестовом походе против линчевания». — Кампания, организованная в 1946 г. по инициативе певца Пола Лероя Робсона (1898–1976), целью которой было введение федерального закона против линчевания.

С. 318. *«Действительным источником этого зла, по моему мнению, является экономическая анархия капиталистического общества… Для простоты изложения я буду называть „рабочими“ всех тех, кто не владеет средствами производства. Поскольку трудовой договор является „свободным“, то, что рабочий получает, определяется не действительной стоимостью произведенной им продукции, а его минимальными нуждами и соотношением между потребностью капиталиста в рабочей силе и числом рабочих, конкурирующих друг с другом за рабочие места».* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Почему социализм? / Перев. Л. Коротеевой // 2000. http://left.ru/2013/5/einstein223.phtml? print.

«Более того, при существующих условиях частные капиталисты неизбежно контролируют, прямо или косвенно, основные источники информации (прессу, радио, образование). <… > Производство осуществляется в целях прибыли, а не потребления». — Там же.

С. 318–319. *«В такой экономике средства производства принадлежат всему обществу и используются по плану. Плановая экономика, которая регулирует производство в соответствии с потребностями общества, распределяла бы необходимый труд между всеми его членами, способными трудиться, и гарантировала бы право на жизнь каждому мужчине, женщине и ребенку».* — Там же.

С. 321–322. *Страх смерти — самый необоснованный из страхов, — говорит Альберт, — потому что, когда ты мертв, ничего плохого с тобой уже не случится.* — Цит. по: *Перси А.* Правила жизни от Альберта Эйнштейна / Перев. С. Гоманенко.

М.: ЭКСМО, 2015.

С. 323. *…пять территорий Соединенных Штатов…* — Неконтинентальные (неприсоединенные или ассоциированные) территории США — Пуэрто-Рико, Гуам, Американские Виргинские острова, Американское Самоа, Северные Марианские острова.

С. 324. *Ваша преданность идеалам и музыка освещали мой путь… <…> …жизнь казалась бы мне пустой.* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Мир, каким я его вижу / Перев. Ю. Шейнкера // Слово, 2005. С. 45.

С. 327. *Неведение — мать страха.* — Цит. по: *Мелвилл Г.* Моби Дик, или Белый Кит. Глава III. Гостиница «Китовый фонтан» / Перев. И. Бернштейн. М.: Художественная литература, 1967. С. 305.

С. 328. *…одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей.* — Цит. по: *Эйнштейн А.* Мотивы научного исследования // Собрание научных трудов: В 4 т. Т. 4. С. 39–40.

…его окружает облако различных домыслов. <…> Он не умел легко и непринужденно обращаться с государственными мужами и власть имущими. — Цит. по: *Оппенгеймер Р.* Присутствие Эйнштейна // Эйнштейновский сборник 1969–1970 / Перев. А. Баранова, В. Жукова. М.: Наука, 1970. С. 264–269.

С. 330. *…«Слава в вышних Богу, и на Земле мир, в человеках благоволение».* — Лк. 2: 14.

С. 331. *Когда вы видите что-нибудь технически аппетитное, вы устремляетесь вперед и делаете это, а спорить о том, что с этим делать, начинаете уж после того, как достигли технического успеха.* — Цит. по: *Горелик Г.* Параллели между перпендикулярами: Андрей Сахаров, Эдвард Теллер, Роберт Оппенгеймер / Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 2. С. 304.

С. 332. *…1,4 градуса по Фаренгейту…* — То есть минус 17 градусов по Цельсию.

С. 334. *У Гёте в «Эпилоге к Шиллерову „Колоколу“» есть строки, которые будто с Альберта списаны: «То, чем велик, своеобычен он. / Он нам блестит, кометой исчезая, / Со светом вечности свой свет сливая».* — Перев. С. Соловьева // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975.

«Не верь дневному свету, / Не верь звезде ночей, / Не верь, что правда где-то, / Но верь любви моей». — Цит. по: *Шекспир У.* Гамлет, принц датский. Акт II, сц. 2 / Перев. Б. Пастернака //

Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 8. М.: Терра, 1994.

С. 335. *…«старости не сжиться с юностью шальною»…* — Цит. по: *Шекспир У.* Страстный пилигрим / Перев. В. Давиденковой-Голубевой // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1949.

«Юность так беспечна, старость так грустна; / Юность — утро лета, старость — ночь зимою; / Юность — летний жар, а старость холодна». — Там же.

Самая прекрасная эмоция, которую нам дано испытать, — ощущение тайны. Это основополагающая эмоция, стоящая у истоков всякого истинного искусства и науки. — Цит. по: *Айзексон У.* Указ. соч. С. 318.

С. 337. *…Дорогие потомки! Если вы не стали справедливее, миролюбивее и вообще разумнее, чем мы, — что ж, в таком случае черт вас возьми. Это благочестивое пожелание с глубоким уважением изрек тот, кто был Альбертом Эйнштейном.* — Цит. по: *Дюкас Э., Хофман Б.* Альберт Эйнштейн как человек / Перев. А. Лука // Вопросы философии. 1991. № 1.

С. 339. *Я уйду, когда сам того захочу… Искусственно продлевать жизнь — бездарно. Я сделал свое, пора уходить. Я хочу уйти красиво.* — Цит. по: *Пайс А.* Указ. соч. С. 454–455.

Е. Петрова,

З. Смоленская

notes

Примечания

1

«Электротехническую фабрику Я. Эйнштейна и К°» (*нем.*).

2

Как здорово! (*нем.*)

З

Железная дорога (*нем.*).

4

Керосиновую лампу (*нем.*).

5

Вон! Вон! (*нем.*)

6

Конца века (*фр.*).

«Германия превыше всего» (*нем.*).

8

Purzel (*нем.*) — Малыш.

9

Tümmler (*нем.*) — афалина.

10

Tinef (*идиш*) — рухлядь.